

... Укажите мне на земном шаре места красивее и обаятельнее Кавказа?! Где есть такое сочетание мощности, величия и чистоты? У нас иное солнце, иной месяц, иные звезды... А наше небо! Разве есть где-нибудь такое, вселяющее в душу великий, ничем не утолимый восторг, небо, как небо Кавказа? Оно прекраснее всего самого прекрасного, что есть в мире. И если кто-нибудь захочет возвеличить и прославить на веки веков чью-либо красоту, пусть только скажет: это прекрасно, как прекрасно небо, гордо вздымающееся над Эльбрусом... Высшей меры прекрасного не существует.

Но... увы! Я оторван от моей земли и моего неба, и к моему сознанию громадного счастья, что это все-таки мое, примешивается печаль, что я лишен Родины. Но эту печаль я не хочу передавать другим.

Константин Чхеидзе

К. А. Ухеидзе

Страна
Прометейя

Нальчик
“Полиграфсервис и Т”
2004

Издательский проект «Возвращение»
Авторы проекта, составители, редакторы –
Мария и Виктор Котляровы

Печатается с разрешения *Марии Чхеидзе*,
правообладательницы литературного наследия К. А. Чхеидзе

Чхеидзе К. А.

Ч 97 Страна Прометей. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 264 с.

ISBN 5-93680-133-0

...Перед нами книга, которую в Кабардино-Балкарии прочитали два-три человека, но слышали о ней многие, – «Страна Прометей», написанная белоэмигрантом Константином Чхеидзе, вышла более 70 лет назад в далеком Шанхае и в настоящее время ни в одной из библиотек России да и Европы ее не имеется.

Перед нами – светлое и пронзительное повествование о людях Кабарды и Балкарии, их менталитете, образе жизни и духовных ценностях; взволнованный рассказ о природе, достопримечательностях горного края. Это своего рода гимн дореволюционному воздуху Кабарды и Балкарии, горцам, имеющим уникальное понятие «напэ», о котором автор тоскует в 1930 году, дописывая странички о братоубийственной войне на Кавказе, той войне, где он был адъютантом З. Даутокова-Серебрякова.

К. Чхеидзе пытается быть объективным – друг с другом бьются насмерть не какие-то абстрактные люди, а те, которых он знает, этикет которых чтит, с которыми ел хлеб-соль. Сквозь все слова, описания и рассуждения сквозит боль князя Константина Александровича Чхеидзе о разрушении личности, об убивании в человеке войны человечности, рождающейся из общности страдания. Автор, наделенный незаурядным литературным слогом и большой любовью к нашей общей родине, из боли своего сердца «слепил» «Страну Прометей», которая заставит вздрогнуть не одно читательское сердце.

Герои этой удивительной повести – реальные люди, узнаваемые, с конкретными судьбами, чьи имена мы попытались раскрыть, проследив их судьбы по документам, что придает книге особый колорит. Как и рассказ о судьбе ее автора – выдающегося деятеля русского зарубежья, большого писателя, глубокого философа, одного из зачинателей евразийства.

© М. К. Чхеидзе, 2004

© А. Г. Гачева. Предисловие, 2004

© Ж. А. Шогенова. Оформление, 2004

© Полиграфсервис и Т, 2004

ВОСХИЩЕНИЯ ДОСТОЙНА ПОЧВА, ВЗРАСТИВШАЯ...

...Случалось ли с вами так, что книга, прочитанная, так сказать, «от и до», в которой, казалось бы, и нет особых откровений, зашифрованных посланий, мыслей, требующих активной работы ума, написанная к тому же достаточно просто и понятно, тем не менее заставляет вновь и вновь обращаться к себе, открывать ставшие такими знакомыми страницы, вчитываться, пытаюсь не столько разгадать магию слова, как увидеть – через время, через расстояние – человека, написавшего ее?.. Я бы назвал это родственным полем, а если уж точнее – полем родства, на котором встретились – случайно ли, неизбежно ли, а чаще всего закономерно – души, связанные узами общечеловеческими, теми самыми узами, соединяющими нас, словами Экзюпери, «с мирными пастбищами, с экзотическими плантациями и зрелыми нивами, со всей Землей».

Поле родства – составная часть «пространства тела, души, ума», которое, по мнению литературоведа В. Топорова, столь же реально, как «пространство города, страны, земли, мироздания». Встречи на этом поле, на этом пространстве достаточно редки, а поэтому каждая из них оставляет след в сердце. Именно такой видится нам знакомство с книгой «Страна Прометея» и ее автором Константином Чхеидзе.

...Я искал ее долгие годы, а оказалось, она находилась совсем рядом, даже, вероятнее всего, уже побывала в моих руках. Впрочем, расскажу по порядку. Задумав в начале девяностых годов выпуск книг о неизвестной, в силу идеологических причин, истории Кавказа, серии, получившей впоследствии название «КЛИО» («Кавказский литературно-исторический Олимп»), вместе с неутомимым исследователем Рашидом Тугановым (ныне покойным) мы составили примерный план планируемых к изданию работ. Вот тогда-то, не помню уже от кого именно, и услышал о «Стране Прометея» и ее авторе – тесными узами связанном с Кабардино-Балкарией белоэмигранте Чхеидзе.

Ее практически никто не читал, но слышали о ней многие, кое-кто даже видел, а известный историк Олег Опрышко обильно цитировал в своем документальном повествовании «Бывают странные сближения...» (1993), рассказывающем о судьбах кабардинцев и балкарцев, сражавшихся в составе Кавказской конной дивизии в пе-

риод Первой мировой войны. Уже из этих цитат становилось ясно, что перед нами произведение неординарное, что автор не просто участник происходивших в начале прошлого века событий, запечатлевший их пером очевидца, а глубокий, самобытный писатель. Мало того – столь искренне, чисто, пронзительно светло и печально о Кабарде и Балкарии, ее людях, природе никто еще не писал. Пером неизвестного литератора Чхеидзе водила высокая любовь к малой родине, обители духа, стране огня, которой стала для него Кабардино-Балкария.

Книгу, написанную человеком, оказавшимся по другую сторону баррикад и по этой причине несправедливо забытую, надо было издавать. Но, к сожалению, в силу разных причин в те годы это не удалось сделать. А когда такая возможность появилась, найти оригинал никак не получалось. Дело в том, что создавалась книга в конце двадцатых годов прошлого века; закончена была, как явствует из авторской датировки, в Праге, в 1930 году, издана спустя два года в Шанхае – китайском городе, бывшем в то время своего рода негласной столицей российской эмиграции. Тираж книги неизвестен, но нет никакого сомнения, если судить по аналогичным изданиям тех лет, что был он небольшим – несколько сотен экземпляров, большинство из которых бесследно сгинуло, превратившись в пыль, в огне времени, пламени войн, костре судеб человеческих.

И все же прав классик – сами книги не горят, хотя и сторают их тиражи. Долгое время поиски «Страны Прометея» не приносили результата. Олег Опрышко оригинала не имел – для цитирования он брал книгу у известного музейного работника Т. Б. Шаханова (1917–2000) – личности неординарной, знаковой и, как часто это бывает, недооцененной современниками.

После смерти Тимура Басиятовича следы книги затерялись. Ясно, что она никуда не делась, лежала у кого-то, но для издания оставалась недоступна. Обращения в основные книжные хранилища России в рамках межбиблиотечного абонеента, как и поиск на сайтах ведущих европейских библиотек результата не дали. Помог случай. В разговоре с одним из посетителей издательства выяснилось, что у него имеется копия «Страны Прометея» – не очень четкая, но вполне пригодная, за исключением ряда отсутствующих страниц, для воспроизводства. Выпускать книгу с купюрами, пусть и вынужденными, не хотелось. И опять на помощь пришел случай – удивительно, но нашелся оригинал, с которого была сделана попавшая к нам в руки копия. И тут выяснилась невероятная вещь – книгу эту, о чем можно говорить с высокой степенью вероятности, я уже держал в своих руках. Причем двадцать лет назад, в начале восьмидесятых.

В те годы в городском парке, у театра им. А. Шогенцукова, собирались для обмена любители книг. И в одно из воскресений здесь оказался неизвестный молодой человек, в разговоре с которым выяснилось, что из Риги, куда он ездил на похороны дальнего родственника, им доставлено несколько чемоданов старых фолиантов, которые он не прочь продать. Как оказалось, в основном это была так называемая белоэмигрантская литература, вышедшая в Риге, Харбине, Шанхае, Праге, Париже. Большинство книг прошло через многие руки, не имело родных обложек. Но было аккуратно, хотя и кустарно, переплетено их бывшим владельцем, наклеившим бумажные обложки поверх самодельных переплетов. Одной из них и была «Страна Прометея».

Почему я ее тогда не приобрел, купив множество других, как впоследствии оказалось, совершенно ненужных книг, мне и самому неясно. Когда спохватился, она уже ушла в другие руки и как попала к Тимуру Шаханову, теперь никто не расскажет. Впрочем, может, это и совершенно разные книги... Суть ли? Важно другое – сегодня «Страна Прометея», спустя более чем 70 лет, вновь пришла к читателю. Как и душа Константина Чхеидзе, чья боль и любовь, горечь и сладость, печаль и радость, тоска и тепло откроются каждому, кто на поле родства, не знаящем национальных ограничений, пытается выращивать тот хлеб, который, по Экзюпери, является «средством единения людей», каждому, кто понимает, что «восхищения достойна прежде всего почва... взрастившая» людей, каждому, кто считает себя истинным патриотом Кабардино-Балкарии.

Кому-то может показаться излишним обильное цитирование в этом предисловии мыслей французского гуманиста Антуана де Сент-Экзюпери – писателя, вошедшего в мою жизнь еще в юношестве, творчеству которого была посвящена целая книга, написанная в середине семидесятых и вышедшая в свет спустя двадцать лет, в середине девяностых. Тем более странным увидится расположение этих двух, несоизмеримых на первый взгляд личностей, в одном ряду. Но все, кто ознакомится с книгой Чхеидзе и кто уже знаком с творчеством Сент-Экса, без сомнения, отметят их созвучие мыслей, несмотря на всю планетарность мышления одного и конкретику другого. Названия их книг – «Планета людей» (в первом переводе – «Страна людей») и «Страна Прометея» перекликаются, а уж с авторством ставших крылатыми слов «все мы родом из страны детства» не так все, оказывается, однозначно. «Откуда я родом? – спрашивает Экзюпери в «Планете людей», написанной в течение нескольких месяцев 1938 года. – Я родом из моего детства, словно из какой-то стра-

ны...». Но еще почти десятью годами ранее Константин Чхеидзе заметил: «Мягкие звуки песни зачаровывали и уносили в ту, далекую, недостижимую страну, которая называется Детство». Естественно, Сент-Экзюпери не читал «Страну Прометея», не был знаком с ее автором, но высокое поле родства сближало этих людей.

Готовя книгу Константина Чхеидзе к печати, мы практически ничего не знали о биографии самого автора – ни года рождения, ни того, как сложилась его дальнейшая судьба. Лишь незначительные штрихи, которые он сам поведал о себе в книге: родился в Моздоке, где на берегах Терека, прошло его детство, друзьями по городской школе были русские и армяне, кабардинцы и осетины. Далее учеба в школе где-то на юге России, потом военная школа...

Дальнейшие сведения о боевом пути корнета были почерпнуты из уже упоминаемой нами выше книги «Бывают странные сближения...» и найденных ее автором документов.

Здесь необходимо сказать, что все публикуемые в книге документы предоставлены историком О. Л. Опрышко и в большинстве своем неизвестны читателю. Так, в частности, из приказа по Кабардинскому конному полку за № 301 от 26 октября 1917 года, подписанном полковником Абеловым, явствует, что «прибывшего в полк корнета князя Чхеидзе полагать налицо с 25-го октября»*. Встречается его фамилия и в следующем приказе, которым он назначается младшим офицером в 3-ю сотню, ту самую, которой командовал З. Даутоков-Серебряков**. Упоминается он и в «Списке наличного состава Кабардинского конного полка...», составленном 7 ноября 1917 года в слободе Нальчик***. А в приказе по полку за № 22 от 22 января 1918 года говорится о его зачислении на провиантское (приварочное) довольство при штабной команде...****.

Известно, что в августе этого же года корнет «приехал в станицу Солдатскую к своему однополчанину штабс-ротмистру Заурбеку Даутокову-Серебрякову и с тех пор находился при нем в должности адъютанта»***** вплоть до гибели последнего. Кстати, в архиве имеется и документ, собственноручно написанный Константином Чхеидзе. Адъютант генерала Даутокова-Серебрякова, давая характери-

* ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 21, л. 238.

** Там же, л. 234.

*** Там же, д. 59, л. 29 об.

**** *Опрышко О. Л.* Бывают странные сближения... Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 116.

***** Там же. С. 188.

стику (удостоверение) за № 713 от 25 сентября 1919 года подхорунжему Тембулату Лабазанову *, пишет: «...Поступил в отряд генерал-майора Даутокова-Серебрякова в августе месяце 18-го года, когда в отряде было 9 всадников. Будучи доблестным воином и безукоризненным в политическом смысле – Лабазанов является примером для всадников и заслужил доверие со стороны командного состава.

По формировании бригады продолжал службу в 1-м Кабардинском полку, участвуя в Кубанском, Балкарском, Дигорско-Осетинском и Малокабардинском походах. В июне месяце Лабазанов был взят генералом Серебряковым в качестве ординарца на Царицынский фронт, где находился до 30 августа с. г. Подхорунжий Т. Лабазанов прослужил в строю 12 месяцев» (ЦГА КБР, ф. Р-197, оп. 1, д. 30, т. 2, л. 438).

В составе отряда Бековича-Черкасского корнет оказался в Крыму. Турция, Болгария, Чехословакия, Франция – вот эмигрантские скитания Константина Чхеидзе, о которых он вскользь упоминает в своей книге, неизменно тоскуя об утраченной родине, вновь и вновь возвращаясь к ней, с теплом и любовью вспоминая страну Прометея и ее жителей...

Вот, пожалуй, и все, что было известно нам еще вчера об авторе «Страны Прометея». Но было при этом ощущение, что столь талантливый литератор, человек, одаренный особым взглядом проникновения в суть вещей и явлений, не мог уйти из этой жизни просто так, не оставив еще более значимого следа. Об этом ощущении говорил и Олег Опышко, кстати говоря, не знавший точно, что Чхеидзе зовут Константином (в выявленных документах приводится только первая буква имени), а предположивший это, поистине влюбленный в корнета и передавший эту любовь всем, кто читал его краеведческие книги.

Действительность превзошла все наши ожидания: К. А. Чхеидзе – выдающийся деятель русского зарубежья, большой писатель, глубокий философ, один из зачинателей евразийства. Впрочем, обо всем этом читатель подробно узнает из предисловия Анастасии Гачевой, старшего научного сотрудника Института мировой литературы Российской академии наук, которая занимается творчеством Константина Чхеидзе, написала ряд статей о нем, обследовала ар-

* Тембулат Хасанович Лабазанов, уроженец сел. Коголкино (Урух). В период Первой мировой войны служил в Кабардинском конном полку. Был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. В 1920 году эмигрировал за границу.

живные фонды Чхеидзе в ГАРФ (Москва) и Литературном архиве Музея чешской литературы (Чехия). Она же сообщила нам, что жива дочь Константина Александровича, от которой и получено любезное разрешение на публикацию «Страны Прометея» в Кабардино-Балкарии. Все это стало возможным благодаря интернетовским сайтам «Русский космизм» и «Философия русского зарубежья», неизмеримо расширившим круг друзей К. А. Чхеидзе, позволившим нам связаться с людьми, кому близко и дорого его имя.

«Страна Прометея» – это светлое и пронзительное повествование о людях Кабарды и Балкарии, их менталитете, образе жизни и духовных ценностях; взволнованный рассказ о природе, достопримечательностях горного края. Событиям, происходившим здесь до начала Первой мировой войны, посвящена первая часть книги, названная «Горы и горцы».

Вторая часть – «Заурбек» – описывает события гражданской войны в Кабардино-Балкарии, поданные через призму биографии З. А. Даутокова-Серебрякова. Личности до недавнего времени рисуемой преимущественно черными красками, ярим противником новой власти, в глазах которой он был «бандитом», «висельником», «палачом кабардинского народа». Чхеидзе же создает образ неординарного, разносторонне талантливого человека (чего стоят одни его музыкальные и поэтические способности), вихрем революционных потрясений ставшего в первые ряды противоборствующих советской власти сил; фигуре не столько знаковой, как трагической.

Реальными героями – живыми, узнаваемыми – насыщена книга Константина Чхеидзе. У всех у них подлинные судьбы и имена, а фамилии не названы лишь потому, что автор боялся навредить многочисленным родственникам своих персонажей, продолжавших жить в Кабардино-Балкарии. Наивный корнет, он и предполагать не мог, какую степень родства затронут репрессии Советской власти в отношении участников его повествования.

Мы посчитали нужным раскрыть фамилии действующих лиц: Маштая – поднимавшего «молодого коня, как обыкновенный человек поднимает барана» – сына Тенгиза Суншева, балкарского таубия из Безенги; Хабыж-цуга – «громоподобного, грандиозного ребенка», чье имя гремело в Большой и Малой Кабарде – Хабыжа Абдурахманова; бесподобных Джан, Джансурат, Алтынчач, Дауты, Фатимат, Сафият – дочерей Дадаша Балкарокова, говоря о которых автор печалится, что он «не в силах изобразить великолепии цветника, где цветут не цветы, но звезды» и многих других...

Посчитали нужным сделать такие комментарии к авторскому тексту по той причине, что если не помнить, откуда ты родом, какое будущее ты сможешь построить? «Человеком ниоткуда» называл таких людей в своем предсмертном интервью известный актер Леонид Филатов, говоривший, что «если ты не любишь какое-то время, то это не значит, что его не было», убежденный: «нет черно-белого прошлого... ничего нельзя забывать».

Вслед за ним поспорим с Екклесиастом, утверждавшим, что «нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после нас». Возвращая в нашу сегодняшнюю повседневность книгу, чьи страницы запечатлели гордые и неповторимые судьбы, выразим благодарность ее автору – Константину Александровичу Чхеидзе за то, что он сохранил для нас имена и деяния людей, достойных вечности, за встречу на поле родства.

Виктор Котляров

Роуднице над Лабем. Маленький городок под Прагой, весь утопающий в зелени. На городском кладбище – скромная черная плита с двумя высеченными фамилиями. Верхняя надпись, как, впрочем, и нижняя, читается четко: «Константин Чхеидзе, грузинский писатель и этнограф, 1897–1974». Две лаконичные даты: начала и конца прожитой жизни, между которыми бездонность и бесконечность...

Замок Стары Грады. Филиал Литературного архива Музея чешской литературы. Его бессменный хранитель пан Карол Билек, улыбаясь своей всегдашней тихой и доброй улыбкой, кладет мне на стол толстую папку. Развязываю тесемки. На первом листе заглавие: «События, встречи, мысли». Текст на тонкой папиросной бумаге с потрепанными, зачитанными краями. Воспоминания Константина Александровича Чхеидзе. Опыт самосознания и самосвидетельства, вынесенный из прошлого, завещанный будущему.

Константин Александрович начинает рассказ не с себя, даже не с матери и отца, плотью от плоти которых он пришел в этот мир, – первые страницы «Воспоминаний» посвящены предкам: последний в роде, Чхеидзе идет в глубь веков и поколений, вызывая из небытия образы давно отошедших, те, что сохранились в семейном предании и будоражили воображение мальчика еще в годы жизни в родительском доме. Долгожительница бабушка Анна, очень любившая внука, не раз говорила с ним о прошлом древнего рода, где были и герои-воины (отсюда знак меча на фамильном гербе), и колоритные персонажи, и знаменитости – вспомнить хотя бы того Чхеидзе, который играл роль шута при дворе царя Ираклия II, или Сехнию Чхеидзе, известного грузинского историка XVIII века. «В XVIII мои предки, князья Петр и Моисей, в составе свиты грузинского царя Вахтанга VI, выехали из Грузии в Россию. Вахтанг ехал для переговоров с Петром I, но прибыл в Северную Пальмиру вскоре после смерти Петра. В силу исторических обстоятельств, о которых тут не место говорить, Вахтанг и сопровождавшие его люди предпочли не возвращаться в Грузию. Они приняли предложение Екатерины I остаться в России, поступить в русскую службу»¹. Так князья Чхеидзе стали русскими подданными, получив поместья вблизи

¹ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли // Литературный архив Музея чешской литературы. Фонд К. А. Чхеидзе. 6/71/0003. Машинопись с авторской правкой. Далее ссылки на этот источник даются в скобках после цитаты: («Воспоминания»).

Моздока, и на протяжении двух веков преданно и доблестно служили короне Российской империи.

Отца Константин помнил мало. Александр Чхеидзе умер, когда мальчику исполнилось всего 5 лет. Он был участником русско-турецкой войны, воевал в Болгарии, получил тяжелое ранение под Шипкой. Яркий, темпераментный, независимый в суждениях и поступках, Александр первый из княжеского рода Чхеидзе женился не на грузинке, взяв за себя русскую девушку, дочь полковника и георгиевского кавалера, незнатную и небогатую. Она была очень красива, но не красота являлась ее главным достоинством. Чистота и отзывчивость сердца, душевная доброта, глубокая религиозность, подлинная интеллигентность, которая отнюдь не тождественна голлой «образованности». Мать Чхеидзе, происходившая из многодетной семьи, смогла окончить лишь четыре класса начальной школы, и тем не менее в ней была и пламенная духовность, и нравственная чистота, и честность, и деликатность, и подвижный, восприимчивый ум. Все эти качества в полной мере унаследовал от нее ее сын.

Моздок, родной город Константина Чхеидзе, в начале XX века насчитывал всего 3–4 тысячи человек населения, но этнографически и культурно был разнообразен необычайно. «В городе жили грузины-православные и грузины-католики, армяне-грегориане и армяне-католики, были осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши, немцы, казаки, украинцы, евреи, персы. Никаких национальных или религиозных предубеждений среди нас, мальчиков... не было. Мы вместе играли, вместе купались, ловили в Тереке рыбу, ходили в сады лакомиться фруктами, виноградом, на бахчи – арбузами. Эта этнографическая пестрота, религиозное разнообразие принималось нами как нечто данное, само собой понятное. Также и сословные различия стирались между нами – это был подлинный “демократизм”» («Воспоминания»). Да, недаром говорил Христос: «Будьте как дети!» Детская открытость и любовь к людям вне зависимости от их веры и национальности будут свойственны Константину Александровичу Чхеидзе всю жизнь. Выросший в двуконфессиональной семье (отец был католиком, а мать – православной), с детства посещавший и католический костел, который был построен в Моздоке его предками, и православный храм, куда мальчика часто водила мать, а потом много общавшийся с горцами-мусульманами, он с чрезвычайным уважением относился к религиям мира, и Бог в его романах, к которому взывают с надеждой и упованием то старец-мусульманин, то бесстрашный воин, то офицер-христианин, есть единый, пречечный Бог, милосердный к людям и миру, одаряющий

человека великим даром любви, зовущий его к вечной правде и вечной жизни.

Моздок, Моздок... С каким юношеским увлечением описывал уже немолодой Константин Александрович шумные ярмарки, устраивавшиеся в городе под праздник Успения Пресвятой Богородицы! Тогда «продавалось и покупалось все: лошади, коровы, овцы, козы, буйволы, ослы, домашняя птица, кожа, шерсть и все изделия из кожи и шерсти. В наскоро сколоченных магазинах предлагались ткани, начиная с шелковых и кончая копеечным ситцем. Тут – железно-скобяной товар, рядом двуколки, возы, фазтоны. Дагестанские чеканщики привозили свои художественные вещицы из серебра. Украинцы продавали глиняную посуду, охотники всех народностей – меха. Лежали высокие горы арбузов, стояли возы, доверху наполненные виноградом. Фрукты отдавались чуть не даром» («Воспоминания»). Но сердце, бившееся бурным, почти языческим восторгом при виде всего этого немыслимого изобилия, запечатлеvalo в себе и другое – толпы богомольцев, шедших поклониться Богородичной чудотворной иконе, находившейся в соборном храме Моздока. Мать распорядилась выставлять перед домом, где жило семейство Чхеидзе, большие чаны с водой. И дворянские дети сами подавали воду паломникам, в большинстве своем людям бедным, простым, – да что там говорить: просто нищим, больным и убогим. Всех, кто в том нуждался, кормили. Самым обнищавшим раздавали одежду, снабжали продуктами и деньгами. Как чуток, мудр, воспитующ был этот жест матери, учившей своих детей – неважно, что они знатного рода, – оказывать помощь всякому человеку, как бы ни был он мал и ничтожен, ведь в образе этих страждущих, отверженных, попавших в беду и приходит к людям Спаситель. Симпатию и интерес к простым людям Константин Чхеидзе будет испытывать с самого детства: их разговоры – без светской изнуряющей болтовни, без отвлеченного и такого бесплодного умствования, – рассказанные ими истории, иногда совершенно фантастические и тем не менее истинно увлекательные, спустя многие годы найдут свое отражение на страницах его рассказов, повестей и романов.

Юный Константин был впечатлителен. Его неудержимо влекла красота кавказской природы. Он часто бывал в Нальчике или под Нальчиком в поселке Долинский и во время этих поездок «постоянно испытывал радостное, возвышенное настроение. Величественная красота горных вершин вселяла уверенность, что мир, в котором существует такое неизъяснимое великолепие, не может не быть прекрасным» (Там же). Юноша любил уходить один в горы, где

«наедине с чудотворной красотой гор, наедине с природой, вышедшей из рук Создателя в девственном, покоряющем великолепии, наедине с самим собой» «постигал непостижимое, соприкасался с невыразимым никакими словами». «Мне кажется, если я действительно могу назвать себя писателем, то именно потому, что на заре жизни пережил восторги, рожденные этими поездками и прогулками», – вспоминал он позднее («Воспоминания»).

А как был красив – и бурен, и стремителен, и неукротим – знаменитый Терек, воспетый еще Лермонтовым, одним из любимых поэтов Чхеидзе! Лишь самые смелые дерзали его покорять. Константин однажды уже спас двух друзей, тонувших в водах своеирравной реки. Сам же решил не просто переплыть Терек, а переплыть в половодье, когда водный поток не оставляет смельчаку практически никаких шансов справиться с ним. Рискнул вместе с другом, кадетом Петром Сысоевым. Были моменты, когда думал: доплыть не удастся. И все-таки он доплыл. А потом также вплавь вернулся обратно. Эта сила и твердость духа, бросающего вызов судьбе, идущего наперекор обстоятельствам, не раз еще заговорит в нем в годы гражданской войны, в многолетних эмигрантских скитаниях, в советских тюрьмах и лагерях, помогая выжить тогда, когда выжить, казалось, уже невозможно...

Впрочем, в начале 1910-х годов юный Чхеидзе еще мало задумывался о «дне грядущем», тем более не мог и представить, какие изломы и катаклизмы, какие превратности и тупики этот день ему уготовит спустя каких-нибудь семь-восемь лет. Жизнь шла своим чередом. И все складывалось по заведенному в роде обычаю. Все князя Чхеидзе были военными. Из поколения в поколение передавалось родовое оружие, от отца к сыну переходила фамильная шашка. Константин, «наследника рода», ждала учеба в Кадетском корпусе, военное училище, а затем служба в кавалерии, в Северском или Нижегородском драгунском полку, где служили его деды и прадеды.

В Полтавском кадетском корпусе, куда в 1908 году поступил десятилетний Константин, будущих офицеров учили не только строевой подготовке с сопутствующими ей гимнастикой и фехтованием и не только точным наукам. Здесь преподавали – и очень добротнo – иностранные языки, историю и литературу, обучали пению, танцам и даже игре на струнных инструментах. Закон Божий, тогда предмет обязательный, вел молодой священник отец Сергей Четвериков, впоследствии в годы эмиграции известный церковный и общественный деятель, один из руководителей и духовных вдохновителей Русского студенческого христианского движения. «Высокого роста,

худой, с лицом, похожим на лик святого мученика, как изображалось на византийских иконах; с пристальным спокойным взором темных, задумчивых глаз; с приятным, как бы из глубины души идущим голосом, он производил неотразимое впечатление. Проповеди его были просты, конкретны и трогали сердце» («Воспоминания»). Предмет, «к которому едва ли не вся учащаяся молодежь тогдашней России (не исключая семинаристов) относилась несерьезно» (Там же), он умел одушевить пламенем истинной веры, и на его уроках студенты не читали под партой книжки и не посмеивались над катехизическим «во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых», а слушали, впитывали, размышляли.

Став заведующим ротной библиотекой, Чхеидзе много читает. Его по-настоящему захватывает русская классика: Гоголь, Толстой, Достоевский, молодой, романтизма исполненный Горький. Тяга к писательству пробуждается рано, хотя носит еще вполне ученический и несерьезный характер: вместе с В. Короленко, племянником знаменитого писателя, Чхеидзе начинает издавать рукописный журнал «Огонек», потом другой – уже под названием «Сигма», «своего рода дневник на различные темы, неопределенные наброски, иногда отклики на злободневные темы кадетской жизни» (Там же).

Перед самым выпуском из училища старшие кадеты участвовали в маневрах. С каким одушевлением будет потом вспоминать об этом Чхеидзе: «Бывало уже тепло, мы маршировали в летней походной форме: белые рубашки, белые брюки, высокие сапоги. Через плечо свернутые полотнища палаток с веревками, палками и кольями; за поясом лопата с короткой ручкой; на плече винтовка с примкнутым штыком. Страшно боевой вид! Нам казалось, что безусловно все девушки в нас влюблены – ведь невозможно не влюбиться в этих героев. Во время маневров все худели, загорали, казались возмужавшими. Целый день в движении, вечером устройство лагеря. Сами разбивали палатки, варили в котелках кашу. На вечернюю “зорию” – переключку и молитву – сбегались поглазеть молодые и немолдые жители деревень, если лагерь находился поблизости от них. Некоторые женщины с жалостью смотрели на нас, вспоминая, быть может, своих братьев и сыновей, отправленных на немецкий или австрийский фронт. А мы стояли в каре, непоколебимые в своей мужественности, исполненные достоинства. Правда, когда опускалась ночь, кое-кто сидел около костра пригорюнившись, кто-то охал, стягивая сапоги с распухших натертых ног, кое-кто, закрыв голову полкой шинели, “пускал слезу”... но все это вне сцены; а на сцене все мы молодцы и удалцы, один, как другой» (Там же).

Из них готовили боевых офицеров, командиров, способных умереть «за веру, царя и отечество» – ведь уже всю шла Первая мировая война. И внушали неписанный строгий завет: «армия вне политики», она не может быть игрушкой в руках тех или иных политических сил, не должна подчиняться интересам классовым, социальным или национальным. Ее долг – защита державы от внешних врагов, защита всех – и богатых, и бедных, и мусульман, и христиан, и русских, и украинцев, и грузин, и евреев, даже и этих вечно враждующих друг с другом политиков, ее девиз – «положить душу свою за други своя». Увы, как скоро этот прямой и честный офицерский идеализм разобьется о жесткую реальность революции и гражданской, братоубийственной бойни! И Чхеидзе полвека спустя выплещет на страницы «Воспоминаний» так и не утихшую боль за русское офицерство, ставшее одной из первых жертв революционного Молоха: «Русская революция была принята огромным большинством населения страны, она совершилась полвека тому назад, и было бы праздным занятием обсуждать вопрос о ее неизбежности или необходимости. Русская революция – важный исторический рубеж, переведший Россию на новые, небывалые пути, указавший в значительной мере путь развития всего мира. Никакого спора об этом быть не может. Но сейчас я оплакиваю тех моих братьев-офицеров, которые были умерщвлены слепой яростной стихией только за то, что они были офицерами. Я говорю не о тех, кто сознательно вступил в ряды Белой армии – “взявший меч, от меча погибнет”. Они убивали, и их убивали. Я говорю о тех, кто не мог бы объяснить, что значит слово “политика”; кто не знал названия ни одной политической партии в России; кто знал только один долг: идти в бою впереди солдат и первым подставить свою грудь под удар врага» (Там же).

Но все это будет потом. А пока кадеты упоенно маршировали на плацу, занимались стрельбой, гимнастикой, спортом, бравировали отличной выправкой и удалью бесшабашной, галантно ухаживали за барышнями-институтками и с нетерпением ждали, когда же наступит их черед воевать.

В мае 1916 года К. А. Чхеидзе оканчивает Кадетский корпус. Он мечтает об Одесском кавалерийском училище: офицеров там готовили быстро – уже через четыре месяца после приема они отправлялись на фронт. Но в училище не нашлось свободных вакансий, и будущий корнет поступает в Тверское училище. Занятия должны были начаться с сентября, а потому лето он проводит в путешествиях по Кабарде и Балкарии. Именно тогда происходит его встреча с долго-

жителем Тенгизом Суншевым из селения Безенги, описанная в книге «Страна Прометей». «Тенгиз полностью сохранил ясность мысли, был скуп на слова; но из его немногих слов, из его поведения, из речи его глаз – если так можно выразиться – я почувствовал и понял многое. Когда Тенгиз говорил о своем внуке, о лошади, о горах, которыми мы любовались в час заката, о речке, бурлившей вблизи его сакли, он говорил так, как будто он сам был частью внука, лошади, солнца, гор и речки. А внук, солнце, речка – частью его существа» («Воспоминания»). Встреча с Тенгизом была одним из самых сильных впечатлений поездки. Другим стало посещение древнего могильника: об этом посещении писатель также расскажет в «Стране Прометей» и позднее назовет в числе определяющих и главных событий, оказавших особое влияние на становление его как художника, на путь, которым шел он в литературе. Прочитируем «Воспоминания»: «В солнечный летний день, когда ликует небо и земля, я вошел в мрачную, темную пещеру, таившую в своих недрах останки некогда живших людей. Это был внезапный переход от царства всепобеждающей жизни к царству молчания, тьмы, неподвижности. Вокруг, у стен пещеры, на ее дне, стояли полуприклоненные или лежали скелеты, иногда сохранившиеся, иногда распавшиеся на части. Много оружия, домашней утвари, обрывки полуистлевшей одежды, высохшие ремни, потемневшие украшения. Больше всего меня поражали глазницы черепов – они упорно глядели на меня, как будто спрашивали о чем-то, в чем-то упрекали. Может быть, в том, что я жив, а тех, чьи глаза сверкали некогда в этих темных дырах, уже нет, и даже память об их жизни не сохранилась. Может быть, они требовали от меня чего-то – но чего? Может быть, звали к чему-то, пытались что-то объяснить? Я вышел из могильника расстроенный и печальный. Больше всего угнетало сознание, что я не в силах разгадать вопросов и упреков, пришедших из загробных далей. Я недоумевал, и это было самым тяжелым чувством».

1 октября 1916 года началась корнетская полоса жизни Чхеидзе. Позднее он будет вспоминать о жизни кавалерийского училища в самых точных и мельчайших подробностях, движимый желанием сохранить для потомков облик русской кавалерии, безвозвратно ушедшей в прошлое.

В училище встретил блестящий корнет и Февральскую революцию 1917-го, и отречение Николая II, и образование Временного правительства. После февральских событий училище перешло на самоуправление, власть в нем принадлежала теперь Корнетскому комитету, который возглавил Чхеидзе. Константина избрали и в Гу-

бернский комитет, где он какое-то время был вынужден заседать. А на Пасху, в апреле, поехал к семье на Кавказ. Тут-то, в поезде, произошла случайная... и судьбоносная встреча с Заурбеком Даутоковым-Серебряковым, ехавшим в отпуск с русско-германского фронта. Чхеидзе сказал Заурбеку о своем горячем желании поступить в Кабардинский полк, находившийся в составе так называемой Дикой дивизии, и встретил в боевом офицере самую активную и искреннюю поддержку. «В Дикой дивизии не хватает образованных офицеров кавказского происхождения», – сказал ему Заурбек, как сказал и о своем приятии Февральской революции, о надеждах на обновление и расцвет государства («Воспоминания»). Спустя полгода, 25 октября 1917 года, в день большевистского переворота, Константин Александрович прибыл в Кабардинский полк, штаб которого находился в Нальчике, и поступил в третью сотню под начало Даутокова-Серебрякова. Позднее, когда начнется восстание на Тереке и Заурбек создаст отряд «Свободная Кабарда», Чхеидзе станет его адъютантом и не расстанется с ним до самой его гибели. Фигура «вождя Кабарды и кабардинского антисоветского движения в 1918 и 19 гг.» (Там же) долгие годы будет вдохновлять Чхеидзе-писателя. Заурбеку, о котором на Кавказе слагали легенды, посвящена и вторая часть «Страны Прометея» (1930), и книга «Глядящий на Солнце» (1935). Да и первый шаг Чхеидзе в литературе – «Повесть о Дине» (1925) был навеян проникновенными, почти человеческими отношениями между суровым, мужественным Заурбеком и его лошадью, верной подругой кавалериста, не раз спасавшей его во время сражений.

Повествование о гражданской войне на кабардинской земле – самые впечатляющие страницы «Воспоминаний» Чхеидзе. Его перо достигает здесь почти шолоховского размаха и силы. Молодой корнет мучительно-остро и безысходно переживает трагедию братоубийственного противостояния. Навсегда запечатлеются в его памяти и пленные солдаты-красноармейцы, оторванные от земли, от семей, с землистыми, потухшими, безнадежными лицами. И жестокий, кровавый бой кабардинцев с кабардинцами возле селения Ашабово, в котором один кабардинец резал руки другому, а третий тщетно пытался разнять детей одного народа, забывших заветы предков. Чхеидзе рисует «бестиальный лик гражданской войны», когда рушились моральные устои, срывались покровы культуры и обнажался лик зверя, таящийся в глубинах естества человека. И он же говорит о массовых случаях «великодушия, героизма, самопожертвования, святости», когда «во имя идеала бесстрашно шли на

смерть, грудью защищали грудь близкого, чтобы не выдать брата, брали на себя его вину» («Воспоминания»). Писатель слишком хорошо понимает: и у красных, и у белых была своя правда, и трагедия состояла в том, что «по обе стороны рокового барьера стояли живые люди, со своими идеями, устремлениями, чувствами – простыми и сложными, со своей волей к жизни и боязнью смерти» (Там же), и что эти люди были вынуждены убивать друг друга – жестоко, без прощения, без сострадания.

Но все же и в это вздыбленное, сошедшее с колес время истории в жизни Чхеидзе возникают просветы – казалось бы, вопреки всякой логике. Именно в годы революции и гражданской войны он встречает самую большую любовь своей жизни. Имя этой женщины никогда не прозвучит из его уст, никогда не запечатлится и на бумаге, хотя именно с нее будут писаться героини в романах «Глядящий на Солнце», «Навстречу буре» (1940), автобиографическом романе «Путник с Востока» (1941), исторической повести «Невеста гор» (1944). В своих «Воспоминаниях» Чхеидзе назовет ее «пани» – как назвал в «Глядящем на Солнце», где «описал эту женщину <...> во всем ее ослепительном своеобразии» (Там же). Они недолго пробудут вместе – гражданская война разлучит их, казалось, навеки. Лишь спустя почти восемь лет Чхеидзе встретит ее в эмиграции. И пожар разгорится еще сильнее и неистовей. Но двое так и не соединят свои судьбы – слишком ощутимым будет разрыв между певицей, и в изгнании жившей относительно благополучно, в твердом, хотя и скромном достатке, имеющей свою музыкально-вокальную школу и регулярно дающей концерты, и бывшим военным, прошедшим ад гражданской войны, отступление, лемносский лагерь, поденный, копеечный труд черноработного...

Заурбек Даутоков-Серебряков погиб 27 августа 1919 года в боях под Царицыном. Чхеидзе был потрясен смертью начальника, который давно перестал быть для него просто начальником, став учителем, другом, почти старшим братом. Несколько лет после этой смерти, признается в «Воспоминаниях», он «прожил по инерции». Впрочем, 1919–1922 годы и внешне были для Чхеидзе самыми трудными годами его биографии. В начале марта 1920 года начался исход с Кавказа кабардинских частей Белой армии. Проход через Дарьяльское ущелье. Врангелевский Крым. Бои на Перекопе и разгром армии Врангеля. Бегство на пароходах в Константинополь. Унижения, претерпеваемые от французских союзников. Остров Лемнос, на котором (как и в Галлиполи) были размещены остатки некогда победоносной армии... Ликвидация военного лагеря в ап-

реле – октябре 1921 года и полный приключений путь в Болгарию, где его, бывшего князя и офицера, ждали два года самой черной работы – позднее Чхеидзе вспоминал, что поменял за это время 14 профессий: дровосек, кочегар, каменщик, грузчик, землекоп и т. д. В 1922 году судьба приводит его на Шипку. Полувеком ранее недалеко от этих мест в годы русско-турецкой войны сражался его отец, а теперь сын, которому воевать больше уже не придется, рубит деревья на лесоповале... Работает целый световой день, а в перерывах делает заметки в записной книжке: разговоры работяг, словечки местных жителей, смешные и забавные случаи. Позднее, уже в Праге, он обрабатывает эти записи и напечатает их в студенческом журнале «Годы».

Черный, изнурительный труд за гроши, за кусок хлеба и крышу над головой. Порой Чхеидзе казалось, что так будет всегда. Но в 1923 году его судьба резко меняется. Константин Александрович нелегально переходит границу Чехословакии, перебирается в Прагу и поступает на Русский юридический факультет. Корнет, кавалерист, офицер, в годы революции и гражданской войны не раз бывавший на волоске от смерти, садится на студенческую скамью и испытывает истинный восторг от того, что наконец может взять в руки книгу.

На юридическом факультете в Праге преподавали выдающиеся ученые – П. И. Новгородцев и П. Б. Струве, Н. О. Лосский и о. Сергей Булгаков, Г. В. Вернадский и Г. В. Флоровский, А. А. Кизеветтер и П. Н. Савицкий. Их собрала здесь «русская акция» президента Масарика, создавшая, насколько это было возможно, благоприятные условия для учебы эмигрантской, прежде всего военной молодежи и сделавшая столицу Чехословакии одним из главных образовательных центров русского зарубежья. Чхеидзе участвует в работе научных семинаров, пишет курсовые работы и читает, читает, читает...

Очень быстро он входит в литературные круги русской Праги. Первые литературные опыты, статьи и рассказы, печатаются в журналах «Казачий сполох», «Своими путями», «Кавказский горец». В 1925 году Чхеидзе вступает в Союз русских писателей и журналистов Чехословакии. Посещает заседания литературного кружка «Далиборка», возглавляемого прозаиком и литературным критиком П. А. Кожевниковым. И почти сразу определяет для себя главную тему творчества – Кавказ и еще раз Кавказ. Эта тема будет в центре его писаний всю жизнь – большинство рассказов, повестей и романов Чхеидзе написаны на кавказские темы, опираясь то на события реальной истории (прежде всего революции и гражданской войны), то на горские предания и легенды.

Первая книга – «Страна Прометея» – выходит на русском языке в Шанхае в 1932 году. В 1933-м она издается в Праге на чешском. Появляются чешские и русские отзывы, интервью в периодике. «Страна Прометея» названа в числе девяти лучших романов 1933 года. У Константина Александровича ширится круг знакомых среди чешской интеллигенции. Он сотрудничает в чешских изданиях – «Аксе kulturní, sociální, politická», «Rozhledy po literatuře a umění» («Обозрение литературы и искусства»), «Venkov» и др.², пишет статьи о русской литературе и философской мысли, активно содействует углублению русско-чешских культурных связей.

Писательство идет рука об руку с философскими занятиями Чхеидзе. Он – член Пражского философского общества, выступает в нем с докладами, участвует в диспутах. Штудирует историю мировой философской мысли. Из западных мыслителей особенно выделяет А. Бергсона с его идеей творческой эволюции, из русских – Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. Я. Данилевского, среди современников – Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. Н. Ильина. В 1928 году, когда тридцатилетний Чхеидзе оканчивает курс юридического факультета, он уже вовсю увлечен евразийством. Еще в Болгарии, урывая скудные часы для чтения, будущий писатель буквально проглотил сборник «Исход к Востоку», вышедший в Праге в 1921 году. Четверо молодых мыслителей – филолог Н. С. Трубецкой, экономист П. Н. Савицкий, богослов Г. В. Флоровский и музыковед П. П. Сувчинский – выступили в нем глашатаями новой историософской теории, заговорив о том, что Россия представляет собой особое историко-географическое и этнически-культурное пространство. Она – не Европа, не Азия, а Евразия, и ее склад и судьба иные, чем у европейского и азиатского регионов. Вскоре к движению присоединились филолог М. В. Шахматов, философы В. Н. Ильин и Л. П. Карсавин, были выпущены еще два программных сборника – «На путях: Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922. Кн. 2) и «Россия и латинство» (Берлин, 1923), стали выходить евразийские периодические издания – «Евразийский временник» и «Евразийская хроника», регулярно издавались брошюры и книги. Док-

² Подробная библиография статей К. А. Чхеидзе в чешской печати, составленная д-ром Й. Вацек, помещена в издании: *Zirající do Slunce. Literárněvědný sborník o životě a díle gruzínského knížete Konstantina Čcheidzeho, spisovatele v Čechách. Sestavili V. Bystrov a J. Vacek. Praha, 2002. S. 100–116.* Здесь же помещена библиография художественных произведений Чхеидзе и литературы о нем (составитель Й. Вацек) // Указ. соч. С. 93–99, 117–120.

трина нового течения активно развивалась и углублялась. Складывалось новое, синтетическое мировоззрение, которое, по мысли его adeptов, должно было помочь России найти «третий», спасительный путь, преодолевающий ущербы как капиталистического, так и коммунистического строя. Евразийцы выступали за государственно-частную систему хозяйствования, при которой сохранение командных высот в экономике в руках государства не отменяет развития личной хозяйственной инициативы. Стояли за централизованную, сильную власть, но эта власть не подавляла у них самобытность народов, населяющих огромные пространства России-Евразии, напротив, предоставляла им широкие возможности самостоятельного развития и самоуправления в рамках многонационального государства. Лозунг евразийцев – «собор трудящихся всех рас и национальностей»³, единство народов на началах доверия, братства, взаимного уважения и любви, о чем мечтали еще славянофилы, о чем пророчествовал в «Дневнике писателя» Достоевский. Да, для них равно был неприемлем и буржуазный индивидуализм, умаляющий целое в угоду торжествующей личности, и коммунистический коллективизм, для которого, как писал Маяковский, «единица – вздор, единица – ноль». Они – за соборность, за ту высшую форму единства, в которой каждая отдельная личность самобытна и уникальна и при этом находится в братски-любовном союзе с другими личностями, она «не расплывается в социальном целом, но творит вместе со всеми то общее дело, к которому каждый призван Богом»⁴. Примечательно, что, выдвигая православие как основу духовного единства России-Евразии, сторонники нового течения не отрицали других ее исконных религий, признавая их ценность, будучи убеждены, что «религиозно-культурный мир» ислама, язычества и буддизма, входящий своими частями в евразийское пространство, тяготеет к православию «как к своему центру»⁵.

Чхеидзе горячо откликнулся на эти идеи. В евразийстве он нашел разрешение многих мировоззренческих и религиозных вопросов, которые сам себе давно задавал и на которые ответа найти доселе не мог. Взять хотя вопрос о смысле русской революции. Что это – срыв, слом, падение в бездну, абсолютное и предельное зло, как утверждали Д. С. Мережковский и И. А. Ильин, убежденные в

³ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. С. 4.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Евразийство. Опыт систематического изложения (1926) // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 358, 365.

том, что никакого диалога между белой и красной Россиями нет и не может быть, или же событие колоссальное и судьбоносное, прорыв к каким-то еще неясным свершениям и рубежам? Евразийцы, в отличие от правой, монархической эмиграции, полагали и революцию, и пореволюционную действительность закономерным фактом русской истории, ее важной, хотя и катастрофической вехой, событием, всколыхнувшим нацию, переворотившим все пласты ее бытия, вызвавшим к жизни и движению те народные силы, что так долго таились под спудом. В революции и в новой России их поражала потрясающая жизненность, но жизненность искореженная, принимавшая уродливые формы. И задача была не в том, чтобы подавить эту жизненность, вогнать ее в стагнацию, а в том, чтобы выправить уродливости, преодолеть ущербность идеи, лежащей в основе строительства нового мира. Такая позиция Чхеидзе оказалась близка и понятна. К тому же, грузин по отцу, русский по матери, выросший в многонациональном Моздоке, в евразийстве он обрел оправдание глубокой, все его существо захватившей любви одновременно и к русской культуре, и к культуре Кавказа, к населяющим его народностям, таким многоликим и многообразным. И наконец, главное – бывший корнет жаждал подлинного, великого дела, которому можно было бы без всяких сомнений отдать свою жизнь, и евразийство стало для него таким делом.

В ряды евразийского движения Константин Александрович вступил в 1924 году. К началу 1930-х – он уже влиятельная фигура в евразийских кругах, правая рука П. Н. Савицкого, одного из ведущих лидеров евразийства. Входит в ЦК евразийской организации, является одним из наиболее активных и влиятельных членов Пражской группы, состоит в редколлегии основных евразийских изданий. В 1928–1929 годах переезжает во Францию, где в парижском предместье Кламар начинает выходить еженедельник «Евразия». После раскола кламарского движения, в котором Чхеидзе принял сторону правых евразийцев П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексева, Н. С. Трубецкого, он снова в Чехословакии. Ведет постоянную переписку с евразийскими группами в Париже, Брюсселе, лимитрофах – Эстонии, Латвии, Литве, инициирует выпуск в Нарве в 1933 году евразийского сборника «Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры». Составляет и редактирует «Евразийские тетради» (1934–1936), регулярно посылает материалы для брюссельского «Евразийца».

Уже в конце 1920-х годов он отчетливо понимает: евразийское движение неспособно плодотворно развиваться в отрыве от других

пореволюционных течений, тех, что подобно евразийцам не отвергали русскую революцию, не перечеркивали с негодованием опыт социального и государственного строительства Советской России, а стремились духовно преобразить его изнутри. Среди этих течений были «сменовеховцы», первыми провозгласившие: «Появление Третьей России наша общая задача»; «новоградцы» (Г. Федотов, Н. Бердяев, С. Булгаков, Ф. Степун), выдвинувшие концепцию «нового града», строяемого «из старых камней, но по новому плану» – на основе активного христианского делания во всех сферах жизни, экономической, социальной, культурной, и демократического общественного уклада; «третьероссы» (П. Боранецкий), призывавшие созидать новое общественное устройство, ориентируясь на многомиллионные массы крестьянства и на новое прометеевское миросозерцание; а еще «национал-максималисты», «младороссы» и прочая, прочая, прочая. Становление этих течений в 1920-х – начале 1930-х годов протекало в напряженной идейной полемике не только с представителями правого (монархического) и левого (коммунистического) лагеря, но и друг с другом. Чхеидзе же хорошо понимал: идейная разобщенность и действия в одиночку лишь ослабляют духовное влияние эмиграции, сводя деятельность течений к межпартийным разборкам и усиливая их оторванность от жизни страны. Поиск «нового синтеза», проектирование новых общественных форм, альтернативных и западной либерально-буржуазной модели развития, и атеистической, классовой идеологии, господствовавшей в Советской России, по его убеждению, должны развиваться в широком сотрудничестве всех пореволюционников, необходим подлинный «сбор сил» эмиграции, тех сил, которые нацелены не на конфронтацию с Советской Россией, а на плодотворное, восполняющее взаимодействие двух частей единой нации, волею исторических судеб оказавшейся расколотов надвое. Одушевленный этой идеей, в конце 1920-х – начале 1930-х годов Чхеидзе вступает в переписку с ведущими деятелями пореволюционных течений – Н. В. Устряловым, Ю. А. Ширинским-Шихматовым, П. С. Боранецким и др., налаживая мосты духовных и творческих контактов, закладывая основы возможного и действительного сотрудничества. Хочется верить, что эта содержательная переписка, интереснейший мировоззренческий и исторический документ эпохи, когда-нибудь будет опубликована.

1930-е годы – время духовной и творческой зрелости Константина Чхеидзе. Вслед за «Страной Прометея» издан «Глядящий на Солнце» (1935), пишутся романы «Навстречу буре» и «Пророк в

отечестве» (вышли в свет в 1940 и 1941 гг.), печатаются рассказы. Хотя Чхеидзе писал только по-русски, все его художественные произведения выходят на чешском языке: увы, издаваться по-русски не было ни средств, ни возможности. По мере сил Константин Александрович пишет о русской литературе, и не только о классике XIX века, но и о литературе 1920–1930-х годов. В 1932 году вместе со своим другом лингвистом Л. В. Копецким создает при Русском народном университете в Праге кружок по изучению современной русской литературы. В 1933 году появляется небольшая книжка Чхеидзе «На литературные темы», включившая в себя его статью «О современной русской литературе», прочитанную на открытии этого кружка, статьи о В. Хлебникове и В. Маяковском, а также рецензию на книгу Я. Паулика «Техника флирта». Печатает Чхеидзе и философскую публицистику, а в евразийских изданиях помещает свои статьи по проблемам идеократии.

Одна из главных тем философско-публицистических размышлений Чхеидзе – вопрос о смысле и назначении христианства. Имеет ли христианство свои задачи в мире или это сугубо трансцендентная религия и «на земле с землею примиренье / И счастье дать не властно и оно / И нам, живым, дарует утешенье, / Что мертвым лишь блаженство суждено» (И. С. Аксаков)? В ответе на этот вопрос Чхеидзе прямо следует той линии русской религиозной философии (Н. Ф. Федоров и В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, Г. П. Федотов), в которой была выдвинута идея истории как «работы спасения», исторический путь человечества мыслился как путь к «новому небу и новой земле», приурочивание условий для воцарения в мире «Царствия Божия». А в подобной историософской перспективе христианство никак не может быть замкнуто лишь сферой монастырской и храмовой, оно должно охватить собой все планы бытия, все стороны человеческой жизни – науку, культуру, хозяйство и технику, общественное служение, политику и государственное устройство, внести в них абсолютные, божеские ориентиры.

Чхеидзе говорит о необходимости более глубокого, совершеннолетнего понимания христианства как «религии преображения земли, неба и всякой твари», освящающей этой высокой целью все грани цивилизации и культуры, о том, что идеал обожения должен одушевлять не только каждую отдельную личность, но и социум в целом. Не раз в своих статьях и письмах он ссылается на Н. Ф. Фе-

дорова, для которого человек – «содеятель и сорботник Бога»⁶ в осуществлении конечных Его обетований: преодоления смерти, воскрешения умерших, преображения нынешнего несовершенного, смертного строя бытия в совершенный и бессмертный.

С идеями Федорова Чхеидзе соприкоснулся еще в кламарский период. Поначалу он был против них явно предубежден (в немалой степени потому, что параллельно Федоровым весьма интересовался П. П. Сувчинский, которого правые евразийцы особенно винили в кламарском кризисе), однако предубеждение рассеялось достаточно быстро – как под влиянием непосредственного знакомства с трудами мыслителя, так и в результате завязавшейся переписки с последователем федоровских идей философом Н. А. Сетницким, жившим и работавшим в то время в Харбине⁷. Уже с начала 1930-х годов К. А. Чхеидзе становится убежденным сторонником федоровских идей, стремится проводить их в среде русской эмиграции, и особенно среди евразийцев, помогает распространению в Европе посвященных Федорову харбинских изданий, участвует в подготовленном Сетницким сборнике «Вселенское дело» (1934. Вып. 2), написав для него статью «Проблема идеократии». В апреле 1933 года, по инициативе К. А. Чхеидзе, в Чехословацком национальном музее в Праге было основано отделение «Fedoroviana Pragensia», главной задачей которого являлся «сбор и хранение материалов, относящихся к автору “Философии общего дела”»⁸.

Чем был вызван столь глубокий интерес писателя и философа к религиозно-философскому наследию Федорова? Почему в конце 1920-х годов он, по его собственному признанию, «был вынужден вплотную подойти к этому мыслителю и его ученью. Подойти, как Савл подошел к христианству, с тем, чтобы превратиться в Павла»⁹?

⁶ Из выступления К. А. Чхеидзе на евразийском совещании в Праге в июле 1934 г. (Протокол совещания наличных в Праге членов Президиума ЦК с представителями Пражской ЕА группы (по сокращенной записи) // Евразийские тетради. Прага, 1934. № 4. С. 29).

⁷ Их переписка частично опубликована: Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. М., 2003. С. 382–450.

⁸ Обращение Национального музея в Праге к лицам и организациям об открытии архивного собрания Fedoroviana Pragensia // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). М., 2004. С. 441. В этом же сборнике опубликован фрагмент воспоминаний Чхеидзе, посвященных Пражской Федоровиане (С. 445–450).

⁹ Чхеидзе К. А. Воспоминания // Там же. С. 446.

Ответ найдем в самой биографии нашего героя, и внешней, событийной, и внутренней, сокровенной, духовной.

С первых лет жизни он был ранен смертью близких людей. Сначала умер отец, потом дядя Иван, похороны которого стали одним из самых сильных впечатлений детства Чхеидзе. Ушла из жизни бабушка Анна, за три дня до смерти испекшая своими руками пирог и завещавшая внукам съесть его на поминках по ней («Мы ели этот пирог, потому что она так велела, и рыдали, не глядя друг на друга» «Воспоминания»). Во время Первой мировой войны погиб кузен Феликс. На его погребении Чхеидзе пережил настоящий душевный кризис: «Почему Феликс мертв и из его гроба течет смертоносная сукровица? Для кого и для чего нужно умерщвлять Феликса? Для чего нужна смерть? Почему он ушел в мрак, в загадочную, страшную неизвестность? Почему Бог, всемилостивый и милосердный, послал в мир смерть? Убит, умер Феликс. Моя мать, любимая и бесценная, моя мать тоже должна умереть? Почему должна? И я должен умереть, или меня убьют. И я должен буду уйти в мрак, в черную, пугающую бездну?.. А вокруг – все живое, прекрасное, благоухающее... Это солнце, это небо, розы... Почему и зачем?» (Там же). Тогда Константин еще не мог ответить на эти раздиравшие сердце вопросы. А смерть все уносила и уносила его современников: родных и друзей, знакомых и незнакомых, и он с бессилием созерцал ее торжествующую, сатанинскую пляску на кровавой сцене революции и гражданской войны и все настойчивей вопрошал о причинах зла в человечестве, о корнях межчеловеческой розни. После знакомства с идеями Федорова наконец был найден исчерпывающий и серьезный ответ.

Объединение всего рода людского в борьбе против смерти, этого основного зла человека, возвращение жизни умершим, регуляция природы, предотвращающая естественные катаклизмы – наводнения, землетрясения, засухи, эпидемии, выход человечества в космос для его будущего освоения и преображения – выдвинутые философом задачи бессмертия и воскрешения, общепланетарные, общекосмические, потрясли воображение Чхеидзе. Он начинает писать роман о Федорове, художественно перерабатывая впечатления как от учения «всеобщего дела», так и от жизненного и духовного облика «московского Сократа». В 1941-м, когда Прага уже была оккупирована, в газете «*Národní listy*» началась публикация романа «Пророк в отечестве», завершить которую не удалось из-за запрета немецких властей. Главный герой, как писал Чхеидзе Сетницкому 22 сентября 1934 года, приступая к работе над романом, «организа-

тор “Общества Спасения”, причем всеобщего, в обстановке Праги, в условиях сего дня. Он действует на стыке чехов и русских. По происхождению чех, по культуре русский, по духу христианин. <...> Это будет (в романе) пророк, изобретатель в области духа, аскет, ученый, мудрец и несчастный, хотя и полный огня вдохновения. Люди его не примут и не пойдут за ним. Но эта развязка не помешает (я думаю) показать своего героя во весь рост»¹⁰.

В учении Федорова Чхеидзе особенно интересовала его идея совершенного общества, общества «по типу Троицы», в котором личности, подобно Божественным ипостасям, связаны неслиянно и нераздельно, пребывают в неразрывном, родственном, питаемом любовью единстве. Вот как комментировал философ-евразиец эту ключевую идею мыслителя, прямо связанную с главным постулатом «активного христианства» – необходимостью обращения догмата в заповедь: «Образ пресвятой Троицы – это не “абстрактное” представление, а величайший закон действия. Человечество должно усиливаться к тому, чтобы устроить (организовать) свою жизнь по образу и подобию пресв. Троицы. Для Федорова (как и для всех христиан) фраза об образе и подобии не пустая фраза, а наоборот – обязывающее откровение и неизбежная заповедь делания. По Федорову – пресв. Троица есть нераздельный и неслиянный союз совершенных Личностей. Этот божественный Союз раскрыт человечеству не на “поглядение”, а на уподобление: сущность проективизма (в данном случае) состоит в утверждении, что человечество должно принять Образ пресв. Троицы за образец собственного своего устройства»¹¹.

Подобный акцент на теме идеального строя жизни в писаниях Чхеидзе вполне понятен; более того – он свойствен буквально всем представителям пореволюционных течений 1920–1930-х годов. Все они стремились найти действенную, убеждающую альтернативу идеалу социалистического «земного рая», и в своем поиске новых идеалов и новых совершенных форм общежития не раз вступали на духовную территорию христианства и не раз обращались к Федорову (Н. Бердяев, Г. Федотов, В. Ильин и др.), видя в его «Философии общего дела» то всеобъемлющее, поистине планетарно-космическое понимание назначения человека в мире, которое только и могло бы

¹⁰ Литературный архив Музея чешской литературы. Ф. 142 (Fedoroviana Pragensia). I.3.27.

¹¹ Чхеидзе К. А. Записка о философии Н. Ф. Федорова // Евразийские тетради. № 4. С. 32.

по-настоящему удовлетворить современную им эпоху с ее динамизмом, с ее жаждой вселенского делания и доселе невиданной технической мощью. «Организация материи, организация духа, организация Космоса – это все идеи, волнующие самый воздух, которым мы дышим», – писал в связи с этим К. А. Чхеидзе¹².

Одним из первых в эмиграции он почувствовал тот преобразовательный, космический пафос советской литературы 1920–1930-х годов, о котором уже в наши дни столько будут писать исследователи. Чаение «третьей революции духа», выводящей к преображению бытия и человека, Чхеидзе находил и у пролетарских поэтов, и у В. Хлебникова, и у В. Маяковского¹³. Литература Советской России рассматривалась Чхеидзе под углом искания ею конечного идеала, выработки «образа окончательного идеального состояния человечества»¹⁴ – пусть и облакаются эти искания под неизбежным прессом партийной идеологии порой в редуцированные, а иногда и прямо искаженные формы. И с этой точки зрения предлагал назвать «возникающий – и уже возникший – период русской литературы идеократическим»¹⁵.

Социальные и историософские идеи Федорова Чхеидзе прямо использовал в разработке ключевой для евразийства проблемы идеократии. Концепция идеократии, выдвинутая в работах Н. С. Трубецкого, а затем развивавшаяся Н. Н. Алексеевым и др., была основана на представлении о том, что в основе каждой культуры лежит присущая ей органически идея, которая и формирует ее неповторимый, особенный облик, воздействуя на становление общественных и государственных институтов. Большею частью это влияние идеи на культуру народа не является осознанным, будучи же переведена в область сознания, она образует особую систему власти – идеократию, в которой находящийся у власти «правлящий слой» спаян единством мировоззрения, а государственное строительство всецело руководится верховной идеей. Утвердившийся в Советской России строй евразийцы считали «ложной» идеократией, предполагая сменить его идеократией «истинной», основанной на евразийском учении.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Чхеидзе К.А. Велемир Хлебников (К десятилетию со дня смерти, 28–VI–1922); Комментарий к Маяковскому // Чхеидзе К.А. На литературные темы. Прага, 1933. С. 1–24.

¹⁴ Чхеидзе К.А. О современной русской литературе // Там же. С. XVII.

¹⁵ Там же. С. XIX.

Обращаясь к вопросу об идеократии, К. А. Чхеидзе сразу же расширяет рамки анализа: этот вопрос переводится им из области социально-политической в сферу онтологии и антропологии, возводится к вопросу о сущности жизни, о смысле явления в мир создающего, чувствующего существа. Философ исходит из того понимания жизни, которое было выдвинуто в религиозной и естественно-научной ветвях русского космизма (у Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева, Н. А. Умова и В. И. Вернадского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского): жизнь для него есть борьба с энтропией, противодействие силам дезорганизации и распада. «Борьба за жизнь есть, в сущности, организация бытия»¹⁶, и во главе ее стоит человек, «высшая и конечная форма жизни»¹⁷, порожденная творческим усилием эволюции. Человек – «организационный центр вселенной», и заповедь «обладания землей», данная ему в книге Бытия, есть завет возделывать и преобразовать эту землю, требование его «соучастия в обожении мира»¹⁸. В такой онтологической и антропологической перспективе социальная организация человечества мыслится первой ступенькой к организации бытия в целом. Государственная форма объединения становится объединением для регуляции. Развивая евразийскую концепцию государств-материков (Россия-Евразия, Европа, Северо-Американские соединенные штаты с их активной экспансией на Американском континенте, Япония, стремящаяся вобрать в себя Корею, Маньчжурию, а затем и Китай), Чхеидзе видит их задачу в том, чтобы явить в своей исторической жизни «прообраз грядущего объединения человечества»¹⁹, будущего общепланетарного единства.

Идеократическое устройство социума является, таким образом, требованием самой эволюции. Но ни одна из доселе существовавших идеократий еще не сумела, по мысли Чхеидзе, вместить в себя представление о человеке как соратнике Творца, способном «организовать и преобразовать Космос»²⁰. Это, подчеркивал он, касается и двух главных идеократических систем современности – коммунизма и фашизма: обе они основаны на идеалах мелких, ущербных, не ставящих задачи онтологического восхождения мира и че-

¹⁶ Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии // Новая эпоха. Политика. Экономика. Обзоры. Нарва, 1933. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 16, 17.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Чхеидзе К. А. Проблема идеократии // Вселенское дело. Харбин, 1934. Вып. 2. С. 59.

ловека, пытаются создать идеальный строй с непреобразенными, смертными, преодолеваемыми самостью людьми, проповедуют селекционный подход (неважно – расовый или классовый), полагают в свою основу насилие... Между тем истинная, совершенная идеократия может быть построена только на целостном, активно-христианском идеале, идеале обожения, победы над смертью, благого вселенского творчества²¹. Как мы уже отмечали, этот целостный, богочеловеческий идеал Чхеидзе находил в «Философии общего дела». И именно поэтому не уставал говорить о необходимости «соразвития и взаимопроникновения» евразийства, выдвинувшего задачу общественного устройства на идеократических началах, и федоровской концепции «совершенной идеократии»²², призывая к принятию этой концепции и других пореволюционников.

Увы, мечтам Чхеидзе о «совершенной идеократии» осуществиться было не суждено. Вторая мировая война стерла в прах и ничтожество надежды пореволюционников на третий, спасительный путь, на новый религиозно-общественный синтез, что воссияет с Востока, обновляя другие народы. В оккупированной фашистами Праге Константин Александрович пишет роман «Крылья над бездной». Из скрежещущей, кровавой реальности он уходит в мир светлой легенды, в мир далекого прошлого, куда не донесутся звуки еще одной бойни, развязанной человечеством на противобожеских, превратных путях. Снова перед нами Кавказ во всем его божественном великолепии. Старец Эльдар из Орсундаха, «горного гнезда, что лежит выше полета орлиного, выше облаков грозových, среди гранитных скал, ледников и лесов, края их никто не увидит», «Эльдар, из рода людей солнечной крови», предки которого «из века в век поклонялись божественному светилу, присягали при сиянии света его», ведет свой неторопливый рассказ о делах давно канувших лет, когда сам он был еще молод, когда была жива его супруга «Дзеннетта, дивный горный цветок», а в горах еще не было колесной дороги. Неторопливо, тихо и мудро повествует старик о вражде двух братьев Кадая и Леуана, перешедшей на их потомков и о финальном исходе этой вражды и торжестве Божией правды. Он скорбит об

²¹ Различение целостной, совершенной идеократии и идеократии дробной К. А. Чхеидзе выстраивал, прямо опираясь на книгу своего корреспондента, философа Н. А. Сетницкого «О конечном идеале» (Харбин, 1932), где как раз и были сформулированы понятия целостного идеала, предполагающего полноту счастья и всеобщность спасения, и идеалов частичных, дефектных, дробных.

²² См.: ГАРФ, ф. 5911, оп. 1, ед. хр. 46, л. 2.

ушедших и оставляет завет живущим, завет обезумевшему человечеству, забывшему о своем назначении на Божьей земле: «живи, верь, надейся, трудись, больше всего люби, сострадай с несчастным, отрицай зло, вечно слушай правду голоса совести своей. Если почувствуешь тебе, будто Бог отступил от тебя или, пав духом, ты внутренне скажешь себе: добро бессильно в этом мире, а зло побеждает, – вспомни в эту минуту печали, что вселенная, не тобою начатая, тобою не заканчивается. Ты не знаешь и не должно тебе знать тайны Суда Божия, но этот Суд творится непрерывно. Не ломать копые своеволия своего о нерушимую стену Божьего предопределения должен человек, но со смирением и покорностью исповедовать:

– Господин и Повелитель мой, мой Создатель. В меру сил и разумения я исполнил твое предназначение, а в прочем да будет Твоя воля святая»²³.

Роман кончается просветленной и чистой нотой, из уст старика исходит благословение бытию и милосердному Творцу бытия, наделившему этот мир красотой и любовью: «В ясный полдень люблю я выйти на ниву, сесть на выступ скалы и думать, мечтать о былом. Видения прошлого услаждают душу мою. Видения эти подобны туману цвета весеннего неба. Порою лицо промелькнет дорогое. Порою голос услышу, голос, похожий на скрипку кобуз. Вздохнет старое сердце. Хочет забиться – сил не находит. Какая-то странная влага сочится из глаз потускневших. Некое эхо, как стон, грудь берedit... Тогда собрав последние силы, я поднимаюсь, иду и иду. Я достигаю высокого берега. Внизу бушует река, вокруг бесконечный простор. Я слушаю сердцем святое молчание гор. Я молюсь Единому Богу. Я смотрю на реку, вижу волну уходящую. Я понимаю взор к небесам, я замечаю летящую птицу. Ее крылья простерты над бездной. Тогда я говорю:

Боже, мир Твой подобен волне, освещенной игривым лучом. Мир Твой – над бездной парящие крылья...»²⁴

Роман так и не был издан ни на русском языке, ни на чешском. В архиве Софии Погорецкой, переводчицы всех художественных произведений и статей Чхеидзе 1930-х – начала 1960-х годов, хранится машинописный экземпляр русской рукописи с сопроводительной запиской Чхеидзе: «Дорогой глубокоуважаемой Софье Антоновне Погорецкой – моей талантливой терпеливой переводчице с русского

²³ Чхеидзе К.А. Крылья над бездной. 1942 // Литературный архив Музея чешской литературы. Фонд С. Погорецкой. 79/63. № 4625.

²⁴ Там же.

на чешский; моему милому другу, о котором навсегда сохраню самые светлые воспоминания. Прошу Вас принять – от сердца к сердцу – русский текст кавказского “романа-сказа” “Крылья над бездной», в воспоминание о нашем многолетнем дружном сотрудничестве. Ваш Константин А. Чхеидзе. 1942/43. Целую руки, работавшие для меня!»²⁵ Константин Александрович всегда был глубоко благодарен этой умной и энергичной женщине, которая, по его собственному признанию, «в значительной мере» сделала его литератором («Воспоминания»). «Дорогая моя сестра из чешского народа» – так назвал он ее в «Воспоминаниях», а ниже так пояснил эти слова: «С. Погорецка действительно по-сестрински относилась ко мне, интересовалась малейшими деталями моей жизни, вникала во все дела. Ни с кем, пожалуй, я не был так откровенен, как с ней; никого до такой глубины не посвящал в свои переживания, вкусы, связи. Она любила Кавказ, его романтику, его характерные народы, и не устала расспрашивать о кавказцах, живших в Праге» (Там же).

В годы войны семью Чхеидзе постигло личное горе. Жена Константина Александровича Маркета Сикорова, этнограф и фольклорист (они поженились в 1936 г.), родила долгожданных близняшек, но дети умерли, не прожив и нескольких недель. Не думая о себе, о собственных переживаниях – перешагнув порог сорокалетия, он так мечтал быть отцом! – Константин Александрович выхаживает Маркету, стремится вернуть ей веру в жизнь и в себя. Работать в таких обстоятельствах было особенно трудно, но он все-таки пишет – на бумагу ложатся строчки еще одной автобиографической книги «Без гнезд», посвященной последнему акту «белой трагедии», исходу русской армии из Крыма в Константинополь, скитаниям белых изгнанников, истории лемносского военного лагеря. В 1945 году София Погорецкая переводит этот роман, но, подобно «Крыльям над бездной», света он не увидит. А вскоре после вступления советских войск на территорию Чехословакии Чхеидзе арестовывают органы СМЕРШа.

Вместе с П. Н. Савицким, лидером евразийского движения 1930-х годов, его вывезли в Советский Союз, держали в Лефортово и Бутырках, предъявив обвинение в антисоветской деятельности, а в октябре 1945-го отправили в лагерь. Первые шесть лет Чхеидзе проводит в Сиблаге, затем в Озерлаге²⁶. Лишь спустя десять лет – в

²⁵ Там же.

²⁶ *Bystrov V. Život a dílo Konstantina Čcheidzeho // Zirájící do Slunce...* S. 53.

1955-м – он вернется в Чехословакию. Жену найдет под Прагой в Роуднице над Лабем. Талантливая, высокообразованная Маркета жила все эти годы в страшной нищете, берясь за любую, самую черную работу, лишь бы прокормить себя и Марию, такую долгожданную, такую любимую дочку.

Жизнь налаживалась трудно и медленно. Константин Александрович работает переводчиком, денег катастрофически не хватает. Очень непросто обстоит дело с печатанием. Те немногие рассказы и переложения кабардинских и балкарских легенд, которые удается поместить в чешской периодике, выходят или под псевдонимом «Ал-Костан», или совсем без подписи. Все же в 1958 году после долгих мытарств и снова под псевдонимом ему удается выпустить сборник сказаний и легенд «Орлиная скала», а в 1971-м – отдельным изданием «Невесту гор». А с 1967 года по заказу чешского Литературного фонда Константин Александрович начинает писать «Воспоминания». Работа захватывает его целиком. В августе 1971-го, когда труд наконец завершен, на его столе 616 страниц машинописи²⁷. Жизнь как будто прожита заново – пропущена через себя, через собственное, кровью сердца напоенное слово.

И еще одно главное дело, которому были посвящены последние десять лет жизни Чхеидзе. *Fedoroviana Pragensia*... Фонд, основанный еще в 1933 году при доброжелательном участии директора Народного музея, историка и библиографа Йозефа Вольфа и заведующего отделом рукописей и архивных материалов, литературоведа Милослава Новотного, теперь вместе с Литературным архивом перекочевал в Музей чешской литературы, в знаменитый Страговский монастырь, высящийся над старой Прагой. Чхеидзе неустанно заботился о своем детище, по мере сил и возможности пополняя его новыми материалами. В 1965 году Константина Александровича разыскала приехавшая в Прагу старшая дочь Н. А. Сетницкого Ольга Николаевна Сетницкая. С этого момента завязалась их переписка, продолжавшаяся до самой смерти Чхеидзе. О. Н. Сетницкая регулярно посылала писателю газетные и журнальные материалы, книги и сборники, выходившие в Советской России, в которых так или иначе упоминалось о Федорове, статьи и заметки по проблемам геронтологии и иммортологии, и все это он передавал в Литературный архив, мечтая сделать Пражскую Федоровиану целостным, синтетическим собранием, отражающим основные направления изучения

²⁷ К. А. Чхеидзе – О. Н. Сетницкой, 4 сентября 1971 // Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого (собрание Е. Н. и Ю. Р. Берковских).

наследия Федорова в России, Европе, Америке. С радостью поддерживал молодых историков литературы и философии как в Чехии, так и за рубежом, которые интересовались взглядами Федорова и писали о нем.

Когда-то философ и богослов, один из выдающихся мыслителей русского зарубежья Владимир Ильин назвал Федорова «библиологом и библиософом», «служителем духа вечной памяти». Таким же «служителем духа вечной памяти», ткавшим всей своей жизнью и творчеством нити живой связи идей и времен, был писатель, общественный деятель и философ, создатель Пражской Федоровианы Константин Александрович Чхеидзе.

28 июля 2004 года исполнится 30 лет со дня его смерти. Символично, что «Страна Прометей» возвращается на Кавказ, который так любил этот «Путник с Востока», к которому устремлялся душой и мыслью всю свою жизнь, именно в этот памятный год. И хочется верить, что это только первая ласточка. Что вслед за вышедшей книгой последуют и другие. Что слово Константина Александровича Чхеидзе полногласно зазвучит для людей, живущих на земле его предков.

Анастасия Гачева

ВВЕДЕНИЕ

Что такое «культура»? Что такое поле? Что такое «культурное поле»? Чем отличается культурное поле от дикого? Пойдемте в поле и присмотримся.

Вот заброшенный пустырь. Быть может, когда-нибудь и здесь росли полевые злаки, и заботливая рука старательно выпалывала плевелы и помогала полю давать добрые всходы. Но сейчас – какие-то фантастически разросшиеся будяки и чертополохи торжествуют на всем пространстве пустыря. Кое-где проглянет бог весть как попавший сюда анютин глазок, местами – скромной семьей цветут незабудки... Но что значат эти убогие островки сравнительно с морем пустоцветов, колючек, крапивы и прочих проклятых Богом и природой дикарей, пышно овладевших землею и отравляющих воздух своим нечистым дыханием? А вот неподалеку лежит возделанное – культурное поле. И здесь каждый стебель хочет жить, хочет иметь солнце и влагу. Однако, при самом внимательном взгляде, вы не найдете и следов той дикой борьбы и того отвратительного торжества сильнейшего (и наихудшего), которое характерно для «дикого поля». И на возделанном поле встречаются сорные травы, но они робки и принижены: они стелятся вдоль земли, ползут и лишь тогда счастливы, когда неприметны. Правда, по недосмотру случается иногда и среди возделанного поля заметить не в меру выросшего уroda-пустоцвета. Но, едва обнаруженный, он исчезает бесследно: его выкидывают прочь.

Но что поле! Полевые масштабы ничтожны! Чтобы рассмотреть законы жизни культурного или дикого поля, вы должны искать, нагибаться... То ли дело лес! В лесу все нагляднее, яснее и проще. Представьте себе так называемый девственный лес, тропический или северный, вроде сибирской тайги, – безразлично. Представьте себе трагическую борьбу титанов – дубов или сосен, когда где-то далеко вверху их ветви бьются за воздух и солнце; а внизу, на трудно обозримом пространстве, происходит непрерывная жестокая схватка миллионов корней и корешков – за жизнь, за то, чтобы «мне» отвоевать от «тебя» как можно больше питательных соков

земли... И нет никаких сдерживающих начал этой борьбы: она происходит в суровом молчании. Свидетели ее – другие деревья, кустарники, ползучие лианы, колоссальные травы – все это не устает в смертельной схватке душить друг друга: ибо, если не погибнешь ты, погибну я. Каждому кажется, что мир существует лишь для него и что мир – это и есть вот этот кусочек земли, воздуха и света, к завладению которого направлены все его силы. Таким именно выглядит девственный лес; таковы именно его суровые хищнические законы жизни... Но посмотрите на лес культурный. И здесь может быть разница между громадным дубом и маленькой нежной березкой. Но перед Небом они равнодостоинны в своем стремлении шириться, расти и цвести. И если жизнь гиганта-дуба не исключает жизни березки, то так случилось потому, что заботливая рука отвела достаточно места дубу и достаточно места березе. Возделанным, культурным этот лес стал после того, как между деревьями были установлены отношения взаимного признания права на жизнь и счастье одного из них не строилось непременно на несчастье другого.

Я вспоминаю картины леса и поля невольно. Они сами приходят в голову. Когда я вижу громадный город, я говорю себе: вот дикий лес. Вот на этом месте, где сейчас воздвигается десятиэтажный дом, еще так недавно стояли два приземистых уютных дома. И я знаю, что в каждом из этих домов жило по семейству и жили они здоровой, радостной жизнью; одна семья бывала у другой, и они все делили между собою невзгоды и удачи. А теперь тут будет стоять махина в десять этажей и сто пятьдесят квартир. Если сегодня ночью мой сосед по квартире приведет к себе столетнюю старуху в колье из алмазов, изнасилует ее и потом зарежет, то я узнаю об этом лишь завтра или послезавтра из газет. Газеты будут, конечно, обрадованы такому происшествию! Только подумать: какое количество жирно набранных строчек! Но условия жизни в десятиэтажном доме не изменятся. Через несколько дней или недель на другом этаже какой-нибудь всеми любимый учитель или пастырь, по бедности и ничтожности своей профессии не имеющий прислуги, внезапно заболит, да так, что и встать не сможет. Ну и что же?! На кого надежда у тебя, дорогой учитель? На почтальона, на случайного сборщика пепла или контролера электрической станции? Да, если они придут – ты спасен. А нет – ты можешь подышать спокойно. Ты – в десятиэтажной пустыне. И если все-таки судьба улыбнется тебе, и тебя отвезут в общественную больницу – будь покоен! Тебя не забудут: когда ты умрешь и смерть твоя даст несколько газетных строчек – за гробом твоим, пожалуй, пойдет десяток повес и зевак,

поверивших газетному писаке, что ты знаменит и пользовался при жизни всеобщей любовью.

И вот, я иду по городу, как по дикому полю. Я вижу великолепное здание – это почта. Направо, у входа, лежит безногое существо. Оно продает газеты. Идет снег, и снежинки падают на хрупкий товар безногого существа. Существо, боясь за товар, прячет его под нечто, напоминающее шаль и служащее покровом от холода. А пока происходит эта незаметная драма, на ступеньках почты стоит молодой человек, нервно постукивающий каблуком лаковых ботинок. Он читает оглушительно пахнувший листик бумаги какого-то необыкновенного цвета, вроде золота, и морщит левую бровь. Письмо явно не доставляет ему удовольствия. Он почесывает отточенным ногтем мизинца наморщенную бровь. Я вижу на мизинце бриллиант-солитер.

Или вот еще поразительное и непонятное дело. Как это так? Вот идет вагон электрической дороги. И в вагоне этом сидят молодые силачи-красавцы. Они одеты в костюмы спортсменов. Видимо, им просто некуда силу девать. Они нетерпеливы, они спешат поскорее добраться до края города, туда, где каток, если зима; или футбольное поле, если лето... Трамвай словно чувствует молодое веселье и мчится, мчится, разбрызгивая стальные скрипы, звоны и стуки колес. А вдоль линии трамвая идет дорожка. И по дорожке этой плетутся фигуры. Вот – первая. Это беременная женщина. Она с трудом передвигает ноги. По-видимому, в ее корзинке белье. Чье белье? Свое? Чужое? Может быть, она прачка? Я не знаю. Но каждому видно, что нести живот и корзину ей не по силам. А вслед за ней, ведомый собачкой, идет слепец. На его груди нет надписи «слепец». Он не нищий; он просто старый солдат, лишившийся зрения. Он отдал свое зрение родине, т.е. между прочим и тем, кто в состоянии оплатить трамвайный билет... Эй! Не унывай, солдат! Собака тебя не оставит!.. Но тяжелее всех видеть сгорбленных столетних старух. Вот уж подлинное чудо! Многие из этих старух, что волочат ноги в стоптанных ботинках, вероятно, были сначала матерями, потом бабушками. Они во чреве своем носили будущий век. И вот, этот век пришел. Вот он, этот век, он идет в трамвай. Он торопится за город. Время – деньги. И сегодня, как и вчера, должно принести максимум удовольствия. Я плачú, я могу, я делаю. А бабушки могут не торопиться. И в самом деле: чего ж им спешить? Ведь они спешили бы к могиле. Разве есть у них что-либо другое, кроме могилы? Кому нужны они?

Да... Нужно сознавать свои ошибки. У меня на родине, на диком

Кавказе, если молодежь, спешившая на танцы в соседний аул, встречала по дороге старичье – она была так нерасчетлива, что уступала свои места в повозке. Глупее же всего было то, что очень часто молодежь спешила в восточном направлении, а старичью нужно было «хлебать киселя» на юг. Вот тогда, действительно, разыгрывалась комедия! Эти дураки шли пешком на свои танцы, а подводу уступали старым бродягам.

Или я вспоминаю случай общественного умопомешательства. Это произошло осенью. Ранней осенью, когда заканчиваются полевые работы и каждый час дороже золота. И вот, надо же было Джамботу из селения Черноярского не вовремя умереть! Его сердце, испорченное падением с коня на военной службе, разорвалось как раз перед тем, как наступила пора свозить снопы и молотить. Жена Джамбота, мальчишка-семилеток и старая теща не знали, что делать. Хоронить ли хозяина или убирать поле? Так вот, односельчане Джамбота как будто сговорились и сошли с ума. Они послали людей из более слабых работников помочь вдове похоронить мужа. А сами, изнемогая от работы на собственных участках, поздно вечером переходили на участок Джамбота и там, распевая похоронную песнь с припевом «орайда», убирали Джамботово поле...

Забавно было наблюдать этих самых односельчан-черноярцев, когда они повезли на своих подводах обмолоченное их же руками джамботовское зерно на мельницу и там настрого приказали мельнику смолоть это зерно в первую очередь. Прямо трудно понять: к чему и ради чего было потрачено столько времени и усилий? Как будто им кто-то мог заплатить? Ведь Джамботова семья ни копейки не заплатила!

Непростительные глупости делались на этом самом диком Кавказе, как я вижу и понимаю это сейчас, находясь в школе мировой цивилизации, в Европе.

Части I

Торы
и герцы

В стенах Моздокских

Десятки поколений князей Алхасовых родились и умерли в степи. Несколько веков тому назад их племя вышло из состава Золотой Орды и откочевало на юг, в район между Астраханью и Моздоком, ближе к Моздоку, к Тереку... Дед ныне живущих Алхасовых приобрел в Моздоке недвижимость: дом построил, при доме сараи, конюшни и прочие помещения для хозяйства. А до тех пор были Алхасовы кочевниками. И зимой и летом обдувал их степной ветер: круглый год проводили они среди бескрайней пустыни, летом нестерпимо жаркой, а зимой – жестоко суровой.

Дед Алхасовых умер в степи. Незадолго до смерти выехал проверить рабочих, работавших на недавно купленном участке под арбузы и кукурузу; задержался там день-другой. А на третий – утром не мог подняться с войлока, на котором спал. Хотели его в город везти, лечить. Но старик энергично щелкнул языком и отрицательно мотнул головой: «Йок!» (Нет!). Послали в город за старшим сыном, Тимуром. Тот приехал как раз вовремя, чтобы услышать последнюю волю умирающего родителя: «Учи детей, учи в школе, на офицеров и инженеров... но и степь пусть не забывают... если забудут степь, – Бог их забудет, и они пропадут...»

Старик умер, но волю его решили выполнить в точности. Решили, что старший внук Там-Булат будет учиться на офицера, а младший Батыр-Бек – на инженера. Правда, ни дед, высказавший последнюю волю по поводу судьбы внуков, ни отец, взявшийся за исполнение этой воли, ни вообще кто-либо из ближайших родственников не знали в точности, как делаются офицеры и инженеры.

Однако нет сомнений в том, что у старого степняка-деда действовал правильный инстинкт, когда он требовал дать образование внукам. Он если и не понимал разумом, то чувствовал, что наступают новые времена и что молодым людям

недостаточно называться князьями, уметь укрощать и выезживать коней и вообще довольствоваться степным образованием.

Как это иногда бывает, сын его был несколько проще и консервативнее. Сын мечтал не об умственной школе для сыновей, а о практической. Переменив кочевой образ жизни на оседлый, он кое-чему научился, кое-что сообразил. До сих пор ему приходилось бывать в городе наездами, раза два в год, весной и осенью, когда происходят ярмарки. Тогда прибывающие степняки-ногайцы продают скот и приобретают запасы муки, мануфактуры, табаку, чая и прочее. Неопытность ногайцев в коммерческих делах послужила поводом к многочисленным анекдотам...

Очень часто городские торговцы сбывали им под видом сукна какую-нибудь коричневую дрянь; уговаривали покупать ботинки вместо сапог, какие-нибудь принадлежности туалета, совершенно ненужные и смешные при степном образе жизни. Рассказывают, что однажды отец семейства – степняк, по уговору приказчика, в модной лавке купил дюжины две зубных щеток. Приказчик уверял беднягу-ногайца, что эти щетки приготовлены специально для жителей степей и служат для смахивания пыли с бровей и усов. Конечно, щетки были проданы втридорога...

Еще был случай, когда кто-то «подшутил» над ногайцем, спросившим совета: чего бы сладкого купить к предстоящей свадьбе соседа? Какой-то шалопай, каких много на улицах городов, этих паразитов природы и эксплуататоров огромной части человечества, повел доверчивого ногайца в аптекарский магазин и посоветовал ему закупить побольше мыла. На прилавке аптекарского магазина разложены были разнообразные сорта приятно пахнущего мыла. Ногайцу особенно понравилось бывшее в те времена в моде земляничное мыло: большие куски темно-красного цвета, очень «вкусно» пахнущие... А потом, когда счастливый обладатель подарка предложил собравшимся на свадьбе друзьям свое оригинальное угощение, более опытные товарищи подняли его на смех. Но дело уже было сделано... Оказалось, что уже вся семья этого ногайца успела полакомиться соблазнительно пахнущим городским

угощением... С тех пор бедных ногайцев дразнят тем, что один из них угощал мылом на свадьбе...

Такого рода случаи не ускользали от внимания Алхасова-отца. Он подумывал о том, чтобы взять в свои руки коммерческие обороты своих единоплеменников. Он видел в этом обоюдную выгоду: и ему доходы, и ногайцы не будут обмануты. А если и будут обмануты (ведь по пословице – «Не обманешь, не продашь»), так все же от своего это не столь уж обидно. Вот он и хотел приучить сыновей к торговому делу.

Но ведь и торговое дело требует грамотности. И так, и этак выходило, что молодым Алхасовым нужен учитель. Где же и как его найти?

Тут нужно сделать маленькое отступление...

Город Моздок лежит на среднем течении реки Терека. Лет двадцать тому назад его население составляли несколько тысяч человек, но эти несколько тысяч представляли собой некоторый интернационал. Здесь были: русские, армяне, поляки, грузины, казаки, хохлы, ногайцы, чеченцы, калмыки, кабардинцы и т. д. Главную массу населения составляли русские. Коммерческая жизнь города находилась в руках армян. Грузины, католики (главным образом поляки), армяно-грегориане – имели свои храмы. Магометане своего храма не имели, но поблизости находились магометанские селения, и таким образом религиозные их нужды бывали удовлетворены.

Весной (на Троицу) и осенью (после Успения Пресвятой Богородицы) Моздок наполнялся приезжими: весной бывали большие базары, осенью – ярмарка населения.

Соответственно разнообразию населения взрослых, также и мир подростков был весьма разнообразен. В городской школе рядом сидели русские, грузины, армяне, кабардинцы, осетины. Здесь происходила такая масса взаимно пересекающихся влияний, что о них можно было бы написать целую книгу. Во всяком случае, мальчишеский интернационал делился на группы и группки: между одними нациями заключались союзы против других и в общем, в миниатюре здесь происходила такая же борьба народов, какую мы видим всюду.

Любимым местом сборищ для всей молодежи являлся бе-

рег реки Терек. Купальный сезон начинался в мае и кончался в октябре. Около города река разделяется на два рукава. Один – главный, широкий, мощный; другой – второстепенный, саженой шесть-семь шириной, неглубокий и вообще вполне безопасный для купания. Что же касается главного рукава, то купание в нем представляло немалую опасность. Терек – горная река, воспетая многими поэтами. Она обладает быстрым течением и большим многоводьем. Масса воды несется по глубокому руслу, часто меняя направление, смывая берега и угрожая им дальнейшим разрушением. Воды реки почти никогда не бывают светлыми. Едва заканчивается половодье – в горах начинают таять снега и тают все лето, так что вода в реке не уменьшается и не светлеет. А осенью – снова притоки воды, но уже в виде дождей, с неба. Вода в реке бурная и холодная.

Люди, которые считались опытными пловцами в реках средней России или Украины, зачастую просто не решались пускаться в плавание на Тереке. И наоборот: те, кто научился плавать в водах Терека, не находил удовольствия барахтаться в «лужах» почти стоячей воды...

На Тереке создавались характеры. Плавание в этой реке требовало не только силы легких и мускулов, но и прежде всего нервов. Иной раз, в период особо бурного таяния снегов, на реку «страшно было смотреть». И тем не менее находились смельчаки, переплывавшие ее с этого берега на тот и обратно.

Мое знакомство с главными друзьями детства в большинстве случаев происходило на берегу Терека. Там же я встретил Там-Булата и Батыр-Бека Алхасовых. Оба они едва-едва умели плавать. Вероятно, никто из их ближайших предков плавать не умел, ибо где же им было научиться? В степи рек нет... Конечно, мы, восьми- и десятилетние мальчишки, не осмеливались идти купаться в главном рукаве. С нас достаточно было барахтанья в мелководных местах маленького рукава. Появление среди нас, белокожих, почти черных ногайчат произвело колоссальное впечатление. Кое-кто из «нашей компании», не находя ничего лучшего, начал задираť новеньких. Ногайцы, которым, по-видимому, ужасно хотелось

поближе сойтись с нами и вместе купаться, довольно миролюбиво приняли насмешки. Однако, когда кто-то из проказников попробовал дать неожиданную подножку Батыр-Беку, на него, как коршун, налетел Там-Булат и, моментально бросив на песок, задал здоровую встряску. Этим самым было как бы засвидетельствовано взаимное уважение и признание: ногайцы вошли в число «наших», «своих».

Из дальнейшего знакомства выяснилось, что Алхасовы живут недалеко от нас. Я позвал их к себе, а потом они пригласили меня в свой небольшой дом, окруженный со всех сторон всякого рода хозяйственными постройками. Когда Алхасовы были у меня, они поражались количеству книг, имевшихся в нашем доме. (Кстати сказать, их было очень немного.) Они долго и внимательно рассматривали свои физиономии в овальных и квадратных старинных зеркалах. Рояль им показался невозможным и единственным чудом... А когда я попал к ним, то многое из их привычного, чуть ли не ежедневного обихода казалось мне странным и неправдоподобным. Например, буйволы и верблюды. На улицах города иногда приходилось видеть верблюдов, но издали и с опаской. А тут в их дворе лежали и гуляли старые верблюды и симпатичные молодые верблюжата, такие же хорошенькие, как овцы или козы в пору их ранней юности... В другом отделении алхасовского двора находились буйволы. Когда я оставался у Алхасовых закусывать, на стол всегда подавался так называемый «каймак» – великолепные сливки из буйволиного молока. Каймак этот бывал в два и три пальца толщиной.

А однажды меня угостили необыкновенно жирным супом, в котором плавало в большом количестве довольно жесткое и слегка сладковатое мясо. Там-Булат все уговаривал меня есть: «Такого супа ты никогда не видел», – хвастался он. И действительно, до тех пор мне никогда не приходилось есть суп из молодой конины.

По этому случаю мне вспомнился рассказ одного из старших родственников о том, как однажды крепко дружили христианин и кавказец-магометанин. И вот, как-то магометанин пригласил к себе русского кунака и угостил его колбасой из

конины. Русский одобрил колбасу, но, узнав, что она из конского мяса, которое у русских обитателей Кавказа есть не принято, решил отомстить шутнику.

Когда кавказец приехал в гости к русскому, русский предложил ему великолепные котлеты: жирные, пышные, подрумяненные... Кавказец ел и похваливал. А после обеда русский хозяин сказал: «Не правда ли, вкусные котлеты?» – «Да, – отвечал гость, – такие вкусные, что я смело могу сказать, что никогда таких вкусных не ел...»

Тогда хозяин признался, что котлеты эти из свинины. Но лучше было бы ему не признаваться! Оскорбленный гость, не мигнув глазом, выхватил кинжал и всадил его в грудь обидчику.

Суд приговорил покушавшегося на убийство к нескольким годам каторжных работ (рана была опасная, но не смертельная).

Алхасовы мне нравились, и было у них интересно. Я охотно согласился на просьбу отца моих новых друзей помочь им познать грамоту.

Правда, мне приходилось не столько учить их читать и писать, сколько проверять то, что ими сделано было вместе с учителем.

А учителя наняли из студентов. Студент этот во что бы то ни стало хотел быть оригиналом, каких свет не видел.

Он только и занимался тем, что изобретал новые способы удивлять и поражать мирных моздокских граждан. Утром он шел через весь город в одних трусиках купаться на речку. Встречая знакомых, не говорил им, как все: «Здравствуйте» или «Доброе утро», но всегда придумывал какое-нибудь свое приветствие, вроде: «Честь и здравие», или «Наше вам с процентом», или «Роза и крест» («роза и крест» он говорил главным образом барышням).

Что же касается педагогических его способностей, то они были невелики. В течение почти полугода его ученики-ногайцы едва-едва читали по складам. Неуспехи сыновей как будто радовали родителя: ему казалось, что неуспехи эти освобождают его от обязанности делать из них «офицеров» и «инженеров».

В самом деле, Там-Булат и Батыр-Бек учиться грамоте не хотели, им приятнее было гонять табуны по степи или помогать отцу в его коммерческих предприятиях.

Отец был против излишеств науки, так как ему никогда не приходилось видеть существенную пользу от образования. А терять время и деньги на «детские забавы» он не хотел. Учитель-студент отнюдь не являлся типом служителя чистого знания. Он, по-видимому, только потому занимался (да и то время от времени) с ногайчатами, что это было ново и оригинально.

Наконец, я, которого пригласили на роль контролера, имел десять лет от роду, вовсе не годился в защитники образования.

Таким-то образом случилось, что, когда мои друзья выучились кое-как читать и писать (считали они отлично, что у них от отца было), – студент-оригинал получил расчет.

Вскоре после того, как студент получил расчет, я уехал в школу, на юг России. С семьей Алхасовых расстались очень дружелюбно, но не переписывались (все мы плохо умели писать), да почти уже и не встречались в жизни. В следующих приездах в Моздок приходилось встречаться с другими людьми, или лучше сказать – другими мальчиками и юношами и о некоторых из них стоит рассказать...

Передо мной встают две фигуры: Кузьма Б. и Никита К. Оба они, что называется, «вышли из народа», отец одного из них был крестьянином, а другой – был сиротой. Он имел только одного родственника – полицейского стражника, человека простого и довольно грубого. Кузьма, подобно Ломоносову, прибыл в наш город пешком: удрал с хутора, где жила его семья.

Отец не хотел давать ему образование, считая, что это ни к чему доброму не ведущее баловство. Сам трудолюбивый, хотя и не очень удачливый крестьянин, он хотел, чтобы его сын шел по той же верной и честной (как он говорил) дороге.

Но Кузьма каким-то непостижимым образом научился читать, и чтение до такой степени увлекло его, что в одну дождливую осень он сбежал со двора и пешком пришел в город.

Здесь у него были родственники, люди очень бедные. Для них было бы непосильной тяжестью содержать лишний рот, да еще ученика – ведь ученику нужны и тетради, и книги, и форма. Насколько я знаю, отец Кузьмы смилостивился и на первое время помог сыну.

Однако уже с третьего класса (Кузьма сначала учился в городской школе, а потом перешел в реальное училище), он сам содержал себя уроками и... работой. Учебное время года он проводил в городе, причем учился сам, репетировал, готовил к переекзаменовкам, писал всякого рода сочинения. А летом – отец требовал Кузьму к себе на хутор. Надо сказать, что и отец и сын были просто влюблены в землю. Это довольно редкий случай у инородцев Северного Кавказа. Оба они, осетины-христиане, верили в тысячи примет, связанных с «религией земли». И право, их скорее можно было бы принять за язычников, поклоняющихся «матери сырой земле», нежели христианскому Богу.

Кузьма работал у отца в качестве наемного рабочего. Отец аккуратно выплачивал ему заработанные деньги, не больше и не меньше. Он рассматривал Кузьму как самостоятельного человека, отвечающего за свои поступки.

Мать Кузьмы старалась сгладить создавшиеся таким образом отношения. Но это не удавалось, и не удавалось по вине Кузьмы. Он вошел в роль взрослого человека и не желал уступать никому, даже отцу и матери.

В классе пятом-шестом Кузьма на многие годы обогнал в развитии своих сверстников. К этому времени он считался одним из лучших педагогов в Моздоке. Преподавательская работа у него не переводилась. Странно и приятно было видеть шестнадцати-, семнадцатилетнего юношу, твердо и уверенно стоявшего в жизни, как говорится, на своих ногах. У него была квартира из одной комнаты, необыкновенно чистой и какой-то пахучей. Пахла она чистотой, прилежанием, порядком... я не знаю, чем еще, но бывать в этой комнате составляло истинную радость. В одном углу стояла кровать, очень бедная; в другом – этажерка с книгами. Каждую из этих книг Кузьма подолгу облюбовывал, месяцами собирал деньги,

чтобы купить. Потом откладывались пятаки и копейки на переплет... Все книги были однообразно переплетены, стояли чинно, завешанные кисейной занавеской... Кузьма имел и убеждения: он был толстовцем, но с одной значительной поправкой: он считал необходимым противиться злу. В этом пункте он не разделял взглядов яснополянского графа.

Мы, его младшие и старшие друзья, плохо разбирались в учениях Толстого. Да и объяснения самого Кузьмы проходили как-то мимо ушей. Но мы несомненно гордились тем, что вот, дескать, какой у нас образованный друг! Мы особенно гордились тем еще, что Кузьма был чистокровный кавказец, а учился лучше всех и знал (как мы были уверены) больше всех...

Другой из упомянутых мною друзей, Никита К., собственно говоря, не может быть назван другом. И это потому, что был он необыкновенно гордым, замкнутым и нелюдимым человеком... Он имел врагов, поклонников и знакомых. А друзей, настоящих друзей, не имел...

Никите было в то время (1912–1914 гг.) лет двадцать с небольшим. Он учился когда-то и в реальном училище, и в семинарии, и еще где-то. Но ни одно учебное заведение не закончил. Он был чуть ниже среднего роста, но казался маленьким, во-первых, потому, что имел на спине небольшой горб (который его отнюдь не уродовал), и, во-вторых, потому, что голова его, увенчанная страшнейшей шевелюрой, как-то непропорционально много забирала внимания и уменьшала всю остальную фигуру. Несмотря на горб, Никита ходил с гордо закинутой головой. У него был, между прочим, какой-то поистине чайльд-гарольдовский черный плащ, который он очень ценил и одевал в исключительных случаях. Плащ этот придавал мрачный зловещий оттенок всему облику Никиты, и без того не слишком располагающему к себе. Но именно такой-то эффект и был нужен ему... Никите казалось, что он — «печальный демон, дух изгнания»; что он тот, «кого никто не любит и все живущее клянет»... Одним словом, он был в духе Байрона и Лермонтова. Байрон, Лермонтов и Шекспир были любимыми авторами Никиты.

В высшей степени досадно, что не сохранились у меня за-

писи впечатлений от его поэм, мистерий и трагедий. Кроме того, я не могу себе простить, что по неразумению своему недостаточно внимательно присматривался в свое время к этому удивительнейшему человеку. Сейчас, когда в памяти моей накопилась не одна сотня встреченных в жизни лиц, из коих некоторые играли во время революции значительную роль и потому могут быть признаны «крупными людьми», я вижу, как любопытен и редкостен был Никита, и как стоило, тысячу раз стоило посвятить ему в свое время больше внимания... Но теперь уже поздно жалеть, он мертв.

Итак, Никита был одинок и демоничен. Кроме того, он был поэт. Его стихи говорили о каких-то необыкновенных бурях, грозах, ужасных грехах (в духе Данте). Главным героем его произведений был, конечно, он сам. Но в каких разнообразных видах!

Никита читал героические трагедии в подлиннике. Они произвели на него свое неотразимое впечатление. И вот, иногда героем мистерии являлся рок в образе кого-либо из персонажей Гомера... Только теперь я сознаю всю необыкновенность того факта, что в Моздоке, где-то далеко на краю света, жил человек, малообразованный, из нищенски-бедной семьи, который увлекался Байроном и Шекспиром.

Я думаю, что во всей Терской области едва ли нашелся бы десяток лиц, которым сродни был Шекспир.

А Никита, можно сказать, бредил этим гениальнейшим драматургом. И еще одно странно: вокруг Никиты не было ни одного человека, который мог бы – не говорю разделить, но хотя бы понять – его восторг. И он все-таки не изменял своим внутренним интересам, он предпочитал одиночество и молчание... Правда, порою ему необходимо было высказаться хоть перед кем бы то ни было. И вот тогда он был особенно интересен. Он удалялся со своими слушателями в лес или отдаленный угол рощи, и тут открывал себя. Не каждый допускался к такого рода беседам-проповедям или беседам-откровениям – не знаю, как лучше назвать.

Мне пришлось раза три-четыре побывать на них... Вспоминаю разговор как раз о Шекспире.

Никита уверял, что в Европе уже давно не понимают Шекспира. Не понимают в том смысле, что не могут войти в существо изображаемых Шекспиром героев. «В Европе, – говорил Никита, – настолько быстрая жизнь, что не хватает времени остановиться, вникнуть в драму Гамлета или леди Макбет. Кроме того, в Европе едва ли найдется человек, способный своею жизнью повторить судьбу героев Шекспира...»

Откуда у Никиты были такие знания о Европе, я не знаю. Но надо было видеть этого вдохновенного осетина-философа, с глазами черными как уголь и горящими искренностью и убеждением. Надо было послушать этого природного оратора, когда он, без шапки, с горой курчавых темных волос, драматически завернутый в черный плащ, прорицал свои утверждения.

Голос у него был несколько глухой, и не всегда и не все слова он произносил ясно. Как настоящий кавказец, он обладал красивой плавной жестикуляцией. Не той нервной мелкой и дешевой жестикуляцией, которая заимствована от суетливых детей Сиона, а неторопливой, величавой жестикуляцией настоящих господ жизни – родоначальников кавказской расы, прямых потомков Прометея.

Никита уверял, что только трагические характеры могут подняться до понимания Шекспира, Лермонтова и Байрона; и что только для трагических характеров они и писали свои вещи. Само собой разумеется, себя он считал ярчайшим представителем такого рода характеров. И здесь уместно сказать несколько слов о странном неправдоподобном увлечении со стороны Никиты всем трагическим...

В нем были черты настоящего фаталиста. Он верил в свою звезду и говорил, что звезда у него несчастная, но, например, от воды он не умрет.

И действительно, воды он не боялся.

А Терек – река страшная!

Бывало, соберутся на берегу завязтые купальщики, самый отчаянный народ. Обсуждают вопрос: можно ли сегодня купаться?

Вода же такова, что, кажется, об этом и думать нельзя... На-

до представить себе полосу воды шириной в 150–160 сажений, мрачно-черную, несущуюся со скоростью разъяренного коня.

Правда, у берегов течение несколько слабее, но ведь порядочный пловец считает ниже своего достоинства, бросившись в воду, не доплыть до противоположного берега...

И вот случилось, что, когда на берегу раздавались споры по поводу того лезть ли в воду или не лезть, с того берега приближалась шапка черных волос – это был Никита.

Молчаливое торжество, состоявшее в том, что он один проплывал мимо колеблющейся толпы, поднимало его в собственных глазах на невероятную высоту.

Впрочем, в данном случае гордился он собою заслуженно: далеко не в каждой сотне жителей речных мест найдется человек, желающий повторить «жест» Никиты.

Другая его странность относится к женскому полу. Не будучи красивым, он все-таки принадлежал к тому типу мужчин, которые «нравятся». Он мог бы рассчитывать на благосклонность многих, но, как это иногда случается, посвятил всего себя, весь огонь своих поэтических вдохновений «одной», «единственной в целом свете» и при этом «недостойной».

То есть, вообще говоря, эта девушка была как девушка: обыкновенная, довольно простенькое существо, не очень симпатичная, потому что нервная и мнительная. Но поклонение поэта ее испортило.

В сущности, он внушил ей всю ее «необыкновенность», он загипнотизировал ее своими мнениями о ней же. И в этом была беда. Она происходила из незатейливой, хотя сравнительно состоятельной семьи, взгляды которой на сближение между молодыми людьми общеизвестны: раз молодые люди сходятся, значит, надо ожидать свадьбу.

Но дело в том, что Никита о свадьбе и не мечтал. Он мечтал о стихах и героизме.

Впрочем, заранее было известно, что родители ни в коем случае дочь за поэта не выдадут.

Что же касается самой дочери, то ей нравилась роль недоступной Музы (Никита считал нужным уверить ее, что она недоступна смертным). Она поняла птичьим своим умом, что

она почему-то необходима Никите. И на этом основании тренировала его и портила ему жизнь.

Впоследствии дело осложнилось вступлением третьего лица: нечто вроде жениха, не то родственника, который обвинял несчастного Никиту в обольщении М. (имя этой девицы) и преследовал его.

В момент, когда Никита опубликовал первые свои стихотворные опыты в книжке «Первые бутоны», кто-то пустил по городу стихотворение, пародирующее одно из стихотворений Никиты. Вспоминается только одна строфа из этой пародии, которая была тем более злой, что чрезвычайно походила на образец:

Солнце спряталось в зенит,
Освещая путь свой томный,
И пурпуром золотит
Бульвар большой и преогромный.

А дальше – непонятый и осмеянный Никита отошел от поэзии, отошел от Лермонтова, Шекспира и Байрона и занялся «социальными задачами». На этом новом пути не пришлось его наблюдать... Впрочем, нет, пришлось: я видел из окна первые «гражданские похороны» в Моздоке. Это хоронили Никиту К-ва, занимавшего немалый пост в местном большевистском совете.

Традиция

Поездка в горы

Слобода Нальчик, столица Кабарды, лежит на берегу горной речки того же имени. Есть два объяснения, почему Нальчик называется Нальчиком. Согласно одному, когда-то князь Атажукин потерял в том месте, где расположен городок, подкову (по-кабардински н а л ь – подкова), отсюда и название. Согласно другому, название произошло оттого, что в

этом месте река делает подковообразный поворот. Как бы там ни было, Нальчик расположен в защищенной от северных ветров долине; от Нальчика открывается сказочно-прекрасный вид на горы.

Нальчик признан первоклассной климатической станцией. Во время мировой войны отравленных удушливыми газами отправляли в Нальчик, и они очень часто уезжали отсюда вполне здоровыми. Лечились же одним только горным воздухом.

Я не знаю ничего великолепнее нальчикского воздуха! Я знаю, можно восхищаться лесом, можно горами, можно рекой. Но трудно восхищаться чем-то невидимым, неуловимым – воздухом. И, однако, прекраснее, живительнее, роскошнее этого воздуха – нет ничего на свете!.. Если вы бывали когда-нибудь на полях, только что удобренных по теперешнему культурному способу всякого рода городскими отбросами, то вспомните первый глоток свежего воздуха, который вы глотаете жадно, по выходе из облаков «удобрений»...

Вот такой же сладости и нальчикский воздух...

Или если вы бывали когда-либо на кирпичном заводе и вам приходилось хотя бы час, или полчаса, или даже десять минут провести в атмосфере раскаленных кирпичей, а потом выйти из этой «геенны огненной», то помните ли вы, каким божественным нектаром кажется вам воздух грязного заводского двора? И именно такой нектар и разлит Божественным Провидением по благословенной земле, окружающей Нальчик. Ранним утром, когда еще не просохла роса, когда поднимающееся солнце спешит поцеловать розово-золотые вершины снеговых гор, этот воздух насыщен благовониями лесов и полей, пышным кольцом, окружающим Нальчик. Утром воздух недвижим и прозрачен. На многие версты вы видите беспрепятственно и ясно, словно смотрите в увеличительное стекло... В полдень, когда над всем Северным Кавказом распростерта пылающая синим огнем ткань далекого неба, в Нальчике свежо и прохладно, как будто бы миллиарды незримых опахал веют в струящемся полуденном зное. И в полдень здесь легко и приятно дышит грудь полным дыханием.

А вечер приносит неизъяснимую прохладу, такую нежную и здоровую, как томительная усталость любви.

О ночах же нальчикских я не смею писать. Эти ночи – когда до полуночи, словно гигантские костры, догорают в далеких горах лучи давно опочившего солнца; когда свет луны самым странным и чарующим образом тысячекратно отражается от вечнольдистого Эльбруса; когда последние вспышки вечернего заката чуть ли не переплетаются с первыми облаками многоцветного рассвета – эти ночи похожи на никогда не написанную картину радости Господа во все дни творения мира. Эти ночи удостоверяют вас в том, что есть божественная красота...

Только во время мировой войны Нальчик был «открыт» так называемую «большую курортную публику», а до тех пор он был известен ограниченному кругу любителей нетронутой природы.

Железнодорожную ветку (Котляревская–Нальчик) провели в 1913 году и таким образом соединили Нальчик быстрой и дешевой связью с окружающим миром. До этого времени желающим подышать нальчикским воздухом приходилось делать около 50 верст в экипаже.

Тому, кто бывал на курортах Кавказа или Крыма, хорошо знакомы так называемые проводники. Это – особая порода людей, обычно очень ловких, очень «себе на уме», желающих быстрым заработком и порою богатством оправдать себя в глазах презирающего его местного населения. Проводники его, будучи презираемы «своими», в свою очередь, искренно презирают «чужих», т. е. приезжих, любопытство которых они обращают в свою пользу. Порода проводников, еще с последней четверти прошлого столетия размножившаяся на

Минераловодских курортах (Пятигорск, Кисловодск), не была знакома Нальчику до самого последнего времени. Быть может, сейчас и Нальчик облагодетельствован такого рода принадлежностями каждого курорта, не знаю. Но до 1920 года настоящих проводников там не было...

Даю это предисловие о проводниках, чтобы сказать, что хотя Абдулла и считался проводником, но он вовсе не был «настоящим» проводником.

Он служил в страже в Нальчике, и ему приходилось иногда, исполняя приказы свыше, провожать тех или иных высоких особ к Голубому озеру или к леднику Безенги.

Эти особы очень хорошо платили «на чай», и тут у сообразительного Абдуллы явилась мысль оставить службу в страже, которая приносила ему чрезвычайно скромный заработок, и заняться сопровождением желающих познакомиться с красотами кавказской природы.

Расчет Абдуллы оправдался, но не вполне. Действительно, когда требовались его услуги, он получал в течение нескольких дней столько, сколько не получал за полгода службы в страже. Но... длинные промежутки между такого рода удачами подрывали благосостояние горца.

Однако была и несомненная, хотя и нематериальная польза в новых занятиях: они развили Абдуллу, познакомили его с людьми, давали ему опыт и некоторый кругозор.

Через год-другой Абдулла уже выделялся среди своих сельчан знанием русского языка, городских порядков; у него имелись некоторые представления о законе и правах (а это особенно важно, если принять во внимание произвол низшей администрации на Кавказе).

И в отношении торговли у Абдуллы развилась смекалка. Он уже не сдавал произведения своего домашнего хозяйства спекулянтам-перепродавцам, а предпочитал лично отправиться на базар (в Нальчик); соседи просили его взять их товар (масло, шерсть, мед и пр.) с собою, на что Абдулла охотно соглашался. Незаметно для себя и для сельчан он сам сделался перепродавцом, хотя и не таким бесстыдным, как его собратья по профессии. А еще года через два Абдулла был уже старшиной своего аула.

Но и тут он проявил умеренность, осторожность и трезвость.

Есть два типа старшин: одни, так сказать, «за народ», а другие «за правительство». Первых очень мало, и они долго не держатся.

Они представляют собою оппозицию правительству, и выражается эта оппозиция в том, что старшины покровительствуют абрекам, не очень спешат выполнять всякого рода повинности, возложенные на население и пр.

Такие старшины пользуются популярностью в народе, но популярность эта связана со страхом: а вдруг придется всем отвечать за такого старшину? Во всяком случае, народ вздыхал облегченно, когда старшина-оппозиционер так или иначе покидал свой пост.

Что касается старшин, поддерживавших правительство, то среди народа никогда не затихала некоторая неприязнь к ним, но с ними старались ладить. И конечно, поскольку от старшины зависело решить тот или иной вопрос в пользу или во вред аулу, старшина-оппозиционер мог сделать весьма небольшое, а старшина правительственный чуть-чуть побольше. Поэтому второго сорта старшины, объективно говоря, были полезнее...

Абдулла сочетал в себе качества одного типа с качествами другого. Он никогда не давал в обиду своего человека и вместе с тем дружил с «высшими мира сего». Он умело использовал свои прежние отношения к нальчикскому начальству.

Всегда вовремя приезжал с подарком в виде убитого тура или предложением устроить охоту на кабана.

Надо сказать, что магометане-горцы не едят мясо дикой свиньи или кабана. Они принимали участие в охоте на этого зверя тем более охотно, что он портил им кукурузные поля, но никто из них не смел даже прикоснуться к убитому зверю.

Бывали случаи, когда горцы убивали на своем участке дикого кабана и потом вынуждены были ехать в соседнее русское поселение с просьбой убить кабана.

Само собой понятно, русские с радостью принимали просьбу и спешили за добычей. Хороший кабан весил до двадцати пудов и обеспечивал мясом надолго.

Абдулла считался передовым горцем, хотя не умел ни писать, ни читать. Он с трудом подписывал свое имя. И тем не менее он был настоящим пионером в своем ущелье, да и вообще во всей своей горной стране Балкарии. Он первый организовал сбор и продажу горского сукна; он же первый доказал на опыте, что в горских селениях можно разводить плодовые сады... Как печально было видеть эти сады, еще молодые и неокрепшие уничтоженные большевиками...

Вместе с тем Абдулла время от времени выступал и в качестве проводника в горах. Это случалось в особых обстоятельствах, а именно когда ехала в горы целая партия так называемых «больших людей».

На Кавказе «большим человеком» называется лицо, занимающее видный пост или обладающее настолько значительным богатством, что и без всякого административного поста имеет вес в глазах общества. Нальчикское начальство знало и ценило умение Абдуллы «показать горы», и всегда в нужных случаях прибегало к его помощи.

В 191... году, летом, в Нальчике собралась компания сравнительно высокопоставленных людей, которая уговорилась с председателем Горского словесного суда выехать с судом на летнюю сессию в горы. Члены этой компании, в большинстве немолодые люди, были перед поездкой в горы настроены приблизительно так, как Христофор Колумб перед отъездом в Америку. Впрочем, нет, это сравнение неудачно: нужно сказать не как Христофор Колумб, а как спутники Колумба.

Они ужасно беспокоились относительно вооружения, продовольствия, ночлега. Им казалось, что они отправляются на Северный полюс или на еще неоткрытый Мадагаскар, который – по дошедшим сведениям – населен людоедами.

Председатель суда успокаивал их, уверял, что и в горах живут люди, которые и пить и есть умеют; и спят не на звериных шкурах, а в домах... После долгих сборов и продолжительных расставаний в одно поистине благословенное утро кавалькада двинулась в путь.

В последний момент жена одного из участников, вовсе уж не столь молодая дама, кинулась на шею мужа с криком «не уезжай», «не уезжай!» – так, словно ее супруг, дородный господин, с благонамеренной лысинкой, в очках (по должности

юрисконсульт), был средневековым рыцарем, отправляющимся на кровопролитную битву. Эта сцена вызвала улыбки у всегда сдержанных горцев. Да и нельзя было не улыбаться, ведь все — начиная с посадки почтенного юрисконсульта и кончая явной фальшью его жены — вызывало невольный смех...

В дороге я старался держаться поближе к Абдулле. Я чувствовал, что из всех присутствующих он самый интересный и настоящий человек. Военная школа, в которой я находился в те времена, воспитала во мне некоторый скептицизм в отношении к немужественным мужчинам, т. е. к тем мужчинам, которые толстели, жирели, распускали брюхо, ходили медленными тяжелыми косолапыми шагами; которые не умели обращаться с конем и оружием; которые не знают, для чего служит топор, а для чего пила; которые, наконец, пошло говорят о женщинах, помня и имея перед собою образ женщины, ими же обманутой и выброшенной на улицу; и забывая, что женщина, во-первых, твоя мать, во-вторых, сестра и потом — возлюбленная, или жена, или подруга — что угодно, но раньше всего и прежде всего — мать.

Кавалькада двигалась по дороге вдоль реки, вверх по течению. Впереди ехали молодые люди из числа наскоро сфабрикованного Абдуллой почетного конвоя; за ними председатель суда, окруженный гостями, а позади — Абдулла; запасные и нагруженные багажом кони.

В одном месте Абдулла обратил мое внимание на узкую тропинку, едва приметную, убегающую вверх, по склону горы. Тропинка как будто впадала в темный треугольник, заросший кустами. За кустами чудилась пещера, и это на самом деле была пещера, давно брошенная пастухами... Абдулла рассказал следующую историю, связанную с пещерой:

«...Несколько лет назад начальником Нальчикского округа был очень строгий и сухой человек, из военных, с немецкой фамилией *. Жена его была томная дама, когда-то красивая, всегда задумчивая, болезненная, с безобидными причудами. У них был сын, служивший где-то в Польше, в кавалерийском

* Имеется в виду барон Петр Львович Тизенгаузен, начальник Нальчикского округа с 1906-го до сентября 1910 года. Здесь и далее цифрами отмечены примечания автора, знаком — примечания издательства.

полку, и дочь, учившаяся в Петрограде, в Смольном институте.

Дочь, назовем ее Настей, отличалась красотой и задумчивостью. Она вечно сидела за книгой, не любила бывать в обществе, участвовать в многочисленных пикниках, из которых добрая половина устраивалась в ее же честь. У нее, кроме книг, было только одно еще развлечение – езда верхом. Ее отец всегда боялся отпускать ее на прогулку верхом: у него, как начальства, были враги, и он боялся мести с их стороны.

Однако Настя так горевала, когда ей запрещали поездки, что в дело вступалась мать, и отец уступал. Настю, красивую и (на здешний масштаб) знатную девушку, преследовало множество кавалеров из русских и туземцев. Но никому не удавалось тронуть сердце мечтательной институтки...

Однажды начальник округа, возвращаясь из Владикавказа, подвергся нападению со стороны абреков, мстивших ему за арестованных родственников. Нападение было произведено вечером, по дороге от Котляревской в Нальчик (тогда еще не было железнодорожного сообщения).

Сам начальник и его свита растерялись. Кучер спрыгнул с козел и удрал в кусты; телохранители размахивали руками и кричали... А пули нападавших продолжали свистеть.

В этот момент только один человек не потерял голову, этим человеком был ординарец команды милиционеров, Хуссейн, случайно присоединившийся к свите начальника. Хуссейн взял на себя командование. Достаточно было громко крикнуть на конвойных, и они послезали с коней, и правильной цепью пошли в наступление. По команде Хуссейна конвой дал несколько залпов, и абреки улетучились.

Конечно, все это происходило гораздо быстрее, чем здесь рассказано, но все-таки не настолько быстро, чтобы начальник не успел оценить находчивость и храбрость Хуссейна. Он тут же пожал ему руку, обнял его и пригласил служить у себя в качестве личного телохранителя. Разумеется, Хуссейн со-

гласился. Приехав домой, начальник в ярких красках изобразил подвиг своего нового приближенного. Он до такой степени не жалел красок, что его дочь Настя с замиранием сердца прислушивалась к описанию доблестей Хуссейна и заранее восторгалась этим героем в духе Чарской.

Наконец, она увидела Хуссейна. Надо сказать, что Хуссейн вовсе не отличался красотой. Он был среднего роста, довольно плотный, лицо имел немного суровое, красноватое, с большими усами. Правда, он великолепно стрелял и отлично сидел на коне. Но разве женщина видит то, что есть? Женщина, особенно такая, как Настя, видит то, что хочет видеть.

И вот Настя увлеклась Хуссейном. Она целыми часами проводила с ним, уча его грамоте, красивым оборотам речи, манерам. Она пробовала даже учить его по-французски!.. А Хуссейн относился к Насте довольно равнодушно. Она нравилась ему, как красивая девушка, но о страстной любви не было и речи.

Между тем Настя все глубже и глубже увлекалась своим созданием. Она старалась внушить ему рыцарские понятия о чести женщин. Она читала ему избранные места из мировой литературы, в которых говорилось о столь же высоких, сколь и красивых чувствах.

Хуссейн испытывал к ней величайшую благодарность, он был хороший человек. Но, как уверял Абдулла, Хуссейн не мечтал о женитьбе на Насте.

А девушка как раз к этому и готовила Хуссейна, хотя, быть может, и бессознательно...

Наконец, наступил момент, когда Насте пришлось решать свою судьбу. У них гостил брат-кавалерист, а с ним его приятель по полку. И вот этот приятель предложил Насте руку и сердце. Отец и мать были согласны принять предложение, брат настаивал на этой свадьбе; а что касается виновницы события, то она и слышать о ней не хотела. Тут только начали понимать родители истинный характер увлечения Насти Хуссейном.

Настин отец, человек заносчивый и черствый, наотрез отказался и слушать о возможности вступления в брак его доче-

ри с каким-то кавказским проходимцем. Отца поддерживал брат. Что касается матери, то ей, едва ли вкусившей из фиала любви с мужем, жаль было дочери. Мать пробовала уговорить мужа, чем вызвала с его стороны свирепый гнев и обещание отказаться не только от дочери, но и от жены... Хуссейн молчал.

В одну ночь, поздней осенью, Настя исчезла.

Начальник округа, не желая вызывать общественной скандал, приказал молчать об ее исчезновении; и в то же время собрал наиболее близких людей и отправился вдогонку на поиски беглянки. Хуссейна же приказал арестовать в своем собственном кабинете. Поиски были направлены по нескольким дорогам, но ни одна из групп не нашла следов. Никто нигде не видел молодую наездницу.

Лишь на следующий день, вечером, какой-то мальчик-пастух повстречался с одним из посланных и сообщил, что видел оседланного коня у входа в пещеру, на которую показывал мне Абдулла. Тотчас же к пещере были вызваны отец и брат беглянки. Они оставили спутников внизу, вскарабкались по крутому подъему и проникли в пещеру. Там действительно находилась Настя.

Она промерзла до костей, была голодна и окончательно несчастна. Она сказала, что решила остаться здесь, в горах, в пещере, пока не умрет с голоду.

Возмущенный отец грозил ей самыми страшными карами, но Настя была непреклонна. Она стояла на том, что без Хуссейна жить не согласна. Наконец, отец обещал ей, что приложит усилия к тому, чтобы произвести Хуссейна в офицеры милиции и что тогда даст свое благословение на их брак.

Однако Настя не стала ждать. Она вышла за него по магометанскому обряду и переехала с ним в его аул. Родственники Хуссейна сначала приняли Настю не очень дружелюбно. Однако впоследствии ее кроткая привязанность к мужу, ее старания всем и каждому сделать добро снискали ей всеобщую любовь.

Она родила двух девочек, которых крестила по православному обряду (Хуссейн не противился этому: вероятно, он

противился бы, если бы это были мальчики) и на четвертый год замужества умерла от какой-то странной болезни. Хуссейн, который играл во всей этой истории весьма пассивную роль, который вовсе не горел страстью к Насте, тем не менее обнаружил редкое достоинство и благородство.

Он всегда относился к жене с почтительной покорностью и признавал, что она по недоразумению любит его. Он понимал все ее превосходство над собой и был прежде всего ее учеником и воспитанником, а потом мужем.

Впоследствии, я слышал, будто у Хуссейна остались от Насти несколько тетрадей ее дневников. О чем писала эта, во всяком случае, незаурядная девушка? Быть может, она разочаровалась в любви? Быть может, аульская жизнь была ей в тягость? Нет, нет, наверное нет! Ведь она всегда могла оставить своего мужа и переехать в любой центр обширной империи Российской.

Лично мне кажется, что Настя принадлежала к тем редким, исключительно богатым натурам, с пламенным сердцем и горячим воображением, которых любит Бог и которым посылает великие испытания и великую любовь. Мне кажется, Насте надо завидовать, ведь то, чего она хотела, было прекрасно; и то, к чему она стремилась, было осуществлено. Я положительно думаю, что в дневнике ее, если и были слезы, то это слезы радости, но не печали...

Из уважения к памяти покойной Хуссейн вторично не женился...»

В то время как старшие мои попутчики занимались судебными делами, я осматривал окрестности селений, в которых мы останавливались. Ранним утром, в сопровождении какого-либо местного горца, знающего русский язык (горский язык, принадлежащий к семье тюркских языков, очень красивый и мелодичный, я, к сожалению, не знал), отправлялся я к ледникам или к какой-либо знаменитой башне, выстроенной, по преданию, генуэзцами; или ходил в пещеры-кладбища, расположенные недалеко от группы селений, объединенных общим именем «Верхняя Балкария». К полудню возвращался обратно. После обеда вся приехавшая компания приглашалась,

обыкновенно, в гости к каким-либо знатным местным жителям. Так проходил день за днем.

Я уже давно слышал об одной особой пещере, в которой (по рассказам побывавших там) сохранились цельные скелеты, много оружия и предметов домашней утвари. Мне хотелось посмотреть внутренность этой пещеры, и я попросил Абдуллу провести меня туда. Абдулла несколько замялся. Потом он сказал, что с удовольствием проводил бы меня, т. к. хорошо знает, что я не трону останки предков нынешних балкарцев, находящиеся в пещерах. Но, добавил Абдулла, наши старики не знают тебя и поэтому не простят мне, что я водил гяура на наши могилы... Однако, отказывая на словах, Абдулла все-таки повел меня к привлекавшей меня пещере; своим отказом он как бы предупредил, что рассчитывает на мою скромность.

...Я никогда не забуду этого утра. Бывают минуты, когда человек воочию, наглядно, каждой частицей своего телесного и душевного состава познает, или – лучше сказать – осязает присутствие в мире каких-то Высших Великих сил. Я бы не мог объяснить, почему именно в это утро нахлынули будоражащие волнующие чувства... Быть может, потому, что купол Храма Господня – голубое небо – кажется в горах особенно близким и прекрасным... Или это было влияние солнца, величавое восхождение которого из-за соседнего снежного хребта не сравнимо ни с чем на свете?

О, солнечный восход в ущельях снежных гор! Всюду на этой земле солнце восходит с борьбой и превозмоганием темных ночных сил. Каждый, кто наблюдает солнечный восход в степи, на равнине, среди холмов, на реке, в море... – где угодно, каждый присутствует при драме, которая разыгрывается между уходящей ночью и пробивающим себе путь днем. Эта драма отличается медлительностью и постепенностью в смене красок. Где-то там, на небосклоне, сначала сеет, потом появляется робкая розоватая полоска, эта полоска растет, растет, алеет... Наконец, появляется еле видимый краешек солнца, рождающегося солнца. На него набегают тучки. Солнце закутано в эти тучки, словно немощный детеныш в пеленки.

С большой неохотой тает предутренняя мгла. С робостью и колебанием появляется на небе светило...

Не то в горах! Там вы не видите этой медленной драмы. Она происходит где-то, но где и как – этого вы не знаете. До последней минуты ущелье, в котором вы находитесь, пребывает в суровой молчаливой тьме. Справа и слева вас теснят каменные громады. Молчаливые, беспощадные громады, грозно вздымающие свои вершины к небу. И потом, внезапно, над головой вашей проносится золотой океан лучей. Он разбивается на миллиарды многоцветных стрел, встретив на пути высочайший алмазный мост. И тотчас же во всем сияющем победительном великолепии взматается над ущельем гигантский огненный конь, и – вот он уже посередине неба. Этот скачок ошеломляет, уничтожает вас. Вы стоите, пораженный, перед неизъяснимой красотой и чувствуете, что в этом аккорде прозвучало Божественное соизволение – быть сему миру прекрасным.

Абдулла и я неторопливо взбирались едва заметной пешеходной тропинкой. Я ежеминутно останавливал его, не хватало сил оторвать глаза от раскрывавшихся чудесных картин. В груди моей скопились невылившиеся волны восторга, но я молчал, ибо не принято в горах радоваться или печалиться вслух.

Теперь, когда я пережил войну, революцию, побывал во французских лагерях под Стамбулом, подышал воздухом болгарских кирпичных заводов, имел высокую честь гранить батевскими²⁸ подошвами парижскую мостовую... теперь я говорю печально: зачем, зачем не послала мне судьба внезапную смерть в это утро, в этом ущелье... Я знаю, я чувствую, я весь пронизан уверенностью, что душа моя поднялась бы подобно высокому облаку; поднялась прямо к престолу Господню. Ибо престол Господа – там, около Эльбруса и Казбека.

...Когда в один солнечный сентябрьский день я вышел из вагона экспресса на Гар-дю-Нор, я увидел, что далеко вверху, за облаками пыли, за пеленой отвратительно пахнущего автомобильного дыма, ползет по неопределенного цвета небу бес-

²⁸ Б а т я – фабрикант обуви в Чехословакии.

сильное парижское солнце. А здесь, внизу, в безудержной суете по исковерканной камнем и оскверненной насилием земле ползают люди.

И люди эти – богатые, бедные, молодые, старые – все смотрели вниз, на землю, на оскорбленную их же нечистотами землю. Они не видели солнца, и солнце не видело их. И тут мне почудилось, что я очутился в царстве мрака, отчаяния и пустоты.

К чему эти блистательные перспективы грандиозных площадей? Они не заменят и миллионной части той панорамы, которая открывается у подножья Казбека. Чего стоит все это мишурное богатство какой-нибудь рю Ривели, когда известно, что оно служит предметом зависти для тысяч и предметом недостойного соперничества в фальшивом блеске для единиц...

Нет, на площадке около мечети в селении Безенги, откуда каждый, только что сотворивший молитву, видит пред собою бессмертную красоту Эльбруса, на этой площадке больше счастья, правды и красоты, чем во всем роскошном Париже. Этот Париж называется центром мира, мировой столицей... Да, да, конечно! Это – центр мира. Но мира без солнечных сумерек, автомобильной вони и человеческой пыли...

Наконец, Абдулла остановился около небольшой расщелины, ничем не отличавшейся на первый взгляд от множества подобных расщелин, встречавшихся по дороге. «Если хочешь, – сказал он, – пролезь вниз, там увидишь... Только, ради Аллаха, не трогай ничего». Я несколько удивился, что он не сопровождает меня. Мне не хотелось идти одному. Но раз пришел – надо идти. Я нагнулся, посмотрел, и во тьме пещеры ничего не увидел. Чтобы пробраться внутрь, надо было влезть, как в спальный мешок.

Внутри пещеры, когда глаза привыкли к скудному свету, я увидел десятка два скелетов, частью разрушенных, частью сохранившихся. Некоторые из них находились в наклонном положении, полуприслоненные к стене; некоторые сидели, некоторые лежали. Там и сям валялись почти совершенно истлевшие куски тканей. В одном углу собраны были глина-

ные кувшины, большие и маленькие, целые и разбитые. Вокруг бедер у некоторых скелетов висели пояса. Кожаные кавказские пояса с серебряной насечкой. На полу лежали кинжалы, шашки, старинные пистолеты, женские украшения, почти разъеденный кумган (металлический кувшин) и множество монет. Явилось желание взять хотя бы одну монету, но данное Абдулле слово удержало меня от нехорошего поступка. Тем не менее мне очень хотелось физически прикоснуться к этим останкам. Хотелось просто подержать в руках то, что жило, может быть, триста-пятьсот лет назад. Я взял шашку. Она походила скорее на меч, ее кривизна была слишком мала сравнительно с современной. Но как только я ее взял, истлевшее дерево рукоятки рассыпалось прахом. Из моих рук посыпалась пыль. Это было странно и неожиданно.

Потом я обратил внимание на один скелет, лежавший в самом дальнем углу. По-видимому, это был настоящий богатырь. Его руки были длиннее, чем мои ноги; а череп был никак не меньше солдатского барабана. Меня одолело искушение. Как-то само собой руки потянулись к черепу, я поднес его к свету. Череп был действительно огромный. На темени и затылке сохранилась морщинистая сухая кожа. Поражали совершенно целые зубы, плотно вросшие в челюсти. Я попробовал крепость трехсотлетней человеческой кожи. Послышался сухой треск, кожа отдиралась с трудом. Тысячи мыслей роились в моей голове, когда я держал перед собою череп отдаленного предка Абдуллы.

«Вот под этими костями пробегали искры мыслей. Гнев, радость, уныние, торжество – все это сосредоточивалось здесь, под этими выпуклостями. В этих глазных впадинах сияли глаза. Какие это были глаза?.. Что они видели? На что они любили смотреть?..»

И я вспомнил, как великолепно всходило солнце; я вспомнил, какая нестерпимая радость сжимала мою грудь, когда смотрел я на снеговые вершины... И стало на душе спокойно и легко. Я почтительно опустил череп на землю, которой он принадлежал, и с умиротворенной и радостной душой поднялся наверх, к Абдулле.

Только теперь я узнал, что провел в обществе мертвых не пять, не десять минут (как мне казалось), а около часа. Но я никогда не жалел об этом часе.

Абдулла торопил меня спускаться вниз, в долину, где уже давно нас ожидали с обедом. По дороге я расспрашивал его о происхождении этих общих могил. По его словам, сохранилось предание, что «много, много лет тому назад»...

— А сколько именно лет? — заинтересовался я.

— Здесь был один ученый, он говорил, лет триста или пятьсот... Так вот, тогда посетила наши места моровая язва. Не успевали хоронить, да и опасно было совершать все обряды. Тогда приходилось делать общие могилы... Этот ученый, — продолжал Абдулла свой рассказ, — вел себя ни хорошо, ни плохо. Он хотел показать, что понимает обычаи нашего народа, при старших не садился, не лез рассматривать наших девушек и женщин. Но вместе с тем каждому было ясно, что он разыгрывает роль и делает все это неискренно. Он спал у меня; и вот, ночью, когда мы хорошо поужинали и выпили, он попросил меня, не могу ли я познакомить его с какой-нибудь особой. Он сказал другое слово, но это слово мне стыдно повторить... Мне сделалось ужасно неловко и стыдно за него. Но, с другой стороны, у этого ученого были рекомендации от начальника округа, и я должен был сдерживать свой язык. Я постарался превратить это дело в шутку, и, в конце концов, он успокоился и ушел спать...

Абдулла рассказывал не спеша, немного монотонно, не подчеркивая отдельные слова, и поэтому слушать его было одно удовольствие. Жители гор обладают особым даром мелодичной воркующей речи. Разговаривая, он постоянно смотрел вправо и влево, вперед, под ноги, на небо и снова вперед. Таким образом, ничто не ускользало от его глаз. Он часто перебивал самого себя и указывал мне то на коршуна, парящего над соседним селением, то на какие-то едва видные точки — это было стадо коз. Постоянное общение с природой вырабатывает это изощренное внимание ко всему, что происходит вокруг...

Боже великий! Как не вспомнить, что через несколько лет,

в этих же благословенных местах, и я, и этот самый Абдулла изощряли свое внимание в поисках... в поисках людей-врагов. Мы искали их, чтобы убить; а в этот же момент они поджидали нас, чтобы подстрелить первого попавшегося на глаза. Но об этом позже...

До прихода в аул Абдулла успел еще передать мне кое-какие отрывочные и непроверенные сведения о пропавшей в 191... году экспедиции англичан. Несколько англичан приехали в горы с целью подняться на вершину Эльбруса. У них были все необходимые препараты, запасы, много денег, смелости и уверенности. Столичное и местное начальство знало об этой экскурсии и покровительствовало ей. Было приказано всем старшинам верхних селений оказывать всемерное содействие отважным англичанам. И вот их видели в Кашка-тау, потом в Хуламе и Безенги... Потом они будто бы свернули к Хасауту; а некоторые говорили, что они задержались в Гунделене... Все это очень трудно проверить. Факт же тот, что ни один англичанин не вернулся, а из бывших с ними двух проводников вернулся один и сказал, что при подъеме на Эльбрус поднялась снежная буря и все его спутники погибли. А его, по милости Аллаха, перед выходом с последней стоянки зашибло сорвавшимся обломком скалы и потому он отстал...

А через малое время, продолжал Абдулла, появился слух, что второго проводника видели за перевалом, в селении Геби. Этот слух вызвал подозрения, что с пропажей англичан не все ладно. Было наряжено целое следствие. Дело пошло до Петербурга. Тамошний английский посол требовал найти виновных, нанимал сыщиков. Но ничего не нашли и не выяснили.

— Но, может быть, и в самом деле англичане погибли как-нибудь иначе? — спросил я.

Абдулла в упор посмотрел на меня, будто вымеряя степень возможного мне доверия, и, поглаживая свои длинные усы, выстриженные около рта и отпущенные от концов губ, медленно протянул:

— Валлаги азым¹, не знаю. Я там не был. Но пришлось

¹ Клятва.

слышать, что в одном селении англичане попросили показать им танцы. Старшина селения посоветовался со стариками. Старики предложили старшине ответить гостям отказом, сославшись на пост или траур. Но старшина, желая угодить тем, кому покровительствовало начальство, все-таки собрал молодежь и пригласил англичан посмотреть, как она умеет в горах веселиться. Кое-кто из англичан немного знал русский язык. Когда вышла танцевать красавица Джансурат, один из них, вероятно, сильно подвыпивший, выскочил в круг и хотел с ней танцевать. Но сделал это так неловко, что оскорбил и девушку, и ее родных. Однако это еще можно было бы простить. Но потом этот же господин пригласил к себе брата нашей красавицы Джансурат и просто спросил его: «Сколько стоит?». Вот тогда будто бы брат предложил свои услуги в качестве проводника. Этого же брата видели впоследствии в Геби. Что он с ними сделал, не знаю. Но видишь ли, по дороге на Эльбрус очень много опасных мест. Там встречаются неожиданные провалы. Иногда люди засыпают вечером в уютном месте, защищенном скалой, а просыпаются на краю обрыва... Все может быть, все может быть.

В этот момент нас уже атаковали собаки, мы входили в аул.

Третья глава

На реке Кара-су

Главное дело, из-за которого председатель Горского словесного суда выехал в горы, состояло в споре двух аульских обществ. Предметом спора являлся участок сенокоса, расположенный вблизи горной речки Кара-су (что в переводе означает Черная вода). Спор шел между селениями Хулам и Безенги. Туда направилась вся экспедиция.

Горная страна, о которой идет речь, именуется Балкарией, а население ее балкарцами. Перед войной балкарцев было ты-

сяч сорок. Жили они несколькими обществами, аулами, расположенными в пяти соседствующих между собою ущельях. Одно ущелье отделено от другого целой грядой гор, которая доступна для перевала только в хорошую погоду и крепким выносливым людям и животным. Говорю животным, а не лошадям, так как многие предпочитают пользоваться при такого рода перевалах мулами (помесь осла и кобылицы). Мулы оказываются выносливее и крепче на ноги. Правда, там, где кончаются крутые подъемы и опасные спуски, даже средний конь имеет преимущества перед хорошим мулом. Но в горных трущобах мул не знает себе соперника. Во всяком случае, при выезде оказалось, что те, кто помоложе и полегкомысленнее, сидели на конях. Кони, отлично отдохнувшие за время стоянки, нетерпеливо играли и рвали повод.

Старшая же часть компании взгромодилась на мулов, смиренно понуривших свои некрасивые головы и отнюдь не выразивших страстного нетерпения начать двигаться. Должно заметить, что, когда экспедиция поднялась на перевал, большинство тех, что ехали на конях, шли пешком и вели в поводу мокрых, запаренных коней. А наши старики, добродушно посмеиваясь, трусили на мулах, поглядывая на молодежь, задорно шелкали плетью под брюхом равнодушно шагавших мулов.

На высшей точке перевала проходила граница между владениями жителей селения Верхняя Балкария и владениями жителей селения Безенги. Здесь сделали привал. Абдулла, в качестве старшины только что оставленного нами селения, обратился с просьбой не отказать в последний раз на их территории принять хлеб-соль. Все тотчас же охотно согласилось. Коней и мулов с отпущенными подпругами отвели в сторону, выбрали подходящую площадку, разостлали бурки и устроили таким образом привал. Абдулла распоряжался молча, но основательно. Подчиненная ему молодежь едва успевала кидаться с быстротой кабардинского коня по направлению его взгляда. Наконец, все было готово.

Присутствовавшие образовали незамкнутый круг, на почетном (верхнем) краю которого сел председатель Горского

суда. Справа и слева от него разместились русские и туземцы, по старшинству. Это местничество, эта иерархия не по чинам, не по орденам, не по рождению, а по возрасту – мне кажется трогательной и справедливой. Правда, в центре сидел председатель суда, но и это справедливо, так он и был здесь центральной фигурой. Остальные же сидели по возрасту... По этому поводу не могу не вспомнить замечательного кабардинского обычая, содержащего в себе повеление: «гостю и старшим почет». Сегодня – я в твоём доме, и ты мне оказываешь почет; завтра – ты или твои родные обратятся ко мне с просьбой о гостеприимстве, и тогда я – слуга твой.

Я был однажды, уже во время гражданской войны, когда потряслись нравы, в гостях у знакомого кабардинского князя, едва ли не самого богатого во всей Большой Кабарде. И вот, поздно вечером, когда уже никого не ждали, послышался лай собак. Собаки – это электрические звонки кавказских аулов... Посланный к воротам младший сын князя вернулся в сопровождении высокого старика, никому из присутствовавших незнакомого. «Кебляга, – сказал князь, поднявшись и сделав несколько шагов навстречу. – Пусть приход твой будет благословен Богом». Старик ответил, что едет из дальнего аула в Нальчик, по делу, никого здесь не знает и просит приюта на ночь. Его тотчас же усадили, младший сын князя снял с него сапоги, помог надеть мягкие туфли, принес воды для умывания. Затем позднего гостя пригласили к столу, и никто не посмел встать из-за стола раньше, чем гость насытился и поблагодарил...

После обычных взаимных приветствий и пожеланий счастливого пути все поднялись и направились к лошадям. Через несколько минут кавалькада, имея впереди представителей от жителей аула Безенги (куда шел путь), вытянулась по узкой дороге. Абдулла, сидя на коне, делал прощальные знаки. Он возвращался обратно.

Я ехал позади других и много, много раз оглядывался назад, с сожалением наблюдая, как росло расстояние между мною и Абдуллой, которого я уже считал своим другом-кунаком на всю жизнь. Он сидел на невысоком кабардинском

коне темно-гнедой масти, с ногами в белых чулках. В левой руке держал повод, а правой, с зажатой в пальцах нагайкой, упирался в бок. Его суровое усатое лицо улыбалось удивительной улыбкой. Удивительной потому, что, казалось, такое лицо улыбаться не умеет. Эта улыбка напоминала грациозную березку бог знает каким образом растущую на груди того утеса-великана, о котором писал Лермонтов. Низко надвинутая на глаза папаха бросала тень на его глаза; но я знал, что и они смеются сейчас, смеются с лукавством малограмотного, но неглупого человека. Плечи и талия Абдуллы составляли треугольник, обращенный основанием вверх. На каждое его плечо можно было бы, я думаю, посадить по человеку среднего веса и размера. Ноги Абдуллы, небрежно опиравшиеся на стремена, туго затянутые в мягкие ноговицы, выглядели так, будто они сделаны из плохого обработанного железа. И вообще весь он, коренастый, широкоплечий, с великанской грудью и руками, похожими на корни дуба – весь он был под стать окружающим скалам, столетним чинарам и многовековым башням, часто попадавшимся по дороге. Эти горы, непоколебимые в основании, созданные словно для того, чтобы поддерживать небосвод, рождают могучих людей...

Дорога делала повороты и все круче и круче спускалась вниз, в долину. Не прошло и десяти минут, как Абдулла исчез из виду. Отдохнувшие кони бодро пофыркивали, не спотыкаясь, несли нас по краю обрыва. Слева поднималась стена, справа, где-то далеко внизу, струился горный поток. Оттуда, снизу, веяло прохладой. Когда я закрывал глаза, мне казалось, что вокруг раздается невнятная, быть может, но прекрасная, потому что стихийная мелодия. Фантазия преображала горы – в стены какой-то волшебной крепости; а шум горной реки – в гулливый ропот осаждающих толп... Между тем порыв ветра принес легкий запах дыма. По-видимому, мы приближались к селению.

Селение Безенги, к которому мы подъезжали, расположено вблизи знаменитого ледника того же имени (Безенгиевский ледник считается в Европе самым большим. Не знаю, почему географы причислили Кавказ к Европе? Что касается ледника,

то он, действительно, огромный – в несколько верст длиной тянется ледяная река, окаймленная струящимися камнями. Эта река имеет свои «ледяные пороги», вроде тех, какие преграждают Днепр, но с той лишь разницей, что безенгиевские пороги не клокачат, не расшвыривают волны, а вздымаются в ледяном молчании и так засыпают на многие годы. Медленная работа солнца, ветров и воды когда-нибудь изменит очертания безенгиевских порогов и водопадов. Но глазу наблюдателя они кажутся окаменевшими навеки).

Селение Безенги иначе называется Тюбенель. Это второе наименование кажется мне столь же милым и ласковым, как и первое. Однако более распространенным является первое название, им я и буду пользоваться.

Из всех горских обществ (я уже упоминал некоторые из них, например, Верхне-Балкарское, Хуламское. К этому списку надо прибавить описываемое сейчас Безенгиевское. А сверху того имеются еще Нижне-Балкарское, Чегемское, Урусбиевское и др. С некоторыми из них мы еще встретимся на протяжении рассказа. Самое маленькое – Безенгиевское общество. Понятно, почему оно меньше других. Во-первых, ущелье, в котором расположено Безенги, уже других ущелий и ближе к Кавказскому хребту. Близость к снегам, к вечным льдам делает безенгиевский климат более холодным. Во-вторых, сообщение Безенги с другими аулами более затруднено, чем сообщение остальных обществ.

Безенги, как и каждое из упомянутых горских обществ, состоит из одного главного и нескольких второстепенных поселков. В главном поселке находятся мечеть и сельское правление. В последнее перед войной время в некоторых обществах появились небольшие лавчонки, миниатюрные горские «Мюр-Мюрелизы»¹: в них можно было найти все, начиная от керосина и соли и кончая табаком, порохом, шелковыми платками. Главный поселок расположен непременно на реке. Вдоль реки поставлены примитивные мельницы, состоящие из двух жерновов; причем на верхний из них падает струя воды прямо из несущегося горного потока. Никаких особых за-

¹ Универсальный магазин старой Москвы.

пруд делать не приходится, сила течения необычайна... В главном же селении живут бывшие феодалы – владельцы земли и людей, горские князья – таубии. Таубий в точном переводе и означает «горский князь» (тау – гора, бий – князь).

Следует сказать несколько слов о таубиях. Их всего несколько фамилий. В свое время, когда русские покоряли Кавказ, когда черкесы, чеченцы, ингуши, дагестанцы, кумыки и отчасти кабардинцы, воевали с грозным северным соседом, Балкария, в силу своего географического положения, оставалась вне театра военных действий. Кроме того, примыкающая к Балкарии страна, населенная кабардинцами, и находящаяся между наступающей Россией и оборонявшимся горским населением, заключила с русскими соглашение не только не воевать, но и даже помогать русским войскам. Вот почему Балкария никогда не видела в своих ущельях русских знамен. Балкария не была покорена. Она добровольно, хотя и в силу очевидной необходимости, признала власть Белого Царя. Это обстоятельство существенно отразилось на психологии населения Балкарии, особенно же ее высшего слоя таубиев. В то время как остальные народности Кавказа, признав над собой русскую власть, старались приблизиться к русским и хотя бы в некоторых отношениях походить на них, балкарские таубии смотрели на себя, как на равнодостоинных участников общеимперской российской жизни. Правда, они совершенно не знали этой жизни, но это не мешало им чувствовать себя вполне самостоятельными. И в самом деле, ведь психологии побежденных у них не было и не могло быть. Эта черта самочувствия балкарских таубиев сказалась, между прочим, в том, что в то время как, скажем, кумыцкие или кабардинские феодалы (а ранее того – грузинские, имеретинские, кахетинские и др.) с удовольствием и радостью переименовывали себя на русский лад в князья, балкарские таубии отказались от такого переименования и настояли на том, чтобы им и впредь называться именно таубиями, а никак иначе.

...Солнце совершало последнюю четверть своего дневного пути, когда показались первые кровли Безенги. По-видимому, нас ожидали: навстречу, по каменистой дороге, во всю конскую прыть мчались всадники. Нужно обладать здоровым сердцем и крепкими нервами, чтобы ездить по горным дорогам.

Что такое горная дорога? Это иногда тропинка, иногда целый узор тропинок. Иногда ширина нашей дороги равняется пяти человеческим ладоням, положенным рядом. Дорóгой называется высохшее русло потока, покрытое обломками скал. Дорóгой (и неплохой дорóгой) считается оползень, висящий над пропастью и кое-как поддержанный десятком-другим камней, положенных чьей-то заботливой рукой... И вот, по таким-то «дорогам» наша молодежь мчится во весь опор. И мало того, что мчится – порой она забавляется тем, что бросает впереди себя папаху и потом, на всем скаку, подымает ее. Или – упав на спину коня – стреляет в воздух и снова заряжает винтовку и снова стреляет, пока не расстреляет обойму.

Представьте себе бездонную узкую щель. Там, внизу, в черном провале, ревет невидимая стремнина вод. Оба края словно обрезаны гигантским мечом. И от одного края к другому переброшены два, иногда три, необделанных ствола. Поперек стволов набросаны неприкрепленные жерди толщиной в человеческую руку. Некоторые толще, некоторые – тоньше. Местами многочисленные прошедшие здесь конские копыта пробили зияющие дыры. Упаси бог, если попадет в эту дыру тонкая нога благородного скакуна. Погибнет конь, погибнет наверняка, а может быть, упав, он увлечет в своем падении и несчастливого всадника...

Конечно, мосты через горные потоки слишком опасны, или лучше сказать, преступно-легкомысленны, чтобы ими хвастать. Но в стране гор – они естественны и неизбежны. В

стране ледников и пропастей они являются лишь частью общей картины, которая покоряет величием своей дикой красоты...

Я видел людей, попавших в горы с равнины; которые не решались довериться собственным ногам, чтобы перейти такого рода мост в селении Кюннюм. Разумеется, над ними не надо смеяться. Но они производят в горах странное впечатление каких-то ужей, затесавшихся в общество соколов и кречетов.

Безенгиевские всадники на полном галопе сделали заезд и вытянулись в шеренгу, вдоль дороги, в ожидании приближения гостей. Еще издали они делали приветственные знаки руками, которые состоят в том, что правая рука опускается вдоль бедра, потом поднимается до пояса, и вновь опускается вниз. В те времена скверный негигиенический обычай рукопожатия еще не получил распространения среди горцев. Что может быть противнее пожатия потной руки? И что может быть скромнее и грациознее изображенного сейчас горского приветствия? Как жаль, что мы подражаем всегда тому, что «принято», а не тому, что красивее и лучше...

Среди прибывших безенгиевцев находился также старшина этого селения по имени Далгат. Он приходился средним сыном знаменитому Тенгизу * – тому Тенгизу, который был самым уважаемым человеком во всех ущельях и встреча с которым оставила во мне неизгладимое впечатление на всю жизнь... Скажу больше: ни до того, ни после того я не встречал человека, которого поставил бы не говорю – выше Тенгиза, о нет, конечно же нет, но рядом с Тенгизом. А пришлось мне встречать многих и многих: ученых, великих князей, полководцев, писателей и других людей, которых иногда называют великими. Пусть называют.

Далгат передал председателю суда, что Тенгиз будет счастлив принять гостей в своем доме. Сообщение это наполнило

* Суншев Тенгиз Казиевич, балкарский таубий. По посемейному списку Безенгиевского общества 1886 года, ему 57 лет, имел сыновей: Кубадей – 22 года, Кумук – 2 года 6 месяцев, Далхат – 6 лет 6 месяцев (Маштай родился позднее – в 1896 году).

меня радостью, как же не радоваться вести, что представляет возможность провести несколько дней под одной крышей с Тенгизом!

Сакля Тенгиза мало чем отличалась от других, виденных мною в горах. Та же плоская крыша, заросшая травой, те же столбы, поддерживающие стропила, то же внутреннее устройство дома: вход посередине, комнаты направо, комнаты налево. Прямо перед входом – камин, над которым висит черная от многолетней копоти цепь. В камине никогда не угасает огонь. Все комнаты (я никогда не видел более четырех в одном доме) расположены одна подле другой, на одной линии. В глубину дом невелик, он вытянут в длину. Фасад дома занимает навес. Здесь сушатся шкуры козлов, туров, иногда и оленей. На некоторых столбах повешены пахучие травы, частью лекарственные, частью ароматические.

Под навесом, греясь в лучах уходящего за снежную цепь солнца, с пяти- или семилетним мальчиком на коленях сидел Тенгиз. Он был одет по-зимнему – в кавказскую шубу из бараньих шкур, сшитую наподобие черкески, не покрытую сукном. Белый цвет этой шубы являлся красивым фоном кроваво-алой черкески сидевшего на Тенгизовых коленях мальчика. На голове Тенгиз имел невысокую папаху старинного покроя: остроконечный, не покрытый сукном кожаный верх и обыкновенное основание папахи из серовато-серебристого барана. Слегка отодвинутая на затылок папаха не закрывала лоб, благодаря чему все лицо, от лба до подбородка, обозревалось свободно.

Это лицо, несколько бледное, отличалось крайней строгостью и сухостью линий. Оно состояло из определенно вычерченных линий, резких складок-морщин и костистых выступов. Прежде всего бросались в глаза необыкновенно развитые надбровные дуги. Они поднимались круто над впалыми глазами и, если бы Тенгиз был помоложе, я бы сказал, что они придавали его лицу несколько демонический вид. Косматые седые брови были такой длины, что по краям завивались.

Пепельно-серые, с голубым оттенком глаза смотрели спокойно и ясно. В этих глазах поблескивала холодная сталь, но

вместе с тем по временам в них вспыхивали горячие искры, мелькавшие на момент и снова исчезающие. Бледно-желтые скулы были покрыты настолько тонкой кожей, что чудилось, будто сквозь нее проглядывает кость. Бескровные Тенгизовы губы прикрывались негустыми усами цвета золы. Такого же цвета борода пушистым веером обрамляла острый, немного выступающий вперед подбородок. В целом лицо Тенгиза производило впечатление иконы, написанной на старинном пергаменте.

При нашем приближении он поднялся с завалинки, на которой сидел. Он стоял, ожидая шедшего впереди других председателя суда, еще издали кивал ему головой и делал приветственный знак правой рукой. А на согнутом локте левой руки продолжал держать внука.

Потом я узнал, что внук этот, по имени также Тенгиз, любимый внук старика, зашиб ногу, сильно страдал и ни за что на свете не хотел отходить от дедушки. Пока не подошли все, Тенгиз не садился. Поздоровавшись с последним из приехавших гостей, он, сказав неизменное в таких случаях «ултур» (садитесь), сам же первый и сел. Замечу, что обыкновенно хозяин садится последним или совсем не садится. Но... но ведь это был Тенгиз! Тенгиз, чудо Балкарии, да я думаю и не только Балкарии... Перед нами сидел человек, родившийся в конце восемнадцатого столетия. В то время когда я его увидел, ему было более ста двадцати лет...

Скажу несколько отрывочных слов о Тенгизе...

Он был таубием. Ему было шестьдесят с лишним лет, когда произошло покорение Кавказа. Знаменитый Шамиль при нем начал свою жизнь и карьеру и при нем и закончил. Тенгиз вспоминал о Шамиле, как о небольшом эпизоде своей долгой и богатой событиями жизни. За время его жизни произошли войны, начиная с наполеоновских и кончая мировой войной 1914 года. Правда, он очень смутно представлял себе, что такое Франция? Или что такое Россия? О России он знал, что это самая большая страна на свете, что она управляется Белым Царем и часто воюет с Турцией. Эти войны причиняли ему беспокойство, так как он желал добра обеим сторонам.

Тенгиз рассказывал, что в его молодости были озера между Хуламом и Безенги. Теперь эти озера исчезли... Все его дети от первого, второго, третьего, четвертого, пятого и шестого брака, так же как и шесть предыдущих жен, — умерли. Один из внуков, почтенный старец, лет шестидесяти, жил в Безенги. Сорокалетняя внучка и несколько правнуков находились в Урусбиевском селении. Седьмой брак Тенгиза был более счастливым. Седьмая жена родила ему трех сыновей и одну дочь. Дочь была младшей в семье, ей было около двадцати лет...

Еще несколько лет назад Тенгиз ходил на турью охоту. Рассказывают случай, когда во время охоты пошел дождь, а вслед за тем ударил мороз. Горы превратились в ледяные катки. В охоте принимал участие начальник округа, плотный мужчина пудов на шесть. И вот он отказался идти. Лошадей не было. Тогда Тенгиз и его старший сын Кумук посадили отчаявшегося охотника на бурку и поволокли его вниз, в долину, по горным дорогам, представление о которых я дал выше.

И еще другой случай рассказывали мне в Безенги...

Когда ожидалось рождение третьего сына — Маштая, Тенгиз пошел на охоту. Была осень, и воздух, всегда чистый в горах, отличался хрустальной прозрачностью. И вот, Тенгиз увидел высоко над собою тура, с любопытством смотревшего вниз, на человека. Тенгиз сказал себе, что если ему удастся принести рога этого тура в свою саклю, то у него родится сын и сын этот будет выделяться среди других людей.

Он вскинул ружье и выстрелил. Огромный тур скатился к его ногам. Обрадованный охотник взвалил тура на плечи и принес его, истекающего кровью, еще теплого, домой. А на следующее утро родился Маштай...

Маштай! Маштай! Но о Маштае, моем саженном друге, который поднимал молодого коня так, как обыкновенный человек поднимает барана, — о Маштае я еще расскажу.

Мне показывали ружье Тенгиза. Старинное кремневое ружье, из которого он выстрелил в последний раз в год объявления войны. Выстрелил же он вот по какому поводу. Как только в наших краях появились раненые с австрийского и

немецкого фронтов, тотчас же появились вместе с ними винтовки новых незнакомых образцов. В селении Безенги нашлись любители, которые уже к зиме 1914 года обзавелись коллекциями иностранного оружия. Любовь кавказца к оружию неистребима.

Как-то раз во дворе у Тенгиза собралась молодежь. Зашел разговор о преимуществах той или иной винтовки. Чтобы решить спор, постановили устроить состязание в стрельбе. Укрепили мишень. Ни одна из винтовок не обнаружила исключительного совершенства. Тогда Тенгиз подошел к спорящим и приказал им воткнуть в деревянную доску, служившую мишенью, булавку со стекляшкой на конце. Стекляшка эта блестяла на солнце, что мешало прицелиться. Снова начали стрелять – в стекляшку. Но молодежь осрамилась.

Тенгиз молчаливо наблюдал ход состязания и потом вынес из дому свое кремневое ружье. Он стал на несколько шагов дальше других стрелков, долго целился и выстрелил. Блестящая точка, сверкавшая на доске, исчезла. Но из глаз Тенгиза полились слезы, глаза не выдерживали уже такого сильного напряжения. С тех пор Тенгиз не притрагивался к ружью.

...Во время падежа скота старейший из жителей Хулама – Баразбий посоветовал весь скот выгнать на пастбище и ждать естественного окончания эпидемии. Когда об этом сказали Тенгизу, он возмутился:

– Что за глупости говорит этот мальчишка! – сказал он. – Пусть каждый выделит скот из общего стада и ждет милости или гнева Аллаха!

Конечно, Тенгизов совет, хотя и более мудрый, чем совет хуламского старца, не был на высоте современных методов борьбы с эпизоотиями. Но весь интерес этого случая в другом. А именно в том, что хуламскому «мальчишке» было девять лет... Очевидно, Тенгиз помнил его еще в ту пору, когда он не смел поднять на него глаза.

Этого «мальчишку» я видел несколькими днями позже и тогда же познакомился с его десятилетним сыном, как две капли воды походившим на отца.

Кем был Тенгиз? По рождению он был таубием. По рели-

гии – мусульманином. По роду занятий – горцем. Что такое быть по роду занятий горцем? О, это очень сложная вещь... Горец должен уметь все делать, и при этом делать хорошо. Горец должен уметь ставить дома. В горах нет разделения труда, и потому каждый должен уметь до некоторой степени обращаться с камнем и глиной (дома ставят из камня, глины и дерева). Говорю «до некоторой степени», так как, конечно, друзья и соседи помогут молодому хозяину построить незамысловатое горское гнездо. Но странно было бы наблюдать, что в то время как соседи и друзья будут трудиться над твоей постройкой, ты будешь «считать галок»...

Потом, горец должен уметь обрабатывать поле. Правда, поля в горах небольшие. Всем известен рассказ о том, как однажды пошел горец обрабатывать свое поле, утомился, расстелил бурку и заснул. А когда проснулся – никак не мог найти своего поля. Пропало поле! Долго искал бедный труженик и не в шутку думал, что шайтан (дьявол) украл у него поле во время сна. Опечаленный, он собрал пожитки и направился домой. И вот, когда он сворачивал бурку, наконец-то нашел поле. Оно находилось под буркой... Так что горец не имеет полей в десятки и сотни десятин. Слава Богу, если в среднем на душу приходится от половины до одной десятины возделанной земли. Опять-таки надо сказать, иной горец, хотя бы тот же самый Тенгиз, собственноручно может и не трудиться над обработкой поля. Но плохое будет у него хозяйство, если он сам, самолично, не умеет отличить хорошую обработку от плохой и небрежной. Тут никакие управляющие не помогут!

Но мало быть добрым хозяином-землепашцем. Тот не горец, кто не знает толка в скотоводстве и коневодстве. Поле служит горцу для удовлетворения его насущной нужды в хлебе. А скот – это его богатство, его достояние. Поэтому можно сказать, что каждый житель гор является до некоторой степени пастухом и табунщиком... Жизнь горца от первых детских лет связана с жизнью стада. Еще мальчиком он учится говорить со скотом, перегонять его в соответствии со временем дня или временем года на то или иное пастбище. Потом,

юношей, он уже разбирается в правилах племенной жизни коз и овец, коней, коров, мулов, ослов. Он знает признаки болезни и способы их излечения. Попутно он знакомится с обработкой кожи, рога и шерсти.

Но и это еще не все. Порядочный горец изготавливает домашнюю утварь собственными руками. Правда, эта утварь не отличается сложностью, она проста, как прост его стол. Но все-таки тесто, мясо, сыр, молоко, каймак, айран, кумыс, пшено, мед... – все это требует изготовления особой посуды, и горец знает, как и из какого дерева ее следует делать. К сказанному надо еще прибавить напитки.

В горах встречаются пьяницы и обжоры. Но они заметны на общем фоне воздержанности и целомудрия так, как замечен отвратительный лишай на красивом лице. В горах готовят бузу, араку и пиво. Буза, выдержанная несколько лет в земле, напоминает коньяк. Арака, прозрачная, светлая жидкость, почти без запаха, представляет собою особый род водки домашнего производства. Что касается пива, то, вот, клянусь, лучше горского пива не существует напитка во всей вселенной... Горское пиво «махсыма» делается на меду. Оно выдерживается от пяти до десяти лет. Оно черное, ароматное и почти прозрачное. Оно пенится и играет словно вино... Но никакое вино не сравнится с ним во вкусе и приносимой пользе. Секрет приготовления махсымы строжайшим образом сохраняется в горах. И да сохранится навеки! Пусть тот, чьи губы касались пенного напитка гор, возблагодарит щедрое гостеприимство сынов Эльбруса и не пытается выведать секреты этой бедной благородной страны. А тот, кому не пришлось испытывать наслаждения горским пивом, тот пусть знает: ликер, изготавливаемый в католических монастырях, при сравнении с махсымой напоминает постное масло, шипучее вино, возделываемое на полях провинции Шампань, – это жидкая водица. Слабо окрашенная и чуть-чуть газированная. Сравнить нашу махсыму с английским виски я не хочу. Я не хочу оскорблять искусство моих друзей и сородичей.

Итак, махсыма – это расплавленный рубин в хрустальном бокале. Махсыма – это то, что испытываете вы, целуя свою

возлюбленную после многолетней разлуки. Махсыма – это жемчужные капли росы, осевшие на утомленный солнцем цветок и давшие ему новую жизнь. Больше нет ничего, с чем я осмелился бы сравнить махсыму...

И этот напиток горец должен уметь изготовить и подать его в сработанной его же руками деревянной чаше, именуемой «ченак».

Без сомнения, Тенгиз был настоящим горцем. Он в совершенстве владел способами земледелия, скотоводства и коневодства. Но сверх этого Тенгиз был еще охотником.

Горец не обязан быть звероловом, как не обязан уметь играть на агач-кобузе и рассказывать по вечерам легенды о временах минувших и о таинственном племени нартыанов – горных богатырей. Однако тот, кто охотник, уважаемое того, кто не охотник. Тенгиз был лучшим охотником не только в Безенги, но и во всей Балкарии. Тенгиз знал все оленьи тропинки и мог часами говорить о том, где и как они пролегают, сколько поворотов, какие ведут к водопою, а какие к заповедной труппе, где разыгрываются бои самцов и игры при свете луны. Он знал историю каждого медвежьего семейства и главные события их жизни за последние сто лет. Туры и горные козы составляли как бы мелочь его охотничьего хозяйства... И только о жизни диких кабанов и свиней он не знал и не желал знать ничего. Если приходилось Тенгизу повстречаться случайно в лесу с этим свирепым (свирепее медведя) хищником, он, не всматриваясь, пристреливал его и, совершив очистительное омовение в ближайшем ручье, больше уже не вспоминал о попавшейся на дороге скверне.

Местонахождение железных, серебряных, оловянных и свинцовых руд Тенгиз знал так же точно и безошибочно, как мы знаем названия наших пальцев на правой и левой руке. Охотник-горец должен знать, где находить свинец для пополнения запасов дроби и пуль. Ради приобретения этих вещей горцы не сходят в долину. При нужде они идут к девственным свинцовым копьям, отламывают себе необходимое количество металла и, вернувшись домой, без всякой обработки льют дробь и пули... Балкарские горы велики и богаты!

С тех пор как Тенгиз передал хозяйство старшему сыну Кумуку и перестал ходить на охоту, жизнь его обеднела и изменилась. Он не был грамотным ни по-арабски, ни тем более по-русски. Искать развлечения в чтении и письме он не мог. Как же проходил его день?

Ранним утром, за час до восхода, он поднимался с постели, брал с собой коврик и кумган с холодной водой из протекавшего через их двор источника, и выходил к восточной стене дома. В ожидании солнца он совершал утренний намаз, так что призыв муллы к молитве заставлял его склоненным перед той страной света, где находится могила Пророка и откуда восходит солнце. Помолившись, он шел величественно и медленно в противоположный угол двора, где находились конюшни. Тенгиз был настолько деликатен, что не позволял себе даже глянуть в те отделения, где стояли кони сыновей и общие, обслуживавшие все хозяйство. Нет, Тенгиз направлялся в отделение своего верного старого Ак-кая (Белая скала), так же как и он – молчаливо и смиренно, ожидавшего Азраила – ангела смерти. Высокий, совершенно белый, без всяких отметин конь встречал его неизменным, ласковым ржанием. Тенгиз задумчиво гладил его холку и шею, вытирал рукавом черкески бело-желтую пленку, скопившуюся за ночь в углах глаз, подкидывал сено.

Постояв немного с Ак-каем, он выводил его за изгородь и там пускал на волю. Соскучившийся за долгую и, вероятно, бессонную, как и у его хозяина, ночь, Ак-кай пробовал порезвиться, но это не удавалось: не слушались ноги. Сознавая свою неудачу, конь солидно встряхивался и, охлестывая бока поредевшим хвостом, неспешно отправлялся в глубину луга. А Тенгиз возвращался в дом, где его ожидал уже ченак только что сдоенного парного молока с испеченным к его приходу вкусным лакумом (хлеб). В промежутке между утренним завтраком и полднем, если была хорошая погода, Тенгиз сидел на завалинке, около мечети, в обществе других стариков. Лучи солнца согревали остывшую кровь седобородых горцев, оживляли память, располагали к неторопливым беседам о делах старины.

Если бы я был живописцем, в этом месте я прервал бы свой рассказ и взялся за кисть. Но, увы, кисть мне недоступна! У меня нет также фотографии, которые помогли бы восстановить в памяти всю яркость и красочность группы стариков, сидящих у порога мечети на фоне вечных снегов, в потоках солнца, величественно плывущего по досягаемому синему небу. Небо в горах потому и прекрасно, что оно досягаемо. В вас живет постоянное чувство необычайной близости и вещественности небесного свода. Вам представляется естественным и возможным взобраться вон на ту, подобную алмазу вершину, приподняться на кончики пальцев и прильнуть губами, грудью, всем восторженным вашим естеством к голубой густоте, именуемой небом. О, какая сладость осязать синие своды, за которыми живет Бог. Вам не надо знать ни что такое вера, ни что такое разум. Вам достаточно отдать себя властной гармонии природы, и вы почувствуете, что есть Небесные Силы, и что Они – невидимые, но внутренне зримые и осязаемые, – отражены в вас.

А в полдень, когда солнце останавливается на мгновение над вершиной Эльбруса и тысячью золотых рук венчает его короной из самоцветных камней, – весь правоверный мир падает ниц перед лицом Аллаха. В полдень снова возносится призывный звук с минарета, и тогда всюду – на склонах гор, в долинах, на рубке леса и под скрежещущий разговор жерновов – шевелятся беззвучные губы, простираются длани – совершаются поклонения в Духе.

Полуденную молитву Тенгиз творил в Доме Божьем – в мечети.

...Возвращавшийся с игр Тенгиз-младший в двадцать с лишним раз младше Тенгиза-старшего, забегал в мечеть и торопил деда домой. Тенгиз-младший нетерпеливо дергал деда за края шубы и капризно покрикивал на него за медлительность шага. Так они шли домой: Тенгиз-старший, с улыбкой любви на губах, похожий на сказочного великана, и Тенгиз-младший, малыш в алой черкеске, задорный и румяный. Оба они были одеты в костюмы одинакового покроя, у обоих на головах папахи, на поясе кинжалы. Но кинжал Тенгиза-

младшего напоминал перочинный ножик, тогда как кинжал Тенгиза-старшего по своей длине превышал длину Тенгиза-младшего от головы до пят.

Обед Тенгиза состоял из свежего сыра, вареных яиц и пива. Но пиво для него готовилось особое, не хмельное. Изредка он вспоминал о мясе, но не любил мяса, как, впрочем, и большинство стариков-горцев. В горах, где так много скотины, мясо считается роскошью, и его готовят лишь в особо торжественных случаях, для гостей или для свадебного пира.

После обеда, продолжавшегося не более двадцати минут, Тенгиз сидел у камина в обществе жены и дочери. В горах не знают, что такое прислуга. В горах иногда нанимают работника, и тогда он становится членом семьи. Но того, что на языке цивилизованных народов называется прислуга – этого в горах нет. Домашние заботы Тенгизова дома лежали на его жене, дочери и женах двух старших сыновей: Кумука и Далгата. Но обыкновенно в этот послеобеденный час у камина хлопотали только жена и дочь, и он посвящал им часть дня.

Перед закатом солнца Тенгиз выходил на луг, подзывал Ак-Кая и, побеседовав с ним несколько минут, отводил его на ночь в стойло.

Вечерний намаз Тенгиз совершал у себя в комнате и потом выходил к сыновьям, возвращавшимся к этому времени домой. Вечером он выпивал снова парного молока, сидя в кругу семьи, поближе к камину.

Присутствие гостей почти не изменило образа жизни старца. Иногда, утром, он заглядывал на минуту в кунацкую (комната для гостей), говорил несколько приветственных слов и, выслушав ответ, удалялся. Только вечерами бывал дольше с нами – приезжими. По-видимому, он это делал из вежливости, но никак не из интереса или любопытства. За все время только раз он вступил в оживленную беседу с председателем суда, это когда зашла речь о будущем Маштая, третьего своего сына. И вот теперь настал момент для знакомства с Маштаем.

На минуту в Европу

Но прежде мне хочется изобразить фигуру, которая беспрерывно маячила перед моими глазами и надоедливо беспокоила меня, когда я писал о Тенгизе. Эту фигуру я встретил в одном из городов Средней Европы. Совершенно безразлично, как называется этот город: вся Средняя Европа наполнена такого рода городами, и такого рода города наполнены такого рода фигурами. Так что ни города, ни фигуры я именовать не буду.

Мне поручено было переговорить с заведующим одной конторой по коммерческому делу, интересному для обеих сторон. Я спросил по телефону, когда мне прийти, чтобы наверняка застать и удобнее поговорить о деле.

– Приходите... приходите завтра!.. Нет, нет, завтра выставка животноводства... Приходите послезавтра в... в... ну, скажем, в девять часов утра. Только, очень прошу вас, будьте точным.

– Хорошо, – ответил я, – послезавтра в девять часов утра я буду у вас.

Повесив трубку, я старался припомнить: имеются ли у этого господина хотя бы пара собак или канареек, что он ради выставки животноводства откладывает важное свидание? Как будто бы ни собак, ни канареек у него не было. Откуда же такой интерес к животным? Ну что ж, подожду до послезавтра, решил я, это еще не так долго.

Наступило послезавтра. Ехать мне надо было около часа поездом и сорок минут трамваем. Я встал на полтора часа раньше обычного, благополучно попал на ранний поезд, в ожидании девяти часов потолкался у расклеенных на стене газет, в которых, кстати сказать, огромными буквами сообщалось, что сын убил отца и мать и скрылся в неизвестном направлении с украденными у них серебряными часами и серьгами из американского золота... И потом, минута в минуту, ровно в девять, вошел в помещение конторы. Господин, с которым мне предстояло говорить, еще не прибыл. Что делать!

Закурил папиросу, присел на скамью ожиданий. К сожалению – тщетных ожиданий, так как к десяти часам утра от заведующего конторой прибыла депеша, в которой он сообщал, что приедет в среду на будущей неделе. Депеша была подана с границы соседнего государства.

– Не можете ли вы сказать, – обратился я к одному из служащих, что случилось с вашим шефом? Не пошатнулось ли внезапно его здоровье?

– О, нет, – успокоил меня вопрошаемый, – это, видите ли, его супруге захотелось посмотреть на бракосочетание наследника такого-то престола.

– А что, – поинтересовался я, – господин шеф и его супруга бывают при таком-то дворе?

– Что вы, что вы! – засмеялся служащий конторы. – Они просто поехали посмотреть.

Я пожал плечами и, записав «на расход» время, потраченное с семи утра до десяти, отправился по другим делам. В среду на «будущей» неделе, я стоял у дверей конторы с твердым намерением или договориться, или послать заведующего к черту.

В начале десятого часа к подъезду подкатил мотор. Осунувшийся, с подрезанными словно болезнью глазами, из него вышел шеф. На лице его было написано с яркостью американской рекламы: «Не тронь меня». Но я не мог «не трогать», ведь действующий под этим сумеречным небом принцип «время–деньги» был властен также и для меня.

– Господин шеф, – сказал я как можно любезнее, – в четверг на прошлой неделе я звонил вам по делу фирмы «Икс и сыновья», и вы назначили мне свидание в субботу, в девять часов утра. В этот час я прибыл в вашу контору, но оказалось, вы за границей. Мои доверители предлагают вам сегодня же закончить наши дела или отказаться от предварительного соглашения.

Все это я говорил, шествуя рядом с шефом по лестнице.

– Да, да, конечно, сегодня же все выясним, – ответил шеф. – Извините, что невольно обманул вас. Вы знаете, при нашей работе мы не принадлежим сами себе.

Но едва мы вошли в контору, на шефа набросились служащие, как набрасываются воробыи на горсть зерен.

– Господин шеф, подписать...

– Господин шеф, просмотрите проект договора с эн-эн...

– Господин шеф, министерство третий раз вызывает вас к телефону.

Господин шеф взглянул на меня, улыбнулся, развел руками:

– Подождите минуточку...

Я подождал минуточку. Проползло минут десять. Шеф метался по конторе, коридору, от телефона к учетной канцелярии, от учетной канцелярии к своему письменному столу. Шевелюра его расстроилась, глаза – и без того невеселые – потухли, голос осип.

– Алло! Алло! – кричал он в телефон. – Кто у телефона? Это господин Ка-Эс? Здравствуйте, господин Ка-Эс! Попросите, пожалуйста, Зета навести справку у Игрека, заготовлены ли сметы по проекту договора Альфы и Омеги...

– Да, это я, – перескакивал он к телефону у противоположной стены, – что такое? А? Образцы? Но ведь мы выслали образцы еще семнадцатого прошлого месяца... Очень странно, наведу справку...

И так, без передышки, наскоро закуривая на ходу папиросу и через две затяжки выбрасывая ее, откидывая назад взмокшие волосы, поминутно останавливаемый то одним служащим, то другим, он носился из угла в угол и, проходя мимо меня, делал страдальческую гримасу.

За эту беготню он получал столько, что имел автомобиль и строил загородную виллу. Автомобилем он пользовался два раза в день: утром, когда невыспавшийся и недовольный ехал в контору, и вечером, когда усталый и вычерпанный до дна, возвращался к себе. Для осмотра строящейся виллы он собирался выезжать за город каждое воскресенье, но чаще одного раза в месяц на постройке не бывал.

Стрелка часов приближалась к двум, когда, наконец, утихомирилась беготня моего шефа. Он был похож на сибирского шамана, только что закончившего свою колдовскую пляску.

– Ради Бога, извините меня. – Он сел рядом и опять заку-

рил папиросу. – Я немилосердно задержал вас. Что же теперь делать? До трех мне надо успеть пообедать, а в три меня вызывают на заседание Аграрного банка.

Пока он говорил, я соображал: можно ли мне поставить в счет своей фирмы обед с господином шефом? И если можно – собирался предложить шефу соответствующий выход из положения: пообедать вместе и за обедом переговорить о делах. Но он упредил меня и предложил пройти с ним в его ресторан, где он никому не позволяет платить за себя.

Подали суп с пирожками. Господин шеф внимательно прищелкнул к супу и с жестом брезгливости и отчаяния отодвинул его от себя:

– Черт знает!.. Послушайте, – обратился он к лакею. – Разве вы не знаете, что я не выношу эти плавающие сальные пятна?!

Действительно, на поверхности довольно жиденького супа желтели два-три маслянистых пятна. Лакей рассыпался в извинениях и через минуту принес нечто, напоминавшее воду, в которую попала крупинка крахмала. Господин шеф проглотил несколько ложек. На пирожок он и не посмотрел.

На второе подали рыбу. Это был майонез, с которым я прекратил знакомство в 1919 году. Сказать по правде, не без трепета приступал я к этому кушанью, которое казалось мне легкомысленной причудой гениального римлянина-чревоугодника. Однако шеф отнесся к майонезу с нескрываемой иронией.

– Врач категорически запретил мне все рыбное, – объяснил он, отодвигая тарелку.

Я произнес что-то вроде «а» или «э» и тоже отодвинул тарелку, но уже пустую. Мне становилось не по себе. Разговор о деле не начинался, а настроение моего визави явно портилось.

В момент, когда я откашливался, чтобы задать наводящий вопрос, он оторвался от внимательного изучения карты и, подобно полководцу, убедившемуся в неминуемом поражении с фронта, фланга и тыла, воскликнул:

– Прямо не знаешь, что есть!

Карта разнообразных яств, которую он держал в руках,

была двойная и мелко-мелко исписанная. Тяжело вздохнув, шеф передал ее мне:

– Придется опять сухарики в молоке, – пожаловался он.

А я, утратив последние остатки человеколюбия, заказал кровавый бифштекс...

В конце обеда, когда я попеременно прихлебывал то вино, то черный густой кофе, а господин шеф меланхолично помещивал жидкий чай, состоялся наш деловой разговор. Он занял ровно четыре минуты. Мы вышли. По пути между рестораном и входом в контору, где ожидал мотор, господин шеф жаловался мне на бедствия, причиняемые желудком. Оказывается, на ночь ему разрешалось выпивать чашку процеженного куриного бульона и съесть не более двух бананов. Расставаясь и еще раз, усердно пожимая мне руку, господин шеф осведомился: не правда ли, я не сержусь на него за его невольный субботний обман?

– Видите ли, – шепотом прибавил он, – у моей жены были несчастные роды, она скинула мертвого... После этого я ей ни в чем не могу отказать... До свидания, благодарю вас! – крикнул он на прощание и укатил.

Маштай, сын Менлиза

Не на второй день, а на второй час нашего знакомства Маштай с какою-то стыдливой и торжествующей в то же время улыбкой взял у меня карандаш и бумагу и написал невыносимыми каракулями: «Маштай С.....»*. В его – мало ска-

* Речь идет о Маштае Суншеве, балкарском таубии. К. Чхеидзе посвятил ему немало страниц. Мы же, немного забегаая вперед, дополним их документами. Так, «В списке лиц, находящихся в бандах, скрывающихся от Советской власти», составленном 11 марта 1925 года, о нем сказано: «Суншев Маштай Тенгизович, 30 лет, князь. Скрывается – с 1920 года. Причина – контрреволюционер. В какой банде и где скрывается – неизвестно. Приме-

зять «больших», но нечеловечески громадных – пальцах карандаш мой выглядел гвоздем, случайно попавшим в ящик с болтами. Писал Маштай очень долго и, когда приукрасил последнюю написанную букву своего имени небрежной загогулиной, лоб его был мокрым.

– Слушай, ты великолепно пишешь! – вскричал я. – Клянись Аллахом, пока я гошу у вас, ты выучишься писать не хуже нашего председателя!

Торжествующий Маштай смотрел на меня счастливыми от такого обещания глазами и в душе, вероятно, допускал возможность – как говорят теперь – «догнать и перегнать» председателя. Как бы там ни было, ежедневно после обеда мы сидели с Маштаем в тени за конюшней и упражнялись в чтении и письме. Читал Маштай со скоростью вьючного коня, идущего в гору. Беда его заключалась в том, что собственной воли к грамотности у него не доставало, а из окружающих только писарь сельского правления мог его поддержать; но ни Маштай к писарю, ни писарь к Маштаю никакого расположения не чувствовали. Дело в том, что со времени вступления Далгата, среднего брата Маштая, в должность старшины сельский писарь лишился кое-каких незаконных доходов. Итак, между писарем и сородичами Далгата пролегла вражда.

С другой стороны, в семье Маштая мнения по поводу его попыток просветиться разделились. Его братья, Кумук и Далгат, стояли «за» грамотность, а мать и сестра – «против».

ты скрывающегося: роста высокого, волосы черные, глаза карие, на лице шрам. Кто ближайшие родственники – Далхат и Кумук Суншевы» (ЦГА КБР, ф. Р-195, оп. 1, д. 4, л. 15 об.).

И еще один документ от 13 марта 1924 года с грифом «Совершенно секретно»: «Начальнику Административного отдела областного ЦИКа.

Во исполнение Вашего предписания за № 37/с при сем предоставляю список лиц, эмигрировавших в период гражданской войны за границу и в другие сопредельные страны.

...23. Суншев Маштай Тенгизович, 28 лет.

В каком чине – прапорщик.

Когда эмигрировал и местонахождение – с 1920 г. Турция.

Причина эмиграции – белогвардеец.

Число членов семьи – семьи нет» (ЦГА КБР, ф. Р-195, оп. 1, д. 3, т. 1, л. 27–28 об.).

Что касается Тенгиза, то он однажды и навсегда по этому поводу сказал:

– Маштай! Будь правдив с собою и великодушен с людьми. И проживешь свой век, и будешь в почете... А о грамоте меня не спрашивай, я не знаю...

Мой приезд оживил самообразовательные порывы Маштая. Ему было в то время лет двадцать. Он был подобен чинару. Чинар – белоствольный витязь Кавказских гор. Он растет в долинах, его можно встретить на склонах. Но истинная аристократия из семьи чинаров предпочитает вершины. Там, наверху, на воле, где сходятся небеса и горы; где отдыхает ветер – там истинная родина чинара. Там беспрепятственно он забирается все выше и выше, и кажется – звезды ночуют в его ветвях. Ветви чинара образуют корону, цветущую зеленым огнем. В полночный час, когда сияет луна, сияет и всматривается в причудливые земные узоры, она не в силах различить где сосна, где дуб, где кусты, где деревья... Но корону чинара луна видит прекрасно. Как не ошибется путник, случайно попавший в королевский приемный зал и поклонившийся тому, кто занимает горное место, так не ошибается луна, лья золотые ручьи на того, кто ближе достигает неба.

Небо благословило Тенгиза рождением его совершенного подобия – Маштая. Смотря на сына, он видел себя, видел себя таким, каким было сто лет назад. И радость отца состояла в том, что сын, не перешивая, носил его черкеску, сшитую, быть может, во времена имама Шамиля.

О том, что Маштай уже зрелый муж, узнали так. Он ходил вместе с другими подростками к мулле Магомет-Гирею-Хаджи слушать Коран. Хаджи-Магомет-Гирей, знаменитый тем, что молился на могиле Пророка, был немногословен и строг. Его увещание для нерадивых учеников заключалось в гладко оструганной кизиловой палке с набалдашником на конце, чрезвычайно похожей на посох, который изображают в руках волхвов, пришедших поклониться младенцу-Христу. Хаджи упрекал невнимательных учеников прикосновением набалдашника к плечу или рассеянной голове. Маштай, голова которого возвышалась над головами соседей подобно тому,

как вершина чинара возвышается среди лесных богатырей, являлась для Хаджи наиболее удобной мишенью. Однако, чувствуя себя старше других, Маштай вел себя сдержанно, внимательно и учтиво. Но рядом с ним, поджав ноги, полукругом, с таким расчетом, чтобы посох Хаджи с одинаковым удобством мог достигать вперед, направо и налево, сидели другие ученики. И случилось однажды так, что ближайшими соседями Маштая оказались братья Гемуевы, первейшие сорванцы аула.

Они принесли с собой во двор мечети, где происходили занятия, молодого ужа. В момент, когда под мерное покачивание посоха Хаджи ученики протяжным речитативом повторяли слова зекира, младший Гемуев разжал карман черкески, в котором томился уж, и освобожденный узник выполз на волю. Судьбе угодно было направить ужа на Маштаеву спину. Как раз тогда, когда, сморщив лоб и не отрывая глаз от рта Магомет-Гирея-Хаджи, Маштай с особенным чувством протяжно выводил руладу, холодная голова ужа лизнула его шею. Маштай оборвал пение, схватился за шею... Набалдашник Хаджи сделал свое дело с таким искусством, что уже через пять минут на границе, где кончается лоб и начинается темя, выросла здоровенная дуля.

На другое утро пришедший совершать утреннюю молитву Хаджи остановился, пораженный, перед входом в мечеть. На низкой кровле, прямо над дверью, лежал громадный камень. Камень этот был положен так, что ежеминутно мог сползти, сорваться. Хаджи призвал соседей, и усилиями пяти-шести человек камень был благополучно опущен на землю.

– Это устроили эти ишаки Гемуевы! – категорически заявил Хаджи. – Я их проучу, Валлаги-азым¹, проучу...

Он внимательно осмотрел свой посох и уселся в ожидании прихода учеников на вызвавший его гнев камень. Увидев учителя на необычном месте и в необычной позе, молодежь за пятьдесят шагов прекратила болтовню и в молчании обступила камень. Когда собрались все, Хаджи гневно вскочил и закричал, потрясая тростью:

¹ Клятва богом.

– Гемуевы! Ишаки! Гяуры! Вы оскорбили святое место! Будь проклят час вашего рождения!.. Эй ты! Старший ишак! Расскажи, как в твоей ослиной башке явилась мысль положить камень на мечеть?!

Гемуевы – они всегда держались общим табуном, – радуясь в душе гневу Хаджи и не завидуя тому, кто был причиной этого гнева, молчали. Тогда Хаджи, взяв посох наперевес, набалдашником вперед, устремился на Гемуевых в атаку.

Маштай выступил вперед и сказал:

– Оу, Хаджи! Пусть твоя палка упадет сюда! – Он показал на свою грудь, на его груди уже тогда мог уместиться мельничный жернов. – Это я сделал, – продолжал Маштай, – я один это сделал...

И было в его позе нечто, что утихомирило взволнованного учителя. Он хмуро взглянул на Маштая. Подумал минуту и потом отменил занятия.

– А вы все-таки ишаки, – кинул он вдогонку Гемуевым, – я еще до вас доберусь.

Но Гемуевы не обижались. Подвиг Маштая был таков, что затемнял все остальные события и треволнения жизни...

Когда донесли Тенгизу обо всем происшествии, он, не сказав ни слова, отправился к мечети. Повстречавшись с Хаджи-Магомет-Гиреем и наскоро попросив у него извинения за «глупого ребенка Маштая», Тенгиз рассеянно оглядывался, как будто что-то потерял.

– Что ищет уважаемый Тенгиз? – спросил Хаджи.

– Я хочу взглянуть на этот камень, – отвечал Тенгиз, уверенный, что его поймут, о каком камне идет речь.

Конечно, лучше Магомет-Гирея-Хаджи никто не знал, куда положен камень. Усматривая в желании Тенгиза взглянуть на камень сочувствие и внимание к собственной оскорбленной особе, Хаджи, охотно провед отца провинившегося ученика к полуразрушенному углу ограды, куда свален был камень.

– Вот он, – Хаджи толкнул кизиловой тростью предмет своего гнева.

Тенгиз внимательно присмотрелся и также пошлепал глад-

кую поверхность камня своей клюкой. Но в жесте его сквозила нежность. К кому? К камню? Едва ли...

– Валлаги-азым! – пробормотал Тенгиз. – И я бы такой поднял... – И весь погруженный в думы, забыв проститься с Хаджи, он ушел к себе.

А разочарованный Хаджи, подождав удаления Тенгизовой спины, толкнул камень ногой, плюнул на него и, махнув рукой каким-то своим мыслям, побрел на край аула, где находилось жилище Гемуевых. Там, среди почтения со стороны старших членов семьи и озорства младших, Хаджи надеялся рассеять волновавшие его чувства...

...Высшим достоинством считается самообладание и верность законам религии и народа. Законы религии известны под именем «шариат», законы народа составляет «адат» или по-кабардински «хабзэ». В основании шариата лежит Коран. В основании адата – народный дух, породивший обычай.

С молодых лет горец проникается мыслью о необходимости соблюдать как те, так и другие правила жизни. Если бы меня спросили, в чем состоит главная разница между психологией кавказца и психологией европейца, я бы сказал, что разница состоит в том, что у горца есть нечто, что он признает абсолютным и неизблемым.

А у европейца все подвержено сомнению и относительно. Но это отличие слишком глубокое и, так сказать, философическое. Есть еще много других отличий, из которых одно особенно бросается в глаза. Я говорю о способе выражения внимания, как он проявляется на Кавказе и в Европе.

Когда европейец приглашает вас в дом и показывает вид из окна на тысячу дымящихся кровель, вы обязаны оценить красоту вида шумным восторгом. При этом вы должны нагибаться вперед, рискуя, что на вашу физиономию свалится небольшой сюрприз в виде куса сажи. Вы должны, вдыхая сложный состав бензина, копоти и пыли, называемый городским воздухом, непрерывно восклицать: «О, о, о, замечательно! Изумительно! Восхитительно!». Если вы будете молчать и если вы недостаточно искренно и громко воскликните: «Чудесный вид! Необыкновенный воздух!», то вас сочтут невежей.

Совсем иначе на Кавказе. Здесь как раз наоборот. Если хозяин дома скажет вам: «Сегодня небо безоблачно, не хотите ли взглянуть, как садится солнце за Эльбрус» и поведет вас на балкон. И если вы увидите, что миллион окровавленных ангелов, с грозно поднятыми огненными мечами несется по вечернему небу. И если дыхание гор пронзит вашу грудь, пронзит до боли, до нестерпимого восторга... пронзит так, что вы должны стиснуть зубы и впиться ногтями в ладони, чтобы сдержать вырывающийся крик... И если вы этот крик не сдержали, вас сочтут за особу, которая по роковой случайности носит на голове не платок, а папаху. Если же вы, с ужимками и прыжками, начнете объяснять – как прекрасен этот вид! Как красив Эльбрус! Как захватывает вас эта картина – то, поверьте, на вас взглянут, как на слабонервного полуидиота. Ибо предполагается, что каждый, имеющий глаза, – видит. И каждый, живущий под небом, понимает, что есть красота.

...В 1914 году, летом, после объявления войны, горцы Кавказа обратились к императору с просьбой разрешить им помочь России одолеть врага. Просьба эта была обращена не прямо к императору, но через посредство наместника на Кавказе – графа Воронцова-Дашкова. В состав делегации, направившейся от имени кабардинского и балкарского народов, входил также и Тенгиз. Уже более двадцати лет не выезжал он на плоскость. Но ради такого случая, ради надежд, что будет дано разрешение кровью купить Кавказу равноправие с остальными гражданами России, Тенгиз собрался в путь.

За двадцать лет многое изменилось на плоскости. Там, где стояли вековые леса, проходила дорога, окаймленная мелким кустарником. Там, где когда-то происходили конские ристалища, возвышалось странное здание, имевшее два ряда окон. Тенгиз никогда не видал двухэтажных домов. Но странность этого здания увеличивалась по мере приближения к нему. Вот показались знакомые вышки. Это были семафоры. А рядом с кирпичным двухэтажным домом (железнодорожной станцией) проложены были бесконечные железные палки, на которых стояли разноцветные дома-вагоны. Но удивительнее всего была черная скала, с трубой, на огромных колесах, она

двигалась, потрясая землю, кричала тонким пронзительным голосом, выпускала клубы пара, как будто бы внутри сакли находились раскаленные камни и кто-то поливал их водой.

Как бы поступил европеец, впервые в жизни увидавший паровоз? Вероятно, он схватил бы за руку своего соседа и с неразумительным криком потащил бы его рассматривать диковину. Или, быть может, испугавшись, он назовет невиданную машину «исчадием ада» и откажется приближаться к ней.

Тенгиз, конечно, был поражен видом катающегося парового дома. Быть может, любопытство мучило его. Быть может, его старое горло сжималось желанием спросить: «Что это?». Но он не спросил. Когда его подвели к специальному вагону, предназначенному для делегации, он, на правах старейшего, первым вошел в него. Когда ему указали место, он безмолвно устроился поудобнее на пружинных подушках сидения. И когда поезд дрогнул и тронулся, он, как полагается, произнес вполголоса: «Хош-гяльды» (В добрый путь!) – и посмотрел в окно на убегающий горизонт, на краю которого синели горы. Лишь впоследствии, во время завтрака, он между прочим, мимоходом, спросил:

– Чем кормят этого железного коня?

И, узнав, что его «кормят» углем и нефтью, удовлетворился ответом и уже никогда не возвращался к вопросу о поездах и паровозах...

В кругу друзей, например, в моем обществе, Маштай позволял себе задавать вопросы о том, что его интересовало и удивляло. Он разглядывал фотографический аппарат, которым его снимали, не менее часа. Самым удивительным в этом аппарате казалось ему то, что люди получались цельные, но маленькие.

– Это вроде зеркала, – сказал он, – но почему на зеркале отражение (он говорил не «отражение», а «тень») не задерживается, а здесь задерживается?

Я объяснил, как умел.

Но в присутствии посторонних, а к посторонним он относил всех русских участников экспедиции, кроме председателя суда, говорившего на их языке, Маштай вел себя сдержанно и

с такого рода достоинством, характер которого я изображал выше. Он был истинным сыном своего отца.

...Своего отца, Тенгиза. О, Тенгиз, Тенгиз! Только раз он обратил свой взор на меня. Только однажды он положил свою огромную руку на мою голову и потом взял обе мои руки в одну свою и с добродушной усмешкой потряс ими. Я никогда не забуду ощущения от его руки. Его ладонь была прохладная и сухая. Старые мозоли давно сошли, но от мозолей остались бугры – твердые, рогоподобные. Форма ногтей свидетельствовала о длинном ряде предков, каждый из которых (как сказал бы Дарвин) являлся воплощением принципа подбора. Тыльная сторона ладони заросла темным мохом, густым, мягким, почти шелковистым.

– Учи, учи Маштая! – сказал Тенгиз. – Каждый должен отдавать другому то лучшее, что имеет. Маштай научит тебя, как выслеживать зверя, он покажет тебе наши горы. А ты поделись с ним тем, чему тебя научили в школе.

Через несколько лет, когда я был офицером и адъютантом экспедиционного отряда, действовавшего в этих горах, родственники Маштая просили меня взять его на службу. Я зачислил Маштая в команду ординарцев, и нам вместе пришлось пережить не одну тревожную минуту в период гражданской войны. Но – слава Аллаху! – к этому времени Тенгиз покоился в земле...

Велик, благостен и мудр Господь, закрывший его усталые глаза в лето, предшествовавшее революции. Он не видел, как братская кровь обогрела белоснежные вершины, перед которыми он молился всю свою жизнь. Он не поколебался в своей вере, он не застал разврата, который распространился в горах.

Быть может, пройдут времена и сроки, и отдаленное потомство увидит добро, принесенное революцией. Надо напрягать силы к тому, чтобы на пролитой крови расцвела новая и лучшая жизнь. Да будет вечная память тому невозвратимому добру, что было в минувшее время! И пусть наполнится наше сердце неиссякаемой благодарностью Творцу, благословившему мир красотой, живущей в горах Кавказа, и да не изгладится память о людях, подобных Тенгизу. Во имя Бога...

В долине

В Хуламе, где жил «мальчишка», о котором я упоминал, мы задержались недолго. Председатель суда решил, что главное производство дела надо перенести на место спора, в долину реки Кара-су. Спорный участок простирался по обе стороны реки. Безенгиевское общество, владения которого находились по правому берегу реки, точно так же, как и Хуламское, владевшее левым берегом, притязало на весь участок. Хуламское общество возражало против этого притязания, ссылаясь на отметки, сделанные на деревьях, и сложенные в виде груды камней по рубежам участка. Несколько десятков старожилов были вызваны на место спора в качестве имовверных * свидетелей. В общем, когда весь состав суда, гости, спорящие стороны, свидетели и любопытные съехались в долину Кара-су, то посторонний наблюдатель мог бы предположить, что это движется по крайней мере дивизион всадников.

И безенгиевцы, и хуламцы претендовали на звание хозяев той земли, на которой предполагалось устроить лагерь. Однако, действуя под влиянием инстинкта, безенгиевцы настаивали перед председателем, чтобы лагерь расположили на правой стороне реки, тогда как хуламцы указывали на выгоды левого берега.

Несомненно, предпочтение того или другого берега в глазах спорящих как бы предопределяло исход дела. Председатель объехал вокруг участка и, к счастью, нашел небольшой остров, образовавшийся вследствие того, что река изменила русло. Старое и новое русло обтекали небольшую поляну, на которой рос корявый дуб, сожженный молнией. Председатель предложил каждому обществу расположиться на своем берегу, а составу суда и гостям отвести место на поляне. Здесь же, под дубом, он приказал поставить взятый из ближайшего селения стол. Этот стол под обгорелыми ветвями и был залом судебного заседания.

* И м о в е р н ы й – вероятный, правдоподобный.

Когда поднялся вопрос о питании, ни хуламцы безенгиевцам, ни безенгиевцы хуламцам уступать не хотели. И те и другие настаивали на своем праве кормить приезжих, и председатель постановил, что общества будут кормить поочередно. Но и это не разрешило вопроса. Каждое общество настаивало, что оно будет кормить первый день, а другое общество во второй. И каждое ссылалось на то, что пища на первый день уже заготовлена. Председатель разрешил этот новый спор таким образом, что в первый день оба общества устроят на острове общий пир.

А во время этого пира пусть старшины спорящих сторон вытянут жребий. Разве думалось тогда, что такая ничтожная подробность будет меня занимать через полтора десятка лет, когда в тысяче километров от долины Кара-су я буду вновь переживать события тех дней? А теперь мне кажется, что то обстоятельство, что я не помню, как звали хуламского старшину, составляет несчастье моей жизни. Конечно же, имя этого старшины дороже и ближе десятка имен тех знаменитых философов и ученых, идеи которых преодолели пространства, взорвали мою большую родину – Россию и залили кровью мою маленькую, мою прекрасную, самую прекрасную на свете родину – Кавказ. Если бы спросили хуламского старшину: «Как сделать, чтобы людям лучше жилось?» – он без колебаний ответил бы: «Надо, чтобы люди больше помогали друг другу».

А знаменитые философы разрешили этот вопрос в том смысле, что нужно одной части людей уничтожить другую. Скажите, ради Аллаха, кто прав: хуламский старшина, имя которого я не помню, или же бородатые умники, портреты которых оскверняют сейчас наши аулы?

...К вечеру все споры были благополучно разрешены, и обе стороны в лице своих представителей хлопотали на острове, устраивая для старших гостей навес из ветвей, а для всех – обильный ужин.

Конечно, это была поэтическая картина! Со всех сторон, куда ни глянь, на вас наступают горы. Долина реки Кара-су, если бы на нее посмотреть с аэроплана, показалась бы еле

приметной морщинкой, затерянной между горными кряжами. Посередине долины пылает огромный костер. Около него, в живописных позах, лежат, стоят и сидят люди, увешанные оружием, в черкесках, папахах, высокие, стройные, гибкие, подобные рысущим волкам. Неподалеку от костра слышится жалобное блеяние, словно плачет покинутый ребенок: это режут молодого козленка. Почки молодого козленка являются лакомым кушаньем. Они пойдут председателю. Искусно изготовленные на вертеле, они не теряют сочность. Кто в горах не любит «джалбаур» – так называется это тонкое кушанье... А на костре уже появился громадный котел. Там будут вариться бараны. Я знаю: голова лучшего барана, расколотая пополам, достанется опять-таки председателю, как старшему. А мне передадут бараньи уши – привилегия младших хрустеть хрящами бараньих ушей. А потом у котла появится какой-либо почтенный горец, с лицом озабоченным и хмурым. Ему доверена не малая задача: разделить между присутствующими вареное мясо. Разделить так, чтобы никто не был обижен и чтобы были соблюдены выработанные веками правила, в какой иерархии следуют бараньи куски.

Это – целая наука! Точно так же, как среди людей соблюдается местничество по рождению, по летам, по почтенности, так и среди частей бараньей туши различаются куски более почтенные и менее почтенные. Более почтенные предоставляются старшим, менее почтенные – младшим. Задача того, кому поручено распределение, чрезвычайно сложна. Он должен знать степень почтенности каждого присутствующего и значение и достоинство каждого куска барана. Разумеется, если распределитель кусков ошибется, никто не скажет ему: «Эй, ты – ты ошибся!». Никто не позволит себе ронять свое достоинство, поднимая спор о куске мяса.

Но слава искусного распределителя померкнет в таком случае вместе с угольками костра, около которого допущена роковая ошибка. В другой раз ему не доверят уже столь сложное и почетное дело...

Я расстелил бурку поближе к костру, подложил под голову кабардинское седло, заменяющее какую угодно мягкую по-

душку, и предался наблюдениям. На горнем краю костра сидел председатель, окруженный наиболее почтенными горцами. Поближе к председателю теснились русские гости во главе с юрисконсультom. Я уже сказал, что в большинстве это были люди с положением, средствами и, конечно, высшим образованием.

Они чувствовали себя здесь, среди этой природы среди этих людей, белыми воронами среди черных или черными воронами среди белых – я не знаю. Многократно они пытались сблизиться с горцами, но это им не удавалось. Почему? Потому что они (верю, бессознательно) делали неправильную предпосылку к завязыванию отношений. Они как бы заранее предполагали, что горцы – это люди, которые многого не поймут. Что горцам недоступны какие-то такие чувства и мысли, которые доступны им, людям высокой культуры. Люди высокой культуры изо всех сил старались упростить свою речь, старались казаться «простыми», «рубахами-парнями», «душами нараспашку». Где надо и не надо они посмеивались, подмигивали глазом, похлопывали по плечу. Случалось, что в несомненно искреннем желании приблизить к себе, так сказать «осчастливить», они похлопывали по плечу какого-нибудь Хаджи, несколько раз побывавшего в Мекке и, наверное, видевшего на своем веку во много раз больше, чем господа адвокаты из Тамбова.

В таких случаях и Хаджи, делая над собою усилие, не желая быть нелюбезным, также мило улыбался и приветливо кивал головой. Но спрашивается, что он мог думать об этих людях, которым недоступно чувство человеческого достоинства, скрытого под черкеской горца?!

Словом, гости обращались с хозяевами так, как неопытные и нечуткие взрослые обращаются с детьми. Обычно дети отлично сознают, что подлаживающиеся к ним «дяди» и «тети» вовсе не так уж очарованы ими и вовсе не так уж стремятся понять их интересы и сблизиться с ними. Вот почему картина такого рода «сближения» печальна, фальшива и смешна.

Люди, не принадлежащие к кавказским народностям, но действительно полюбившие Кавказ, действительно искренно

относящиеся к кавказцам, пользуются в горах популярностью и любовью. К таким людям принадлежал и председатель, немолодой уже администратор, старожил здешних мест. Он никогда не позволял себе и намека на то, что называется «амикошонство». Он даже не очень благоволил к некоторым аулам, напоминая им старые грешки по части конокрадства или уклонения от повинностей. И тем не менее кто не знал и кто не уважал в горах этого человека, которого называли «Чарчун» (так произносили его фамилию). Кто бы отказался принять его в свой дом? Кто ответил бы «нет» на его просьбу оказать содействие?..

Ужином распоряжались Далгат, сын Тенгиза, старшина Безенгиевского аула, и хуламский старшина, имя которого утрачено моею памятью. Далгат был несколькими годами старше, и потому первое слово принадлежало ему. Он наклонился к уху председателя и шепотом спросил его, будут ли русские гости удовлетворены готовящимся ужином. Председатель громко спросил:

– Господа, старшина беспокоится, достаточно ли с нас будет баранины и бузы? Что еще у тебя есть, Далгат?

– Еще есть пиво и арака, – смущенно ответил Далгат.

– Достаточно, достаточно, – дружно отозвались гости.

Но господин юрисконсульт, тот самый, которому кричала жена «не уезжай, не уезжай», поправив пенсне и потирая руки, сказал:

– Эх-эх-эх! Коньячку бы сейчас! Вот бы здорово!

Председатель слегка нахмурился, потом, решив загладить выступление юрисконсульта шуткой, засмеялся:

– Ну, нет, знаете ли, насчет коньячку тут слабо. Придется подождать до Нальчика!

Все засмеялись. Но не засмеялся Далгат. Правило «гостю и старшим почет», причем – всякому гостю, действует днем и ночью, в горах и в долине. Он вспомнил о запасе коньяку и вин, имевшемся дома. Далгат отозвал Маштая, и через минуту громадная тень карабкалась по дороге, уходящей вверх, к перевалу. Слышно было, как шуршат по каменистой дороге копыта и как покрикивает Маштай, чтобы придать бодрости се-

бе и коню. До селения Безенги было сравнительно недалеко, не более двенадцати верст по ближайшей крутой дороге.

Между тем небо погасло – там, в вышине, торжественная ночь распростерла свои темные крылья. Ярче пламенел костер, чернее густели тени. Старый Биберд, которому поручено было произвести разверстку барана, пригласил всех к столу. Пригласить к столу – значило предложить приблизиться к костру и занять места полукругом. Перед председателем и гостями появились деревянные тарелки. Остальные получали свою долю мяса на громадном куске хлеба. Тотчас же, вслед за мясом, появились напитки: арака, буза и пиво. Араку пили маленькими стаканчиками, а буза и пиво шли вкруговую – объемистый ченак без усталости переходил из рук в руки.

Те, кому на следующее утро предстояла работа, т. е. состав суда, старшины, свидетели и канцеляристы, уже давно улеглись спать. А те, кто сопровождал деловых людей в качестве гостей или любопытствующих, продолжали сидение вокруг костра. По одну сторону костра сидели горцы, по другую – русские гости. Горцы иногда пели, иногда теснее собирались к Биберду, бывшему в эту ночь в настроении рассказывать. Русские или перекидывались незначущими словами, или прислушивались к беседе горцев.

– То, что суждено человеку, – говорил Биберд, – то и случится. Если человеку суждено быть богатым и славным, то так и будет. Если суждено быть всеми презираемым – то так тоже будет. Никакие силы не могут помешать исполниться тому, что предназначено... Вот я вспоминаю Бидоковых. Это те Бидоковы, что пришли из-за перевала, из Грузии... Всем известны их богатства и почет, который они имеют среди туземцев и русских. Все думают, что достаточно называться Бидоковым – и ты уже будешь иметь все, что пожелаешь. Нет, это неправда. Один из этого рода был бедняком... Это тот, который ушел к Шамилю... Ну, хорошо, я расскажу это дело по порядку...

Биберд еще и еще один раз глотнул махсыму, потом старательно вытер рукавом черкески и ладонью то место чаши, куда прикасались его губы, и передал чашу дальше...

...Когда Шамиль поднимал газават¹, то к этому времени кабардинцы уже согласились с русскими не воевать. Поэтому они ответили отказом прибывшим от Шамиля гонцам. Шамиль, узнав об отказе, обещал кабардинцам проклятие Пророка и свою грозную месть.

Однако среди кабардинцев были верные поклонники Шамиля. Первым между ними был молодой Бидоков, тот самый, что на всем скаку хватал барана за рога, подкидывал его и одним махом перерубал пополам. Молодой звал с собою всех мужчин своей семьи, он собрал сход и на сходе убеждал сельчан идти с ним на помощь Шамилю. Но никто не мог нарушить слово, данное кабардинскими старейшинами русскому царю. Тогда Бидоков отказался от родных и имущества и с несколькими друзьями детства ушел к Шамилю, в Дагестан. С этого начались его несчастья.

В Дагестане его приняли с большим почетом, но в скором времени потребовали от него доказательств верности и преданности. Бидокову дали отряд и послали в Кабарду. Он должен был или поднять там знамя Шамиля, или уничтожить все неверное племя. Поход этот не удался. В Кабарде никто не захотел идти с Шамилем против русских. Таким-то образом наш молодой Бидоков потерял уважение своего народа, потерял родных и имущество и не приобрел ни доверия, ни славы.

А когда Шамиль был разбит и сдался в плен, Бидоков оказался в положении волка, у которого отнялись ноги и выпали зубы. Он остался один, как камень на дороге. Он продал оружие и коня, чтобы заплатить добрым людям, которые кормили его. Он скрывал свое имя, чтобы не вызывать беспокойства у тех, кто давал ему приют на ночь. А что может быть позорнее и нечестивее – скрывать имя того, кто родил тебя?.. Вместе с другими он направился в Турцию просить единоверцев о помощи. И что же? Это был человек, которому суждено было счастье! И счастье нашло его вдали от родины, друзей и бывалой известности...

Однажды он шел мимо продавца оружия. Случилось так,

¹ Г а з а в а т – священная война против неверных.

что визирь султана как раз в этот момент проезжал мимо. Визирь спросил старика-продавца, нет ли у него новинок? Продавец, глубокий старик, с трудом поднялся, чтобы пройти расстояние между прилавком и серединой улицы, где стоял экипаж любимца падишаха. Вот тут-то наш Бидоков, как благоспитанный человек, предложил помочь старику. С клинком в руке он приблизился к ожидающему визирю.

Визирь долго разглядывал рисунки на клинке и потом сказал:

– Превосходная дамасская сталь!..

– Да позволено будет последнему из твоих слуг, – ответил Бидоков, – называть этот клинок гемузским...

Подошедший торговец услышал последнее слово и подтвердил:

– Да, да, это работа Искандера из Гемуи...

Визирь купил клинок и поручил Бидокову принести его в дом. Так он хотел испытать честность понравившегося ему человека. Правда, за Бидоковым следили четыре глаза, но ведь он этого не знал! Вот так-то началась его удача. А через год он уже был своим человеком во дворце султана, а еще через несколько лет он командовал всеми черкесскими полками, которые считались самыми преданными султану... До нас доходили слухи, – немного помолчав, добавил Биберд, – что будто бы этот Бидоков держал в своих руках жизнь каждого, кто сидел на троне Турецкой империи... Ведь правда, первый человек в государстве не тот, кто распоряжается деньгами и войском, и не тот, кто держит в руке печать и ключ, – а первый человек тот, кто с мечом в руках охраняет и печать, и ключ. Вот таким человеком был Бидоков...

Многим присутствовавшим эта история была уже известна, и многие могли бы сделать поправки к тому, что рассказывал Биберд. Но все слушали с тем тихим и единодушным вниманием, которое устанавливается среди спокойных людей, никуда не спешащих. Молодежь вставала, приносила хворост и сухие ветки, поддерживала огонь. Старики потягивали махсуму, курили, грели морщинистые руки. Биберд свернул и, хмурия брови так, будто делал необыкновенно важное дело, закурил.

– Оу, Биберд, – сказал кто-то, – а помнишь историю Ибрагима, у которого увели шелоха¹, а?

Биберд, не поворачивая головы, потому что по голосу знал, что это говорит младший, утвердительно кивнул головой:

– Эту историю я хочу рассказать тем, кто ее не знает... Но может быть, ты, мальчик, лучше меня расскажешь ее?

Смущенный мальчик уверял, что только слышал об этой истории, но в чем она состоит, не знает. Биберд не хотел стыдиться не вовремя вылезшего молодого горца и приступил к рассказу...

– Это было, когда река Кубань называлась Псыж, что значит Старая вода, и когда Пятигорск назывался Псыхуаба, что значит Горячая вода. В те времена по реке Баксан жили два брата, Ибрагим – старший и Тау-Султан – младший. Оба они были отличными стрелками и наездниками, отец умер, оставив им богатство, так что всем надо было бы завидовать, глядя на братьев. Но когда судьбе угодно показать человеку, что она – все, а человек – ничто, тогда ни слава, ни богатство не имеют ровно никакого значения. Однажды старший брат, Ибрагим, отправился на пастбище посмотреть на табун. Старший табунщик с горделивой радостью показал ему недавно родившегося жеребенка, настоящего шелоха.

– Это будет не конь, а ветер, – сказал опытный старик. – Кто из вас двоих возьмет жеребенка?..

Ибрагим передернул плечами и в свою очередь спросил старого табунщика:

– Разве тебе неизвестно, что всем распоряжается старший?..

Конечно, это не был ответ на вопрос, но дело в том, что Ибрагим не договорился с братом, как делить приплод в табуне и стаде... Долго ездил он по дорогам, прежде чем вернуться домой и сообщить Тау-Султану о жеребенке. Наконец, поздно вечером он въехал во двор. Тау-Султан не позволил слуге помогать старшему брату, сам встретил его и отвел взмыленного коня в конюшню. А тем временем Ибрагим ко-

¹ Ш е л о х – это лучшая порода кабардинских коней.

лебался: просто ли приказать брату отказаться от жеребенка в свою пользу или устроить какую-нибудь хитрость. Он ничего не решил и ничего не сказал брату. На следующий день он опять колебался и опять смолчал. И так приблизил к себе Ибрагим духа зла и зависти...

Не прошло и несколько дней, как оба брата были приглашены к соседям на свадьбу – недалеко жили соседи, ближе, чем отсюда до того дуба. – Биберд показал на старый дуб, под которым стоял стол, приготовленный назавтра. – Однако ни один порядочный кабардинец не позволит себе пройти такое расстояние пешком. Братья приказали слугам седлать лучших коней и отправились в гости. Во время танцев, когда молодые девушки показывают свою красоту, а молодые джигиты удаль, Ибрагим подошел к Тау-Султану, обнял его плечи и спросил:

– Эй, Султан-цуг (что значит – эй, маленький Султан!), почему не танцуешь?

– Я не смею выходить в круг, пока мой старший брат не покажет примера, – отвечал Тау-Султан.

– Ну, хорошо, – засмеялся Ибрагим, – ради тебя я станцую один раз, но больше уже не буду танцевать... – И он выскочил коршуном в круг и пригласил девушку.

После Ибрагима вышел и Тау-Султан. Но он вышел медленно, так вышел, как выходит барс, когда уже видит перед собою добычу. Тау-Султан не смотрел ни направо, ни налево. Он прямо направился к тому месту, где, словно звезда среди Млечного Пути, сияла красавица Фатима. Он протанцевал с нею раз и еще раз. И каждый, кто видел эту парочку, невольно вспоминал голубицу и сокола, и, улыбаясь, радовался этому воспоминанию.

В перерыве между танцами Ибрагим подошел к Тау-Султану и спросил его:

– Не видел ли ты кадия, Хаджи-Омара?

– Да, – ответил Тау-Султан, – я видел Хаджи-Омара в большой комнате, где сидят старики и почетные гости. Прикажешь ли ему что-либо передать?

– Пройди к кадию Хаджи-Омару и скажи ему, что я буду

его просить поговорить с родными Фатимы об одном деле, — сказал Ибрагим и, выйдя в круг, пригласил Фатиму танцевать.

А Тау-Султан покорно пошел исполнять приказание брата.

На пути домой старший брат пел песню, а младший молчал. А дома, перед сном, Тау-Султан вошел в комнату Ибрагима и стал у дверей в ожидании, что старший брат начнет разговор. Но Ибрагим молча разделся и, закрывая глаза, пробормотал: «Спи мирно»... Всю ночь томился Тау-Султан, призывал Аллаха и просил его научить, как поступить. А утром с поклоном вошел к брату и спокойно, но твердо сообщил ему о своем решении выехать на долгое время к аталыкам (молочным братьям) в селение, стоявшее на самой границе Кабарды. Ибрагим не возражал против отъезда. И так Тау-Султан уехал, а Ибрагим завладел всем имуществом, оставшимся от отца. Он тотчас же приказал привести маленького шелоха во двор. Собрал старших родственников и Хаджи-Омара и советовался с ними о женитьбе на Фатиме. Одним словом, он думал, что целый свет зажат у него в правой руке. Но судьба, но то, что мы называем «ажаль», — уже смеялась над ним...

Биберд, словно нехотя, принял переданную ему чашу, не передыхая, выпил из нее добрую половину и продолжал:

— Родители Фатимы узнали о шелохе, и первым условием накяха¹ поставили передачу им этого жеребенка. Долго не соглашался Ибрагим, но под конец согласился. Уж очень ему понравилась черноокая Фатима. Однако ему так жалко было расставаться с жеребенком, что он попросил родственников Фатимы прийти к нему во двор и самим взять его из конюшни. «Мои глаза не выдержат этой картины, — сказал Ибрагим, — но мужчина не может плакать...» Ну, вот, хорошо. На следующее утро Ибрагим уехал в горы, а родственники Фатимы пришли к нему во двор, заранее радуясь мысли приобрести настоящего шелоха. Они имели ключ от заветной конюшни. Каково же было их негодование, когда, войдя в конюшню, они нашли там паршивого ишака, вымазанного в на-

¹ Н а к я х — брачный договор.

возе! Такое оскорбление нельзя оставлять без отмщения. Не выходя со двора, они сорвали самую ценную и почитаемую вещь в доме — цепь над камином — и выбросили ее на дорогу. А дом и конюшню обложили соломой и подожгли.

Вернувшийся к обеду Ибрагим не нашел ни обеда, ни дома. Его слуга, закрывая лицо руками, рассказал ему о происшедшем и от себя добавил, что в краже шелоха и подмене его ишаком подозревает Кушби, слугу Тау-Султана, бежавшего в эту ночь со двора. В эту минуту взгляд Ибрагима упал на цепь, лежащую на дороге. Он понял, что не только лишился невесты и коня, но и еще получил оскорбление, за которое платят кровью. Он вспомнил о брате Тау-Султане, которого так несправедливо обидел. Но брат находился далеко.

Крепко задумался Ибрагим, не знал он, к кому обратиться за советом и помощью. Не было у него друзей. Вот он повернул коня к дому Хаджи-Омара. Но почтенный Хаджи выслал ему навстречу слугу, которому приказал передать, что Хаджи-Омар не знает, о чем ему разговаривать с человеком, не умеющим отвечать на оскорбления, как это делают настоящие мужчины. В полном отчаянии Ибрагим бросил коня и пешком — вы понимаете, что значит пешком! — направился к дому уважаемого в ауле Гамида, столетнего старца. Но на его несчастье Гамид сидел на пне, вне ограды своего дома. Так что Ибрагим не имел предлога переступить порог гамидовского дома и тем самым стать его гостем. Гамид выслушал рассказ Ибрагима, пожевал губами и спросил:

— Где твой брат?

— Он уехал к аталыкам.

— Почему?

Ибрагим молчал.

Гамид покачал головой:

— Тот, — сказал он, — кто лишает себя братьев, не может рассчитывать на друзей. Иди.

С черным лицом отошел Ибрагим от Гамида. Не поднимая головы, вышел он за селение, и с той поры никто его не видел. А Тау-Султан, услышав о происшедшем, прислал одного

из аталыков распродать и раздать оставшееся имущество, сам же остался жить среди полюбивших его аталыков...

Биберд не успел еще закончить свой рассказ, как послышался топот: это возвращался Маштай. Он вернулся на свежем коне, но голодный. В переметных сумках лежали две бутылки коньяка. С радостной улыбкой он передал коньяк юрисконсульту.

Прибытие коньяка оживило группу гостей. Послышался смех, шутки. Юрисконсульт, который чувствовал себя до некоторой степени героем, так как коньячная инициатива исходила от него, взял на себя заведывание столом...

На Кавказе принято, чтобы за столом кто-либо управлял беседой, руководил гостями, порядком кушаний и напитков. Такое лицо называется «тамада» – хозяин. Ему надо беспрекословно подчиняться во всем, что касается сидения за столом. Он подозвал Маштая и, потрепав его по плечу и назвав молодцом, предложил ему выпить бокал. Маштай смущенно извинился и просил принять во внимание, что он не успел еще закусить и отдохнуть, что боится опьянеть. Но тамада был неумолим. Выпил Маштай предложенный бокал, а минут через десять свалился, едва успев насытиться.

Сквозь сон я слышал веселые голоса. Говорили о красоте природы, о красоте горских обычаев. Потом перешли на женщин и анекдоты. Я заснул, когда юрисконсульт передразнивал «жидов».

Откуда-то издали слышался плач, потом стоны. Это были шакалы, встревоженные присутствием людей. Вокруг жила и дышала природа, а люди спали, готовя силы к завтрашнему дню, к суду.

...Есть такая высокая и гордая радость – бывать на высоте, на которой живут орлы и клубятся туманы. И чем эта радость глубже, тем она молчаливее, как молчаливо всякое глубокое чувство... Утро следующего дня было подобно гигантской белой птице, с голубыми крыльями, несущей золотой цветок. В то время как суд и стороны взволнованно готовились к битве, я оседлал коня и отправился вверх по течению реки Кара-су, в

поисках одиночества и наслаждения природой. И действительно, я нашел, что искал, но пропустил главные моменты развертывания судебного разбирательства. А о нем стоит сказать... Поляна, из-за которой шло дело, представляла собою сенокос, разделенный рекою на две половины. Правая половина участка принадлежала Безенгиевскому обществу. Левая, меньшая половина, находилась в пользовании того же общества, а хуламцы на это возражали.

Хуламцы говорили, что до поры до времени они не возражали против самовольного пользования безенгиевцев, так как их половина была слишком мала и бедна травой. Но вот за последние годы река переменяла русло – их участок увеличился, и трава на нем появилась первосортная. Теперь они требуют свое добро себе. Свидетели безенгиевской стороны утверждали, что левая сторона участка «никогда никому не принадлежала». Что там ранней весной появлялось немного травы, воза на два, и испокон веков здесь косили только безенгиевцы. Хуламцы же привели свидетелей, которые помнили еще то время, когда устанавливалась межа между владениями обоих обществ, и заявлявших, что межа эта проходила как раз по реке Кара-су. И таким образом, левая сторона реки несомненно принадлежит Хуламу.

В ответ на это возражение безенгиевцы привели своих стариков, готовых под присягой показать, где проходила установленная в те времена граница. Признаками границы служили кучи камней, заметки на деревьях и скалах. Когда дело дошло до показаний, обнаружилось, что каждый из стариков (причем стариков обеих сторон) помнит свои приметы. И так получилось, что границ столько, сколько стариков. Несомненно, все они заблуждались добросовестно.

Дело в том, что в этих местах горы испещрены всякого рода знаками, смысл которых затерян в веках. Так что смысл судебного разбирательства сводился не столько к тому, чтобы восстановить права, сколько определить их на будущее время. И определить по возможности справедливо. Ввиду того, что поляна отстояла от Хулама гораздо дальше, чем от Безенги,

председатель суда предложил сторонам считать, что хотя участок принадлежит Хуламу, он находится в вечной аренде у безенгиевцев за известное вознаграждение. Хуламцы соглашались на это, но требовали уплаты арендных денег за много лет, истекших с того дня, как был сделан первый покос. По их подсчетам получалась солидная сумма.

Сумма эта была столь солидной, что председатель поддержал безенгиевцев, когда они отказались от такого решения дела. Потом обсуждалось предложение безенгиевцев, сводящееся к покупке спорного участка в долготлетнюю рассрочку. На это не соглашались хуламцы. Одним словом, предложения сменялись одни другими, а дело не двигалось. Уже солнце перевалило далеко за полдень, уже не один раз опустевшие желудки напоминали о себе, а стороны все еще не пришли ни к чему.

Тогда председатель объявил перерыв и, отведя в сторону членов суда, посоветовался с ними. Потом все присутствующие были собраны к столу под дубом и им было объявлено следующее постановление: спорный участок признается собственностью Хуламского общества; Безенгиевское общество обязывается уплатить стоимость скошенного сена, считая с того времени, как было начато дело, т.е. за несколько лет, судебные издержки раскладываются на оба общества поровну.

В случае если Хуламское общество не согласится с этим решением, то оно обязывается уплатить половину судебных издержек, а участок отчисляется в общий земельный фонд Балкарии. Если же возражения будут со стороны безенгиевцев, то, помимо половины судебных издержек, они будут присуждены уплатить за покос за десять лет... Объявив приговор, председатель сказал, что ответ обществ ожидает к вечеру. Однако не успели судьи перейти после обеда в тень, где были разостланы бурки и готовился русский чай, как к председателю подошли оба старшины и заявили, что они согласны с решением суда. Это заявление лишний раз подтвердило старую истину, что на Востоке любят справедливость... Особенно же справедливость, подкрепленную ощутительной угрозой.

В юстях у Дадаша

Пусть душа моя будет подобна облаку, застывшему серебряной мечтой на фоне пламенеющего пурпура вечернего неба, когда я буду писать о них... Нет! Пусть душа моя обратится в камень, упавший с неба, и чудом – вновь вознесется к небу. Нет, нет... Пусть душа моя, рассеченная солнечным лучом, преобразится в ангела дня и ангела ночи. И пусть ангел дня поет мне мелодию, которую сложили бесчисленные херувимы, толпящиеся у Престола Владыки Вселенной. А ангел ночи пусть поведаст мне таинственные саги, полные тьмы и черных таинств, которые нашептывает Великий Соблазнитель – сатана.

Иначе я не в силах изобразить великолепие одного цветника, где цветут не цветы, но звезды. Иначе я не найду слов, чтобы хотя в отдаленной степени дать понять о красоте горских девушек, о красоте, которая возносит в заоблачные края...

...Джан, Джансурат, Алтын-Чач, Даут-Хан, Фатимат и Сафиат – так звучат их имена. Душа, Душа Горы, Золотые Волосы, Серебряная Дева, Прекрасная и Мудрая – таково значение этих имен*. Джан похожа на капельки росы, осевшие на конец бледно-розовой хризантемы. Джансурат – высокая, как тополь, она родная сестра лилии. А Алтын-Чач... Алтын-Чач великолепна, как солнце. Ее лицо сияет в темноте. Ее волосы – как золотые крылья. Рядом с ней Даут-Хан напоминает луну...

Но ради Всевышнего Бога, поведите меня к человеку, который окончательно решил, что солнце прекраснее луны!.. Даут-Хан легка и грациозна. Когда она танцует, она серебряный дождь, струящийся сквозь паутину золотых ветвей. Ко-

* Речь идет о дочерях балкарского таубия Ислама (Дадаша) Балкарокова, родом из Чегемского ущелья, имевшего в Нальчике два собственных дома (один из них – так называемый «дом с цепями», что расположен напротив поликлиники № 1).

гда она выносит гостям на старинном подносе чаши, наполненные прозрачной бузой, кажется, будто белая ласточка неслышно несется над ковром. Гордый отец улыбнется, бывало, а пораженные гости глядят в смятении друг на друга и словно спрашивают один другого: на земле ли мы еще или уже вознеслись на небо?.. Фатимат красива, но не поражает своей красотой. Но если существуют на свете руки, более породистые, тонкие, более утонченные в изящности очертаний и более достойные почитаться царицами рук, – то вот, я ставлю мою жизнь против фальшивого медяка, прокушенного цыганом!.. И наконец, последняя из сестер – маленькая Сафиат. Она выглядела бутонем гвоздики, таким же нежным и обещающим.

Она находилась в той поре, когда благоухание младенчества только-только начинает сочетаться с ароматом юности. Каждый, кому доводилось всмотреться в сияющие чистотой и разумностью глаза Сафиат, уходил с душой просветленной, спокойной и убежденной, что земля отражает небо.

Согласно преданию, сотни и сотни лет назад их отдаленный предок таубий Келемет был на охоте. Вторые сутки он гнал перед собою громадного тура, быть может, того заколдованного тура, который приводит охотника зачарованной тропой к невидимой пропасти и увлекает в нее. Бросив ослабевшего слугу, Келемет поклялся, что один из них – или он, или тур – в этой гонке найдут конец. Уже давно из колен Келемета сочилась кровь. Он потерял папаху. Поскользнувшись, он содрал кожу с плеча. Теперь он свободно владел лишь правой рукой. Измученный, полный отчаянной решимости, но смертельно усталый, он оставил за собой границы родной земли, пересек землю аланов и уже приближался к ущелью, ведущему к той стороне хребта, – к Грузии.

Здесь, в виду Казбека, он снова приблизился к туру на расстояние выстрела. Тур оглянулся и будто поглядел на него. Келемет вскинул ружье, прицелился и уже готов был спустить курок, но в этот момент услышал плач. Плач человека. Пораженный, он двинулся навстречу голосу. В углублении между скалами лежал воин, вооружение которого обнаружи-

вало в нем крестonosца, а над ним склонилась девушка, скрывавшая плачущее лицо на груди воина. Тогда понял Келемет, что увлекший его тур был посланец судьбы, и забыл о туре. Он помог плачущей девушке похоронить отца, знаками и восклицаниями дал ей понять, что она может рассчитывать на его покровительство. Через несколько лет девушка эта назвалась женой Келемета, и от нее пошло потомство красавиц с сияющими глазами и волнистыми волосами цвета меди, золота и звездных лучей.

Все женщины из этого рода жили в горах. То, что называется наукой или образованием, им было незнакомо. Они не умели писать. Но их руки обладали совершенным знанием кройки, шитья, вышивания, приготовления теста, еды, напитков и сладостей. Каждая из них должна была бы считаться мастерицей в любой из перечисленных здесь областей. Сверх того, горская женщина является воспитательницей детей: своих и чужих. Чужие дети попадают под ее начало благодаря обычаю аталычества, т. е. установлению, наряду с родством по крови, еще родства по материнскому молоку. Это происходит так: одна семья передает другой семье совсем маленького грудного ребенка, через несколько лет получает обратно того же ребенка, но уже с начатками воспитания, лет семи – иногда меньше, иногда больше. Обычай этот держится с тех времен, когда родство считалось исключительно по материнской линии (эпоха матриархата)...

Чему же учит горская женщина? Или можно еще свысока полупрезрительно спросить: «Чему может научить эта темная неразвитая женщина, не имеющая понятия о театре, университете и культуре?»

Горская женщина прежде всего учит верности религии отцов и верности обычаям. При этом, не обладая философической подготовкой, она и не пытается, конечно, внушать ребенку отвлеченные принципы. Нет, для нее все сводится к тому, чтобы научить ребенка всегда и всюду сознавать свою принадлежность к некоторому целому – к семье, роду. «Если ты дашь слово (говорит учительница-мать, вообще женщина) и если не сдержишь его, то прогневаешь Аллаха и оскорбишь

своего отца, деда и всех близких. Глядя на тебя, все будут думать, что и твои родные способны изменять данному слову. Никто не будет им верить. И так один неверный твой шаг повлечет срам для всей фамилии...»

Так что самое первое, что внушается ребенку, — это верность, честность или правдивость — можно назвать как угодно... И дальше говорит мать: «Почитай старших. От рождения до юности ты целиком лежишь на плечах старших. Десять, и двенадцать, и пятнадцать, и больше лет они хлопчут о твоей пище, кровле и одежде. Потом они находят для тебя коня, они дарят тебе оружие. С их помощью ты делаешься мужем, и хозяином, и отцом. Уважай старших, потому что они родили тебя или подобных тебе. Если Аллах даст тебе долгую жизнь, ты увидишь в конце ее, что юноша нуждается в заботе, зрелый муж в любви, а старость в почтении. Если ты забудешь оказать почтение старости, ты лишишься ее забот, тебя никто не полюбит, а если ты доживешь до седин, никто не поднимется при твоём приближении. Все скажут: вот идет человек, который переходил дорогу старикам, плюньте в его сторону...

И еще скажут: не берите от него ничего, не берите от него хлеб-соль, не берите в жены его дочерей, не дружите с его сыновьями, ибо тот, кто не умел быть воспитанным, не сумеет воспитать своих детей...»

Потом идет речь о мужественности и сдержанности. Припоминая дела старины, женщина наглядно, на примерах из жизни семьи, рода, показывает ребенку, что мужчина должен быть мужественным, а женщина женственной; и что оба они, и мужчина, и женщина, должны быть сдержанными, умеренными, скромными во всем и всегда...

«Один юноша (расскажет, например, воспитательница) постоянно говорил о своем желании поскорее встретиться с опасностью. Он говорил, что его сердце заранее пляшет лезгинку, когда он думает о предстоящих подвигах. Не нашлось около этого юноши порядочного человека, который объяснил бы ему негодность такого хвастовства. И вот была буря. Эльбрус повернул лицо, искаженное гневом. Высокая нависшая

над аулом скала, давно грозившая падением, сорвалась и с ужасным ревом ринулась вниз, в горный поток, который подходил в этот момент на бешеного коня. Вслед за обвалившейся скалой падали камни, целые струи камней. А запруженная река вздымала волны, и наиболее яростные волны уже подмывали ближайшие сакли. Тогда все мужчины разделились на два отряда.

Одни пошли вверх, чтобы устроить каменную запруду и удержать обвал. Другие пошли вниз, к реке, чтобы расчистить путь ее безумной скачке... Всю ночь работали наши сыновья и мужья. И утром аул был спасен. Радостные, собрались все около мечети, где горел огонь и наши старухи раздавали поджаренный хлеб и подогретую араку с медом. Один спрашивал другого: «Ты был на реке или там, наверху, у скалы?». И каждый, кого спрашивали, был или там, или здесь. Но когда спросили нашего молодого храбреца, он замялся, щеки его покрылись стыдом, он потерял глаза в земле... «Что же ты молчишь? Почему не расскажешь о своей борьбе с рекой и обвалом», — спрашивали его. А он молчал, потому что ему не о чем было сказать, и потому, что он свое уже давно сказал...»

И еще одному должна научить мать — это щедрости... «Тот, кто дает, — скажет она, — и тому охотно дают. Тот, кто помогает, достоин помощи. Когда путник постучит в твою дверь, открой ее. Когда-нибудь и ты будешь в пути, и тебе понадобится гостеприимная кровля. Когда у твоих родных или соседей кто-нибудь родился, или умер, или обвенчался, — пойди к ним не с пустыми руками. И спроси их: не нуждаются ли они еще в чем-нибудь? Помни, придет час, и ты оглянешься кругом, и скажешь: Оу, Аллах! Благослови одного из слуг твоих подойти ко мне и спросить о моем горе...»

«Жизнь человека состоит из рождения, женитьбы и смерти. Еще в жизни человека есть радость и печаль. И во всех этих случаях ты будешь нуждаться в содействии и сочувствии людей, поэтому научись подходить к людям во всех этих случаях...»

Однажды отец тех девушек, о которых я писал, устроил пир в честь прибывшего гостя — знаменитого на весь Северный

Кавказ хлебосола – Жанхота. Это был тот самый Жанхот, который считал каждого, кто был, хотя бы случайно, проездом, в его селении и к нему не зашел – своим личным врагом на всю жизнь. Дом Жанхота состоял из двух половин: одна для людей, другая для скота и птицы. Причем вторая половина была обширнее первой. Каждый вечер, отходя ко сну, Жанхот оглядывался на проведенный день. В случае, если в этот день он имел за столом гостя или сам был гостем за чужим столом, он вздыхал облегченно. Но если случалось, что вследствие дурной погоды или разлива рек никто из соседей не мог приехать к нему и он сам не решался выехать за околицу аула, Жанхот погружался в мрачайшее настроение духа, он находил в эти редкие дни, что мир не стоит того, чтобы в нем жить...

Самым радостным временем дня было утро. Бодрый, смеющийся с веселящим голодом в желудке, он выходил во двор. Сотни и сотни кур, уток, индеек, гусей, десятки баранов, овец, козлы, козлята, телки, телята, старая, ослепшая на один глаз кобыла, воинственный молодец-петух (любимец Жанхота) – все это с криком, бляением, мычанием устремлялось к Жанхоту. Он не успевал бросать зерна, гладить тянущиеся к нему головы скота, разговаривать с ними и отбиваться от их назойливых ласк. Ему чудилось, что вся эта масса взывала к нему и требовала, чтобы именно сегодня он приказал отправить ее на убой. В бляении теленка Жанхоту слышалась умолительная просьба: «Жанхотик, меня зарежь... Жанхотик, скушай меня сегодня...». А когда к нему подходил баран и, вытягивая шею, терся у его ног, Жанхоту казалось, что баран нарочно вытягивает шею, чтобы получить удар ножа.

Не менее знаменитый, чем его владелец, жанхотовский нож висел всегда на определенном месте в передней. Каждое утро он употреблялся в дело, каждый вечер его точили, приготавливая на утро. Сколько сотен (или тысяч?) голов было снято этим ножом? Много, много. Но, наверное, все-таки жанхотовский нож по количеству жертв уступал парижской гильотине.

...К Жанхоту подходил его управляющий, такой же упитанный старик, как и хозяин, и они вместе озабоченно обсуждали сегодняшнее меню. Тут же, не сходя с места, они опре-

деляли, кому из пернатого и животного царства надлежит пасть очередной жертвой человеческой утробы...

Но тот, кто видел Жанхота в домашней обстановке, знал лишь половину Жанхота. Вполне и целиком он раскрывался в пути и в гостях. Поездка в города В. или П. составляла событие в жизни Жанхота, хотя они и отстояли от его селения не более как на 100–120 верст. Ранним утром, едва успев попрощаться с обитателями курятников и овчарен, Жанхот выезжал на станцию, которая находилась в двадцати минутах езды. Дело было не в том, что он боялся опоздать на поезд. Поездов много. Но предстояло решить: куда, собственно говоря, ехать? В П. или В.? Жанхот спешил на вокзал, чтобы повидать проезжих и оттуда, и отсюда, и узнать от них городские новости, относящиеся к обоим городам. Его интересовали новости вполне определенного характера: кто женится, не предполагается ли пир по случаю рождения или смерти, не устраивает ли кто-либо встречу какому-нибудь знаменитому гостю?.. Все это надо было выяснить, взвесить, поразмыслить и решить: куда направлять стопы? Порою случалось, что, уже имея билет в кармане до города В., он покупал новый билет, до П., потому что в поезде, идущем из В. в П., находились люди, спешившие в П. на грандиозное пиршество, которое, конечно же, без Жанхота обойтись не могло... Жанхот никогда не выезжал из дому с «пустыми руками». При нем обыкновенно бывала корзина, заключающая в себе вареную курицу или индейку, пирожки с мясом и творогом – осетинский «фиджик», бутылку знаменитой эльхотовской араки, закрытую кочаном кукурузы, сыр двух или трех сортов и несколько рюмок. Эти запасы имелись на всякий случай, т. е. на случай встречи со знакомыми в вагоне...

Но вот Жанхот прибывал в П. или В. – безразлично. Тут его одолевали новые заботы. В городе не было птичьего двора – это правда. Но зато здесь жили люди, понятия не имеющие о том, что такое настоящий обед или ужин. А разве мыслимо, чтобы Жанхот – Жанхот! – сел за стол, на котором вместо обеда положена насмешка над человеком? Полный тревоги, он выходил на главную улицу и прогуливался по ней,

всматриваясь в физиономии встречаемых так, как всматривается старый рыбак в дрожащий от подергиваний рыбы поплавок. Увидев знакомого, он не говорил ему: «Здравствуй, как живешь» или «Ну, как здоровье, как дела»... – он прямо приступал к делу.

– А! Искандер! – кричал он во весь голос. – Что у тебя на обед?

Ошеломленный Искандер морщил лоб, стараясь припомнить, что такое может быть сегодня у него на обед. Упаси бог, если спрашиваемый уклонялся от ответа! Жанхот такие вещи не извинял. Видя искреннее желание человека вспомнить, чем именно будет он сегодня питаться, Жанхот начал помогать:

– Может быть, у тебя сегодня шашлык?.. Нет, говоришь?.. Ну так, вероятно, хаурма?.. Что, тоже нет?.. Может быть, чахохбили?.. А нет ли у тебя рыбы?

И таким образом к полудню он имел общие данные и, как сам говорил, «мог сообразить обстановку». Конечно, если по счастливой случайности кто-либо из знакомых как раз в этот день устраивал званый обед – задача разрешалась просто. Но представьте себе положение Жанхота, когда он доподлинно узнавал, что у Искандера готовится форель, у Бек-Мурзы зарезали барана, Гамид получил махсыму, а Батыр-Бек только что вернулся из Кизляра и привез коньяк и икру! Тут, действительно, закружится голова...

Но не надо забывать, что истинный гений тот, кто умеет сочетать элементы и из сочетания элементов делать нечто целое и новое. Жанхот был гениален... С быстротой Наполеона он взвешивал все «за» и «против» того или иного плана действий, олицетворяя полководца, начальника генерального штаба и последнего из исполнителей боевой задачи – солдата. Он немедленно выяснял, в каком положении находится форель, успели ли поставить махсыму на лед, что делают с бараном... Без всяких колебаний он овладевал волей Искандера, Гамида, Бек-Мурзы, Мурзы и Батыр-Бека. Он избирал позицию, на которой будет дан решительный бой собранному со всех сторон неприятелю.

И вот, каждый из друзей мчался за своим продуктом, а Жанхот уже оккупировал какой-нибудь грузинский духан¹, где его встречали восторженно и шумно и где предполагалось сидеть день и ночь или два дня и две ночи – смотря по обстоятельствам разыгрываемой битвы.

...Вот такого-то человека чествовал Дадаш – отец описанных мною красавиц-горянок. Конечно, за много дней до приезда Жанхота в доме Дадаша шла оживленная подготовка к встрече уважаемого гостя. Прежде всего вымыли, вымели, вычистили – и будто заново сделали комнату, называемую кунацкой и специально отведенную для гостей. В приемной комнате, ее можно назвать гостиной, раздвинули большой стол, как-то по-иному перевесили старинные ковры, перетерли развешанное на них дедовское оружие. Сам Дадаш находился в горах, на охоте, надеясь принести молодого тура или хотя бы нескольких горных курочек.

Главное столпотворение происходило на половине женщин. Мало того, что надо было приготовить множество кушаний – мясных, молочных, сладких и всяких иных, дело шло о более серьезных вещах. Ведь язык Жанхота, как это признавали и друзья, и враги, был острее самого острого кинжала, когда-либо наточенного дагестанским оружейником. Жанхот из дурнушки мог сделать предмет поклонения молодежи всех окрестных аулов. Жанхот умел завивать слова в гирлянды роз и лилий, Жанхот умел воздвигать из слов утес, равный по высоте Бермамуту, и – возведя на него красавицу, такую красавицу, из-за которой плакали звезды, – свергать ее в пропасть отчаяния и мрака. О, Жанхот только казался добрым! А попробуйте ошибиться в танце – и он осмеет вас так, что даже столетняя Мариам-Ханум, не смеявшаяся с тех пор, как умерла ее дочь, жена Дадаша, и та закроет свой беззубый рот, скрывая улыбку...

Жанхот почти всемогущ. Его знают в Алагире, он свой человек в Назрановском ауле, он считается кунаком Балкарии, Хулама, Чегема, Хасаута и Гунделена. Его мнением дорожат

¹ Д у х а н – кабачок.

в Чир-Юрте; сославшись на знакомство с Жанхотом, можно безопасно объездить всю Большую и Малую Кабарду, Горную и Плоскостную Осетию и Надтеречную Чечню... Всюду вас встретят, как любимого брата, и возьмут с вас слово непременно повторить посещение... О, Жанхот – большой человек...

И вот он приехал. Единственный сын Дадаша, восьмилетний Келемет, названный так в честь отдаленного предка, поддержал стремя Жанхоту и отвел его коня в конюшню. Дадаш вышел навстречу, улыбаясь и делая приветственные знаки рукой. Обнявшись троекратно крест-накрест, но не целуясь, ибо непристойно мужчине целовать мужчину, они направились к открытым настежь дверям кунацкой. Дадаш усадил Жанхота, а сам стал у двери, как подобает почтительному хозяину, принимающему почтенного престарелого гостя. Правда, по настоянию Жанхота, он присел на минуту, но тотчас же вскочил, приглашая умыться с дороги. Во дворе, у крыльца кунацкой, уже ожидали приближенные Дадаша с кумганом прохладной, не холодной и не теплой воды, мылом и полотенцем, расшитым искусными руками дочерей. Пока Жанхот умывался, в гостиной заканчивались последние приготовления, и когда освеженный Жанхот передавал, не глядя кому, полотенце, в дверях показался Дадаш в сопровождении Келемета. Отец и сын пригласили гостя следовать к столу, причем, отец шел слева от гостя, а сын справа. В гостиной находилось несколько приглашенных Дадашем соседей, в большинстве стариков, поднявшихся при входе Жанхота. Раздались обоюдные приветствия, обе стороны поклонились друг другу, но этим и ограничились. Горцы знакомятся, не устраивая в гостиной игру в «кошки-мышки» и не наступая друг другу на «любимые» и «нелюбимые» мозоли.

Старший приближенный Дадаша указал каждому из присутствующих место, которое ему предстояло занять за столом, а сам Дадаш стал вместе с сыном у дверей, как бы показывая, что он и не смеет думать сидеть с гостями. Однако Жанхот, на правах старшего, приказал ему сесть около себя, по левую руку. По правую руку Жанхота сидел стар-

ший из приглашенных соседей. Все присутствующие хранили строгое молчание, потому что молчал старший – Жанхот. А Жанхот в это время, в ожидании, когда принесут первое блюдо и разольют араку по рюмкам, обдумывал свое первое слово.

Наконец, все было готово: дымящаяся баранина стояла на столе, перед каждым гостем поблескивала рюмка, наполненная до краев. Жанхот сидел некоторое время, опустив голову и зажмурив глаза, потом внезапно и резко поднялся, словно ощутив в себе внутренний толчок. Вслед за ним, в полном безмолвии и бесшумно, поднялись гости.

Жанхот сказал:

– Уважаемые старики, и ты, Дадаш, и вы, молодые люди. – Он кивнул в сторону молодежи, стоявшей у дверей и вдоль стен. – Высокая честь сказать первое слово выпала на долю того, кто стоит сейчас перед вами, отягченный волнением и думой. Присутствие Дадаша, в жилах которого струится кровь Келемета, присутствие достойнейших людей здешнего аула (да не истребится народ его вовеки!), присутствие молодежи, желающей послушать нас, стариков, – все это действует на меня так, как солнце действует на снеговые вершины: солнце воспламеняет их, а вы – вы воспламеняете меня... Вы ждете от меня какого-нибудь особого слова. Но я не посмею нарушить старый обычай. Я поднимаю этот бокал (да будет на нем благословение Аллаха!) в честь и память предков этого дома! Да сохранится род Келемета вовеки, да не нарушится поклонение предкам этого дома!..

Жанхот вылил несколько капель араки на пол – в память умерших членов семьи Дадаша – и потом опорожнил рюмку. Все остальные, ответив Жанхоту дружным «амин!»¹, поступили точно так же. Теперь можно было приняться за еду. У всех появились в руках длинные узкие ножи, которые служат и ножом и вилкой. Ножи эти прячутся в особые ножны, приделанные к тыльной стороне кинжала.

По прошествии времени, приличного для утоления первого голода, Жанхот обратился к соседу справа с просьбой сказать

¹ А м и н – истина.

слово. Сосед справа был самым старым из приглашенных. Он уже плохо видел и слышал. Его глаза, видевшие восемьдесят смертей и восемьдесят воскресений природы, были скрыты густыми нависшими бровями. Его руки, более полувека работавшие над землей и три четверти века державшие повод коня, теперь не могли удержать рюмку. Он было поднял рюмку, но тотчас опустил и, говоря, держал ее обеими руками, поставив на стол.

– Когда поет соловей, – сказал старец, – тогда умолкает всякая птица, потому что соловей поет хорошо. Ты, Жанхот, кажешься мне соловьем... А когда из груди орлиной вырывается крик гнева или радости, тогда и соловей умолкает... Но я не орел. Однако я посмею нарушить твоё пение, наш дорогой Жанхот, чтобы рассказать об орле... Послушайте, вы, мои братья, и ты, мой сын, – он простер руку в сторону Дадаша, – и вы, дети... Тот, кто говорит «Келемет», тот говорит «орел». Потому что это одно. Когда мне было столько лет, сколько маленькому Келемету, наши старики (вечная им память!.. «амин» раздалось со всех концов стола) говорили так: Белый Царь на Севере, Султан в Стамбуле, Келемет в горах... Я говорю об этом для того, чтобы вы знали. Пройдет время, и еще время, но пусть остается память о Келемете... Я сказал.

Между тем были поданы два блюда из курицы. Одно – курица под острым белым соусом, другое – белое куриное мясо, расщепленное на волоски и прожаренное в масле. Сидевшие за столом старики время от времени передавали молодежи куски хлеба, мясо, рюмки араки, и все это съедалось и выпивалось ею стоя. По предложению Жанхота, присутствующие произносили речи. Когда круг речей замкнулся, Жанхот снова налил рюмку и поднялся. Теперь лицо его улыбалось, и все видели, что официальная часть сидения кончилась и начинается дружеская беседа.

– Дорогой Дадаш! – начал он. – Наши отцы были в дружбе, и Аллаху было угодно продлить эту дружбу через тебя и меня. Когда ты прислал сказать, что хочешь видеть меня, я оставил свой дом и свои дела и прибыл к тебе. Я опять вижу

твою жизнь, опять сравниваю ее со своей жизнью, и опять за-
виду тебе (Да укрепит Аллах счастье этого дома!)... Ты
помнишь, когда мы закончили Горскую школу, ты вернулся в
горы, а я продолжал учиться, желая быть офицером. И так
случилось. В то время когда ты устраивал хозяйство, обзаво-
дился семьей, я брал призы на полковых и дивизионных скач-
ках и мечтал поехать на Запад, о котором рассказывают так
интересно и противоречиво. И вот я был в стране, где живет
Главный Поп, я был в городе, где царствуют женщины, я ви-
дел также тот народ, который считает себя самым высоким на
свете. И что же? Пока я был там, мне казалось, что у них есть
жизнь, и они имеют «напэ»¹. Но едва я вернулся и дыхание
Эльбруса тронуло мою грудь, я понял, что истинная жизнь не
там, а здесь, у подножия Казбека и других наших великанов,
на которых держится небо. Посмотри, ради Бога, вокруг себя
и пойми, что каждый твой вздох, каждый шаг приносит ра-
дость. Вот утром ты просыпаешься в своем доме... Да, прав-
да, твой дом не может равняться с домами Запада. Но это –
твой, твой дом. Здесь обитали предки, здесь ты закроешь
глаза (Да будет воля Аллаха!), здесь вырастает маленький
Келемет... А там – там люди живут, как солдаты, в одном
доме с тобой будут жить сотни людей и твоим соседом будет
тот, кого пошлет судьба... Но вот ты встал. Ты надел на го-
лову папаху, сшитую руками твоих родных из шкуры бара-
на, гулявшего в твоём стаде. Ты, конечно, не замечаешь
свойств папахы, о которых я говорю. Но если бы ты попал
на Запад и нуждался в головном уборе, если бы ты зашел в
лавку и увидел там тысячи и тысячи шляп, приготовленных
не для тебя, а для кого попало – кто купит, и увидел бы так-
же, что шляпа, которая будет покрывать твою голову и слу-
шать твои мысли, примеривалась десятками человек, то то-
гда ты вспомнил бы родную папаху и оценил бы ее. Но разве
только шляпа?!

О, мои друзья! Там, в городах, много богатств. Но мало
счастья. Там человек теряет имя, теряет то, чем гордится каж-
дый из нас: напэ. Напэ... Когда мы говорим «напэ», мы гово-

¹ На п э – лицо.

рим «лицо». Но какое лицо? Не то, которое образовано лбом, глазами и ртом. Мы говорим о другом лице.

Напэ – это вся жизнь человека, все дела его души, сердца и совести. Напэ – это то, благодаря чему твой отец и дед смотрели открытыми глазами в лицо Бога, солнца и людей. Напэ – это тот высокий завет, который ты передашь сыну. Напэ – это мы сами перед лицом жизни и смерти... Я не видел на Западе напэ. И если бы стал о нем говорить, мне засмеялись бы в лицо и сказали бы, что этот конь последним придет к цели. Но я бы ответил: ради Аллаха, не думайте, что ради ваших целей я подстегну своего коня нагайкой. Я бы сказал: мой конь мчится в ту страну, где есть вещи, которые нельзя ни купить, ни продать.

Я бы сказал еще: приобретите напэ, и я уступлю вам во всем и назову вас старшими братьями... Но, Дадаш, такой беседы я не имел и не мог иметь, ибо беседа эта показалась бы скучной людям Запада... А теперь, когда я вижу, что молодежь готовится к танцам, я поднимаю бокал за то, чтобы мы знали и не забывали никогда: здесь, между Эльбрусом и Казбеком, лежит пусть бедная, но счастливая страна. Отсюда, из страны Прометея, произошли все народы, и сюда они вернутся, и найдут здесь величайшее сокровище гор – напэ...

– Амин... амин... – подтвердили старики.

– Амин! – в один голос дружно крикнули молодые голоса.

Утомленный Жанхот медленно выпил свой бокал и, не сядя за стол, отошел к окну. Это означало, что можно отодвинуть стол к стене, переменить мясные блюда на сладости, пригласить музыкантов, танцоров и девушек.

...Для чего созданы глаза? Ученый скажет: глаза созданы для того, чтобы смотреть в микроскоп и книгу. Скупец скажет: глаза созданы, чтобы ими ласкать деньги и имущество. Мечтатель скажет, что глаза даны, чтобы видеть облака и звезды... И все это неправда! Глаза даны человеку, чтобы он видел, как танцует горская девушка. Тот, кто не видел сияющей бездны, на дне которой радостно улыбается солнце; тот, чье сердце не замирало в восторге, не поднималось выше са-

мой высокой вершины, не опускалось ниже корней чинара... Тот, кто не видел танцев в горах, – тот еще не начинал жить!.. Зачем, зачем нельзя сделать так, чтобы вершина Эльбруса была бы видна со всех концов земли? Зачем, зачем нельзя сделать так, чтобы вершина эта была подобна персидскому ковру, разостланному на полу дома Дадаша? Зачем нельзя перенести среднюю дочь Дадаша – Серебряную Деву – Даут-Хан – танцующую Даут-Хан – на вершину Эльбруса? Чтобы весь свет видел и любовался ее прелестной стыдливостью и красотой?..

Как описать танцующую Даут-Хан?

– Если сказать: Даут-Хан подобна белой лилии, колеблемой ветром, плывущей в лунных волнах, то это мало. Если еще сказать: в горах есть Церик-Гель, что значит Голубое Озеро, и воды Церик-Геля чисты и прозрачны, и бывают ночи, когда молодой месяц, окруженный созвездием, отражается в голубых водах; и вот между землею и небом промчится ветер, неся привет от царственного Эльбруса гордому Белому Витязю – Казбеку, и всколыхнутся голубые волны, и всколыхнутся месяц и звезды, и тогда колеблемый месяц будет подобен Даут-Хан, танцующей в хороводе подруг... Нет, и это не то... Я вижу перед собою ковер. Его шелковистая грудь хранит тайны Ирана – знойные тайны, выраженные не в словах, но в узорах. И чудесною силой ковер этот поднят и распластан над многоцветным лугом. Ликующее солнце, воспламенив золотым огнем белоснежные факелы гор, остановилось на миг – там, на высоте, в голубой пустыне. Лучи солнца оживляют ковер – и вот над ним затрепетало видение. Это не сон и не действительность. Это не греза и не существо из плоти. Это она – Даут-Хан, Серебряная Дева, танцующая Даут-Хан.

Одна за другой выходили пары, проносились по кругу, сменялись новыми. А Жанхот, задумчиво тянувший дым из длинного чубука, все глубже и глубже уходил в воспоминания, и сердце его радовалось, что он здесь, в горах, среди простых и величественных в своей простоте людей, знающих цену радости и веселья...

Хабыж-цуг

Сейчас, когда я беру перо и бумагу, чтобы занести в эту тетрадь воспоминания о Хабыже*, глаза мои увлажнены и горят... Хабыж, Хабыж! Как могу я приблизиться к тебе, как можешь ты – из царства теней – оказать мне поддержку в моем труде?.. Я делаю мысленное «дуа»¹ и с неулегшейся душевной тревогой приступаю к повествованию об этом человеке...

Он был самый широкоплечий и грузный во всей Большой и Малой Кабарде и в Пяти Горских Обществах. Иные считали, что он же самый суровый. А иные называли его, громоподобного Хабыжа, ласково и интимно – Хабыж-цуг, что значит

* Хабыж Абдурахманов в происходил из кабардинских дворян селения Кармово (ныне Каменноостское). С августа 1914 года начал службу всадником 1-й сотни Кабардинского конного полка. Уже весной пятнадцатого за мужество в боях произведен в прапорщики. Отличился в боевых действиях на Румынском фронте.

«...В 1920 году, вскоре после отступления Белой армии, уполномоченный Политбюро – Чрезвычайной Комиссии направил из Нальчика предписание начальнику Нагорной окружной милиции: «...Прошу арестовать и... переправить в политбюро из селения Кармово Абдурахманова, штабс-ротмистра». Но в то время Хабиж Абдурахманов уже находился далеко от родного селения.

В 1925 году из сельского исполкома селения Каменноостского в Нальчик ушел документ, на котором поставили гриф: «Секретно». Это был «Список скрывающихся и находящихся в бегах лиц селения Каменноостского Нагорного района». Среди указанных в нем тринадцати человек назван: «Абдурахманов Хабиж Хажибекирович, 40 лет. Дворянин, середняк. Скрывается с 1920 года, как бывший офицер старой армии и служивший поручиком в Белой армии. Находится в Болгарии». Семейное положение – «имеет жену, дочь и сына».

Поручик Хабиж Абдурахманов в составе отряда генерала Бековича-Черкасского добрался до Крыма, служил и сражался в составе армии Врангеля. Потом оказался в эмиграции в Константинополе (Стамбуле), в Турции, позже перебрался в Болгарию. Там, в конце двадцатых годов, и умер...» (Из кн.: *Опрышко О. Бывают странные сближения...* С. 117, 205).

¹ Д у а – поминовение мертвых.

маленький Хабыж. Так принято называть детей, и это правда – Хабыж, этот гигант, этот буйн, был ребенком. Грандиозным ребенком. Когда-то, ему не было еще тридцати лет, Хабыж вступил в спор со стихией. Раздраженный тем, что выписанный из города мастер все еще не прибывает, Хабыж вошел в помещение мельницы, где вертятся жернова.

Он приобрел недавно какие-то новые жернова, и вот – они не перемальывают зерен. И как назло, пятигорский мастер только обещает и не идет!.. Хабыж, с лицом нахмуренным и грозным, приблизился к жерновам. Да, приладить их не удалось. «Ну-ка, пусти!» – крикнул он мельнику. Мельник открыл регулятор, шумно упала струя. Жернова завертелись... и завертелись плохо. «Стой! Стой!» – замахал руками Хабыж, не отрывая взгляда от вращающегося камня. Но мельник не слышал... «Да остановишься ли ты, наконец, проклятый!» – заорал Хабыж и кинулся на жернов... Хабыж на ходу сдернул жернов со станка, в сердцах плюнул на него и ударил ногой. Но... половина среднего пальца правой руки осталась на мельнице.

Это была цена, уплаченная за спор со стихией воды. Преступный жернов, по приказанию Хабыжа, был брошен на землю, прямо перед входом во двор мельницы: каждый вступающий во двор попирал ногами виновника утраты пальца. Я видел этот жернов, глубоко вошедшим в землю...

Никто не умел так смеяться, как Хабыж, никому не удавался такой удар шашкой, как Хабыжу... Когда он сидел за столом и его красноватое круглое, как у Тамерлана, лицо улыбалось, – это сидел добряк и шутник. Но когда на высоченном Урагане, с налитыми кровью глазами, с лицом, перекошенным гневом, он мчался в атаку и приближался к удару – вид Хабыжа был непереносим и ужасен. В одном покоренном городе, в период гражданской войны, матери пугали детей Хабыжем... И верно: уж если так необходимо пугать, так лучше пугать Хабыжем... Начнем с коня. Кабардинский конь, при всех его качествах, не мог удовлетворить Хабыжа, так как для громадного всадника требовался громадный же конь.

И таким конем был гунтер, прозванный Ураганом, ибо от-

цом его был Ветер, а матерью Буря. Ураган дышал, как гора, воспетая в легендах о нартах – древних кавказских богатырях. Его ноги, способные, казалось, раздробить камень, были высоки и изящны. А грудь, подобная вулкану, будто грозила сбить и уничтожить все попавшееся на пути. Хищная шея и широкий могучий зад – такой зад, на котором можно было бы ковать железо – довершают изображение Урагана. Ни жена Хабыжа, ни слуги, ни друзья не могли простить стриженный хвост Урагана. Что за конь без хвоста?.. Но оправдание было: ведь Ураган иностранец! Кабарда не должна обижаться... Итак, Ураган был чужеземным львом среди кабардинских барсов.

А Хабыж! В кроваво-алой черкеске, обшитой вокруг пояса и на локтях кожей, с грудью, похожей на щит, прикрепленный Олегом к воротам Царь-Града, с головой, закинутой назад, – он весь будто вышел из времен монгольского нашествия и был соратником Аттилы, царя гуннов. Предки Хабыжа считались татарами. Это они передали ему широкоскулое лицо и глаза навывкат, мгновенно сменявшие выражение добродушия на свирепо-гневное. Их кровь прилиwała к сердцу и заставляла трепетать жилы на лбу. О, недаром в его имени была частица «быж», что значит «бешеный».

С началом войны Хабыж добровольно вступил в славный Кабардинский полк. За отличную храбрость и неоднократные боевые заслуги его произвели в офицеры. Случился отдых. Знаменитую Дикую дивизию, первым полком которой был Кабардинский, отвели в глубокий тыл.

Великий князь Михаил Александрович^{*}, родной брат царя, бывший в то время начальником дивизии, приказал устроить офицерские скачки и призовую рубку. Не мог Хабыж участвовать в состязании на скорость коня: слишком велик его вес, даже Ураган не унес бы семипудовую тяжесть. Но призовую рубку Хабыж пропустить не мог. Он выехал, держа поводья в левой руке, а правой опираясь в бок. До атласного отлива начищенный Ураган играл и вскидывал ноги. Неподвижно си-

* Младший брат императора Николая II, назначенный в 1914 году командиром Кавказской туземной конной дивизии. Расстрелян в 1918 году.

дел Хабыж, молчали сжатые губы, над прищуренными глазами змеились взволнованные брови. Время от времени он незаметно притрагивался к «гурде», будто проверяя, здесь ли клинок, составлявший гордость многих поколений его семьи. И вот укрепили пирамиду глины на высокой подставке.

Один за другим промчались всадники, и после каждого взмаха неподвижной оставалась глина, ловкий удар просекает глину и оставляет ее на месте. Убрали глину, расставили четыре лозы: две справа, две слева, хорошо рубит тот, кто рубит и правой, и левой рукой. На этот раз несколько состязавшихся отъехали в сторону: не удалось срубить лозу! И опять расставили лозы, опять справа и слева, но уже не четыре, а восемь и через каждую пару – барьер. Двое джигитов прошли через эти препятствия, пятеро оставили поле.

Великий князь подъехал к этим двоим. То были Хабыж, приближавшийся в эти времена к сорока годам, и молодой, только что выпущенный из училища корнет.

Великий князь сказал:

– Оба достойны первого приза!..

– Как, – рассердился Хабыж, – я и этот молокосос? Ваше Высочество позволит мне сделать еще один заезд?..

Когда, по указанию Хабыжа, поставили двенадцать лоз, шесть справа и шесть слева, а промежутки заставили барьерами, собранными со всех полков. Хабыж выехал на Урагане, весь грозный и стремительный, как удар меча. Он заставил Урагана присесть на задние ноги и потом взвиться в огромном скачке. Он махнул шашкой, и она спела песню о головах, отлетающих прочь. Должно быть, так выезжали былинные богатыри, вызывая на единоборство. Но единоборства не было. Был Хабыж на Урагане – один с зубами, оскаленными гневом, и шашкой, судорожно зажатой в руке.

«Йа-Алла!» – вскрикнул Хабыж, и вот – понеслась буря. Ураган развил ураганный карьер. Глазу невозможно было уследить мелькание подков. Взмахи клинка, блистательного дамасского клинка, учащались тем больше, чем дальше уходил конь.

Победительно и гордо возвращался Хабыж. С коня падали

ключья белесоватой пены. В глазах всадника горели костры. Он подкидывал шашку к небу, и она падала прямо в руку, как будто в руке был зажат магнит. Для такой рубки – нет равноценного приза. И разве для приза выезжал Хабыж?..

Но прошли времена и сроки. В одно туманное утро, когда вершина далекой Шипки, обливаясь слезами, прячется от людского взора за облака, когда содрогается порывами холодного ветра листва на Балканах, я проходил в одном из городков Розовой Долины мимо мечети. Ноги мои, обутые в английские танки, разбрасывали грязь. Зябнущие руки искали тепла, но их нельзя было спрятать в карманы, потому что они держали топор. Я возвращался с работы и думал, что приду домой, и мне удастся сварить картошку.

Какой-то неясный силуэт отделился от двери мечети, и, медленно перебирая ступени, сошел вниз. Станный балахон, нечто среднее между дамским капотом и растерзанной солдатской шинелью, едва прикрывал могучее тело. Небольшая облезлая шапчонка не умещалась на великанской круглой голове. На ногах этого несчастного существа были одеты ночные туфли, без задников, турецкого фасона. Я присмотрелся к давно не бритому лицу понуро шагающей фигуры... Боже мой!.. Да ведь это Хабыж!..

– Хабыж-цуг! – крикнул я, и в горле моем остановился режущий ком.

Я бросил топор на землю и кинулся в раскрытые объятия плачущего Хабыжа.

– Хабыж, Хабыж... – только и мог повторять я.

А он молчал и всхлипывал, как всхлипывает ребенок, утративший и снова нашедший мать. Невдалеке уже находился дом, в котором я жил. Усадив Хабыжа за верхний почетный конец стола, я побежал в лавки, чтобы в один раз истратить деньги, рассчитанные на неделю. Конечно, я купил и араки. Правда, не нашу, не кабардинскую и не балкарскую араку, а ту, что варят болгары из слив и называют сливицей. Но это была все-таки арака, и была эта арака горче слез...

Впоследствии Хабыж нашел хорошее место. Его наняли конюхом в Болгарские Государственные конюшни. И там,

около коней, вдыхая аромат конюшни, противный для тех, кто подходит к коню с правой стороны, и бесконечно милый и родной для тех, кто считает коня единокровным братом, — окончились дни Хабыжа. Иногда приходили от него письма. Причудливые каракули походили на переплетения корней. Измятая бумага сгибалась в руках. Но невозможно было без внутреннего волнения читать его письма. О чем писал он? Но о чем же и мог писать он? Конечно, о Кабарде, о конях, о смертельной тоске изгнания...

Одно письмо особенно запечатлелось в памяти. Хабыж вспоминал первоначальные эпизоды из борьбы с коммунистами на Кавказе, в Кабарде.

«Помнишь ли, — писал он, — мой сон, приснившийся перед боем у пятигорских высот?.. Я увидел громадную башню, такую, что встречаются в горах, о которых рассказывают старые люди, будто построили их генуэзцы. И в этой башне были заключены трое: князь Атажук*, Заурбек и я.

В башне было темно, однако я видел бледное лицо Атажука, его впалые печальные глаза; я различал во тьме брови Заурбека, положенные, как две стрелы, и его усы с концами, завитыми вверх. И вот, встал Атажук, поочередно обнял Заурбека и меня; и сам над собою совершил «дуа». И, не оборачиваясь, вышел. От башни вела узкая извилистая тропа, и в конце тропы виднелся зеленоватый, перебегающий свет. Этот свет напоминал зеленое знамя Пророка. Под таким знаменем мы ходили в атаку, предводительствуемые Заурбеком... Атажук медленно двигался по тропинке, достиг зеленого огня и исчез.

По прошествии немногого времени поднялся Заурбек. И он, также молча, обнял меня, сделал над собою «дуа» и вышел. Я испытывал в сердце невыразимое волнение и предчувствовал, что меня увлечет за собою их судьба. Однако, после

* Вероятно, имеется в виду кабардинский князь Атажукин Адильгирей Асланбекович, уроженец селения Атажукино I (Заюково). Был членом «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев» (балкарцев) Нальчикского округа. Служил в отряде З. Даутокова-Серебрякова. Погиб в бою в конце 1918 года.

того как и Заурбек растаял в зеленом сиянии, прошло время, и еще время. Мне было жутко и холодно в башне. Я думал: почему бы и мне не уйти вслед за ними? Но какое-то чувство говорило мне, что час мой еще не пришел. Я не знаю, как долго я еще находился в башне. Но это уже не была башня, вместо нее я увидел сложенную из камней хижину незнакомого вида. Двери ее были открыты, и от дверей начиналась дорога – грязная, с глубокими рывтинами, ямами, наполненными застоявшейся водой, на поверхности которой плавала зеленая ряска. Увидев дорогу, я сказал себе: «Валлаги-азым биллягикерим тха-мырзи Коран! Пусть меня насильно тащат по такой дороге, а сам я не пойду!..» И словно подслушали мои слова темные силы, живущие на дне пропастей. Кто-то невидимый с необычайной силой толкнул меня в шею, и я очнулся на земле, весь в грязи, в разорванной одежде, не похожей на ту, какую мы носим в горах. Сердце мое наполнилось гневом. Я поднялся, желая увидеть врага и повернуться к нему лицом. Но дорога была пустынна.

Посмотрел назад – нет ни башни, ни дома. По сторонам – незнакомые рощи. А впереди – целый легион минаретов. Велик Аллах!.. «Аллах-акбар!..» – воскликнул я и проснулся. Этот сон я хотел рассказать в то же утро и Атажуку, и Заурбеку. Но с первыми проблесками утра раздалась пулеметная трескотня. В восемь часов утра мы пошли в атаку и, потеряв половину коней и треть людей, вернулись обратно.

В десять часов из штаба пришло приказание отбиться во что бы то ни стало... Собрали людей, и в полдень – вместо обычной молитвы – снова пошли вперед. Впереди, на кровном шелохе, мчался наш предводитель – Заурбек. Под ним убили коня, он упал, атака не удалась... Кабардинская лава откатилась к исходному пункту. А тем временем коммунисты наседали с фланга, они подвезли артиллерию, всему пятигорскому фронту грозил крах.

Наши люди, не выдавшие хлеба с позавчерашнего дня, не поднимали головы кверху. Наши лошади, дымившиеся паром, тщетно обнюхивали землю, ища влагу и траву: все было сожжено немилосердным солнцем... Тогда было решено идти в

последнюю – третью атаку. Последнюю потому, что на четвертую не хватило бы ни сил, ни времени. Заурбек взял заводного коня. Заурбек собрал вокруг зеленого знамени отборных людей. Заурбек передал зеленое знамя Хаджи-Таукану, мулле селения Хасанаби-куаже, и просил его прочесть зекир – эту молитву поют люди, идущие на смерть. Заурбек крикнул: «Алла!..» И все люди крикнули: «Алла!..» – и все понеслись вперед. Рядом с зеленым знаменем я видел Атажука. Его бледное лицо смотрело на двинувшегося навстречу врага... Уже между их лавой и нашей расстояние сократилось до пятисот шагов. Красные знамена коммунистов надвигались в форме серпа, которым секут не траву, а людей. Приближалась минута, когда душа человека оставляет тело, когда слепнут глаза, а рука, держащая шашку, будто сама по себе поднимается и опускается вниз, поражая что-то чужое, приводящее в ярость.

И в это мгновение перед нашей лавой пробежал заяц... Заяц перебежал дорогу тем, кто нес и ожидал смерть. Ничтожный испуганный заяц!.. Но лава остановилась... В эти секунды решалась судьба атаки. Замерли крики «Алла». Но среди нас нашелся храбрый, презревший смерть. Я увидел всадника, с шашкой, поднятой к небу, переехавшего заячий след ¹. Снова раздалось «Алла!». Кабардинцы бросились тучей, и красный серп исчез. Кто-то из тех, кто двигался сзади, остановился, слез с коня и, простирая руки, воскликнул: «Ко мне, ко мне...» На земле лежал Атажук...

В этот вечер я рассказал Заурбеку о своем сне.

– Вторым уйду я, а потом ты, – сказал Заурбек.

И так было: после Атажука ушел Заурбек. Но я не понимал: почему я увидел себя в чужой земле, на грязи, оборванным и несчастным. Теперь, после Константинополя и болгарских конюшен, я понимаю... Да будет воля Аллаха! Но неужели мои кости будут лежат вдали от кладбища, лежащего на краю нашего аула?.. Да будет воля Его...»

О Хабыж, маленький Хабыж, мой дорогой Хабыж-цуг! Вот

¹ Конные народы верят, что заяц, перебежавший дорогу, приносит несчастье первому, кто вступит на заячий след.

настало время – и я, в печальном волнении, одинокий, вдали от гор, подобный птице, несущейся среди туч по черному небу, обращаю свой взор вдаль, в минувшее. Что я вижу? Передо мною вырастают горы. Я вижу твое селение, расположенное у отрогов Эльбруса, и над ним синеватый дымок. Чудится – до ноздрей моих доносится запах кизячного дыма. По пыльным дорогам возвращаются медленные стада. Вечереет, и с башни мечети слышится протяжное моление муллы. На краю аула, облокотившись на стену, сложенную из обломков скал, стоишь ты в ожидании. Ты ожидаешь меня. Ты побился об заклад, на своего коня, полукровного англичанина, взятого с пятигорского круга, что Деникин расстреляет того генерала, который оставил Кисловодск коммунистам, чтобы испугать пролитую там кровь.

И я принял спор, и генерал не был расстрелян. С улыбкой ты передал мне повод коня, имя которого – «Кавалер Эвелье» – не мог произнести ни один, рожденный в Кабарде. Тогда же я просил тебя объяснить, что значит «Эвелье», и ты не дал объяснения. В многотомных энциклопедиях, в словарях и историях я искал значение этого имени, ищу до сих пор – и тщетно. Нет никого, кто рассказал бы мне об этом кавалере, и нет тебя. Итак, мне остается признать: кто такой Кавалер Эвелье – я не знаю! Но кто бы он ни был, твой дар навсегда укрепил благодарность в моем сердце, и память о тебе – да не истребится вовеки...

наемт III

Дайрдек

У мамаш

Заурбек говорил:

– Бессмертие, сила и слава народа состоят в том, что каждый русский, кабардинец или француз считает свой народ стоящим выше себя. Что значит считать свой народ стоящим выше себя? Это значит признавать, что счастье и благо всего народа главнее счастья и блага лично моего. Это значит, что когда наступит момент выбирать между своею жизнью и жизнью народа, надо отказаться от своей жизни. В конце концов, это значит уметь умереть за свой народ с улыбкой на устах.

И еще говорил Заурбек:

– Когда-то давно, при императрице Екатерине, Пугачев пробовал сделать то, что сейчас сделал Ленин. Но ему не удалось. Как ты думаешь, почему не удалось?.. У меня вот какой ответ: Пугачева победили дворяне. В те времена государство держалось на единодушии и сплоченности дворянского сословия. Свои права и свои обязанности дворяне принимали всерьез. Когда шел вопрос о том, что дороже: жизнь ли всего дворянства в целом или жизнь отдельных представителей дворян – то, конечно, жертвовали дворянами ради дворянства... А посмотри, что делается теперь: дворяне заставили царя отречься. Одна часть дворян пошла в революцию, другая в контрреволюцию. Таким образом, дворянства нет; и старой России тоже нет.

...Тот, кто скажет, что прав Ленин, – будет не прав. Тот, кто скажет, что прав Деникин, – тоже будет не прав. Ленин защищает дело, которое невозможно. Деникин защищает дело, которого уже нет. Правы будут те, кто поймет, что русские, – отдельные русские с их (как это называется?) с их и-део-ло-гией дешевле России. И я считаю, что сейчас кабардинцы дешевле Кабарды. Поэтому, когда я иду через поле, усеянное трупами, моя совесть чиста...

И опять сказал Заурбек:

– Если бы я был образованным человеком, я написал бы трактат. Политический трактат на тему: «Политика и любовь...». Скажи, ради Аллаха, почему женщины любят безобразных мужчин? Почему главные политические герои были и бывают сволочами?.. Я не говорю, что все безобразные мужчины пользуются женским расположением. Я не говорю также, что у всех крупных политиков безобразная душа. Но все-таки присмотришься к этому делу. В любви и политике побеждает тот, кто сильнее желает. В любви – взаимности, в политике – славы. Красивый мужчина легко перейдет от одной женщины к другой, поэтому он любит небрежно. А безобразный ежеминутно готов отдать свою жизнь и уничтожить чужую, только бы сохранить любовь... Честный человек, занимаясь политикой, думает о своей чести. Настоящему политику до чести нет никакого дела: он думает о славе. Он любит славу и ради нее пойдет на все. Ты знаешь, что значит «пойдет на все»? На измену друзьям, на убийство, на что угодно. И заметь, толпа любит убийц. Почему?.. Потому что придет время, и она охотно их растерзает. Чем больше ты что-нибудь любишь, тем легче ты отдаешь за любимое свою жизнь. И... тем легче возьмешь жизнь этого любимого. На этом невероятном, но правдивом противоречии построены все любовные драмы и политические возвышения и падения. Вспомни Отелло – он любил. Вспомни Наполеона – его любили...

Заурбек прищурил глаза, внимательно посмотрел на дымок папиросы, вынул папиросу изо рта и при этом раздался сухой звук, как будто вылетела плохо державшаяся пробка.

– Теперь ты попроси у мамыши гитару.

Мамаша – толстая старая сварливая казачка держала кабачок и мужа. Кабачок был для всех, муж – только для нее. Зимой кабачок находился в передней комнате, выходившей стеклянными дверями прямо на улицу. Летом под кабачок отводилась еще веранда. Никто во всем городе не умел делать такие пышные, такие адски-прекрасные пироги, как мамаша. Никто не умел настаивать араку на тысяче одной траве. Сама мамаша называла свои пироги огнедышащими. И это была

святая правда: они дышали огнем и зажигали неутолимый огонь в человеке. А арака... У меня выступают слезы от смеха, когда мне говорят о качествах какой-нибудь другой араки!.. Мамашина арака стояла летом на льду, а зимой на «холодном солнце» годами! Мамашина арака пилаась четвертями или полведрами. Желательно вам оскорбить мамашу? Спросите у нее «бутылку араки». Она выгонит вас вон и больше уже никогда и ни в чьей компании вам не удастся переступить порог ее дома... Разве что старый князь Науруз *смилостивится и введет вас под руку и, засмеявшись, скажет: «Ну, ну, старая карга, довольно тебе каркать...». Ну, тогда, не спорю, мамаша фыркнет раз-другой, но ничего не скажет. Однако ведь князь Науруз давно в земле... Да, впрочем, кто поручится: не в земле ли мамаша?..

Заурбек пользовался особым благоволением в мамашинем кабачке. И это не потому только, что он первый и единственный поднял знамя восстания. Но потому, что Заурбек умел пить. Когда он пил, когда он говорил речи, когда он брэнчал на гитаре, глаза мамашины истекали ручьями слез. А ведь не из чувствительных была мамаша...

Эти две или три недели «уныния и печали» проходили так. Вставали в десятом часу. К этому времени все начальство не только успевало выпить утренний чай, но и отправиться на службу: помещение, в котором по необходимости жили все, было безлюдным.

Тот, кто освободил Кабарду от коммунистов; тот, по единому слову которого весь народ завтра же сел бы на лошадей и собрался к нему; тот, о ком слагались героические песни и повествовались легенды, — этот человек находился в опале. У кого? У народа? Нет, народ его любил и ему доверял. Может

* Вероятно, имеется в виду кабардинский князь Таусултан Магометович Наурузов, крупный коннозаводчик, общественный деятель, уроженец селения Наурузово (Исламей). С 1914 года он служил в Кабардинском конном полку в чине подпоручика. В 1919–1920 годах в комиссиях белогвардейских властей Кабарды. В 1920-м эмигрировал за границу. Его сын — Науруз также с 1914 года служил в Кабардинском конном полку, был произведен в офицеры. Далее служил в отряде З. Даутокова-Серебрякова, затем в Кабардинской конной дивизии. Штабс-ротмистр. Погиб в боях в 1920 году.

быть, против него были восстановлены народные верхи? То же нет, давешние недоразумения были давно рассеяны. Народные верхи видели в Заурбеке лучшего из своих...

Так кто же наложил на Заурбека опалу? Начальство. То начальство, которое сидело в далеком тылу и блюло чиновничество и так называемую законность. Так называемую потому, что старые законы были ниспровергнуты, новые – коммунистические – не признавались. А иных не было...

Была Россия. На Россию наложили палящее тавро «РСФСР». Это тавро жгло нестерпимо. И вот – народы восстали против тех, кто наложил тавро. Дело шло о спасении живой души и живого тела. И в этом спасении преуспевал тот, кто сильнее чувствовал рану и сильнее боролся с нею. А господа, сидевшие на высоких местах, распоряжались местами, соблюдая, конечно, чиновничество и законность...

То высокое место в освобожденной Заурбеком Кабарде, которое по праву победителя принадлежало ему, отдали другому*. Этот другой был человеком отличных качеств, бесспорного ума и мужественного сердца. Сверх того, этот человек был старше Заурбека. И Заурбек признал его начало над собою. Но этим он признал свой конец. Конец Заурбека определился тем, что этого хотело начальство. И это повелевали обычаи. Как мог он, призывавший к порядку, воспевавший обычаи, как он мог отказаться от своего слова? Но, оставаясь верным слову, он отказывался от себя.

Живя в одном доме с тем, кому он уступил свое место, Заурбек старался избегать встреч. Встречи были тяжелы для обеих сторон. Заурбек возвращался домой после полуночи, когда все спали. Он выходил к утреннему завтраку после девяти часов, когда все уходило на службу. Впрочем, настоящего завтрака и не было. Заурбек считал долгом ежедневно посидеть минут пять за столом старшего в этом доме. Он выпивал полстакана холодного чая, выкуривал папиросу и просил слугу начальника передать благодарность. А потом мы оба шли к мамаше. Там нас ожидал пузатый гостеприимный го-

* Речь идет о Темботе Жанхотовиче Бековиче-Черкасском, правителе Кабарды с 1919-го по март 1920 года.

ворун – мамашин самовар. Но не всегда «начинали» с чая. Часам к двенадцати дня я отправлялся за бумагами в канцелярию главного лица в Кабарде – канцелярия была напротив. Возвращался с кипой бумаг «на подпись». Заурбек с демонстративным любопытством просил меня «прочеть что-нибудь». Но едва я начинал читать, он делал языком «Тце-тце-тце!», что должно было означать: «Ай-ай-ай! Вот так работают» – и прекращал чтение. Потом он делил кипу на две неравные половины. Меньшую брал себе, большую предоставлял мне. В течение нескольких минут заповедная мамашина комната, занимать которую разрешалась только ее, мамашиним любимцам, являлась канцелярией. Заурбек подписывал свое имя, а я подписывался «за» помощника начальника... и т. д. Помощника! В том-то и дело, что быть «помощником» – хотя бы у самого Деникина – Заурбеку было нестерпимо! Но он покорно ставил свое имя там, где ему надлежало красоваться, согласно чинопочитанию и законности. Не все ли равно теперь, где и как подписываться? – «Помощник»...

Всего лишь полмесяца назад сердце Кабарды было взято полками Заурбека. Кто из участников этой атаки забудет ее? Найдется ли дерзкий язык, подобный осиному жалю, который упрекнет Заурбека и его сподвижников в отсутствии отваги?.. Я не говорю, конечно, – «солнце Аустерлица взшло на Кабардинских равнинах». Я говорю: солнце, сияющее Кабарде, улыбнулось в этот день Заурбеку... О, одно кабардинское солнце дороже тысячи тех, что сияли Аустерлицу...

А семь месяцев назад, на этих самых равнинах, впервые раздался призывный боевой клич Заурбека. Он сказал: и один в поле воин. И выехал в поле. Он собрал сначала единицы, потом десятки, потом сотни. С двумя тысячами отборных всадников он сделал поход на Кубань. Оставляя Кабардинскую землю, он поклялся вернуться. И вот – он здесь. Он здесь, но – он «помощник». Так для чего же стоит жить?

...Утренний чай незаметно переходил в завтрак, завтрак – в обед. Разница в названии. Только мамаша следила за переменами, происходившими на столе. Заурбек следил за своими

думами, которые текли то плавно, подобно Волге, окутанной предрассветным туманом; то бурно – как стремнина Терека. Я следил за Заурбеком. Так проходил день...

Однако я начал не с того конца. Кто же такой Заурбек? Почему он грустит? Неужели вся Кабарда сосредоточилась для него в маленькой, жарко натопленной комнатенке казачки-мамаши? Почему он здесь? Что случилось?.. Расскажу о Заурбеке, главном действующем лице кабардинской драмы, разыгравшейся в период гражданской войны.

Первые шаги

Там, на север от Терека, туда – выше к Ставрополю и на восток – к Астрахани простираются степь, солончаки и пустыня. Когда русский крестьянин попал в эти места, он сложил песню и назвал эту песню «Степь Моздокская». Так что каждый, кто читал романы Тургенева, в которых упоминается эта песня, благодаря этому знает само слово «Моздок». Но Моздок знаменит не только поэтому. Ведь в моздокской тюрьме, в те времена, когда весь город состоял из Собора Моздокской Богоматери, порохового склада и тюрьмы, содержался Емельян Пугачев. Правда, в пору его знакомства со стенами моздокской тюрьмы он не называл себя императором Петром Федоровичем. Но все-таки Пушкин, разбираясь в материалах пугачевского действия, узнал о существовании Моздока.

К сожалению, моздокцы дурно отзываются об императрице Екатерине II. И есть на это причины. Что стоило ей, всемогущей, блистательной, удлинить крюк своего путешествия по югу России на каких-нибудь двадцать – двадцать пять верст? Она этого не сделала. Она удовольствовалась тем, что проехала под сводами грандиозной кирпичной арки, воздвигнутой невдалеке от казачьей станицы, прозванной впоследствии в честь этого достопамятного события Екатериноградской, и затем повернула на север.

– Чрезвычайно досадно! Кто же из порядочных моздокцев может простить подобного рода небрежность, хотя бы и царственной особы?.. Правда, иные из моздокцев пытаются отыгаться на Шамиле и Улухановых. Ведь красавица-армянка, заморозившая сердце – дикое, властное, богупокорное сердце Шамиля – происходила из той самой семьи Улухановых, чьи магазины были реквизированы при первом же появлении в Моздоке большевиков!.. Но – пусть это останется между нами – кто же всерьез будет равнять мадемуазель Улуханову с повелительницей одной шестой части света?..

И тем не менее Моздок не уступит ни Москве, ни Петербургу. В Моздоке – резиденция царицы цариц – Пречистой Девы, Владычицы не земной, но Небесной – Матери Божьей, Марии. Чудотворная икона Пресвятой Богородицы и есть главное богатство, гордость, слава и благоденствие Моздока.

Когда-то давно один из кабардинских князей на обратном пути из Чечни в Кабарду заблудился в густом лесу. Долго плутал встревоженный князь, и вывел его на поляну неумолчный вечный рокот теречных волн. «Мез-догу» – облегченно вздохнул князь, обретя в течении реки искомое направление: «Мыс ораж!» (Густ лес! – это правда!). И так осталось за этой поляной прозвище Густой Лес (Моз-док). Впоследствии на приглянувшейся поляне поставили загон для скота, гулявшего в стадах кабардинского князя. А еще позже сюда перебрались вольноотпущенные этого же князя, получившие разрешение начать новую вольную жизнь на новом вольном месте. Так образовался поселок. Много лет спустя, когда очередная Кавказская линия, год от года передвигавшаяся с севера на юг и отмечавшая рубежи российских побед, приблизилась к Тереку, вблизи кабардинцев поселились дружественные казаки-гребенцы.

Кабардинцы занимались скотом, а казаки – охотой и рыбой. Рыбу ловили в реке, охотились же в разных местах. В поисках дичи шли на восток и север, где не переводятся фазаны, куропатки и зайцы. В поисках ингушей и чеченцев шли на юг – там, за Терекком, расположены басурманские аулы.

В начале XIX века провозили чудотворную икону Божьей

Матери из глубин России на дальний юг, в христианские земли. На ночлег поезд с иконой остановился в поселке Моздок. Заснули утомленные переходом люди. Заснули и те, кому надлежало, по наряду, всю ночь бодрствовать перед Ликом Пречистой. А утром лагерь проснулся в тревоге: икона исчезла. По всем дорогам помчались всадники, ища следы похитителей. Целый день прошел в напрасных стараниях. И когда наступила ночь, сияние неугасимой лампы указало местонахождение иконы: она была в камышах, в непроходимых зарослях, что растут по берегам реки; до этих границ разливаются весной Терек. В ту же ночь священнику, сопровождавшему икону, было видение: ему явилась Небесная Царица и наказала устроить Ее Дом в Моздоке. И так сделали.

После покорения Кавказа границы Кабарды значительно сузились. На севере, между кабардинцами и черкесами, легла линия городов, станиц и поселков, соединяемая общим названием «Кавказские Минеральные Воды». Тогда-то кабардинский Нарт-Цан, что значит Напиток Богатырей, превратился в Кисловодск, а имя селения, в искаженном виде «нарзан», перешло на минеральную воду, источники которой изобильно окружают Кисловодск. Тогда же и Пси-Хуаба, что значит Горячая Вода, переродился в Пятигорск...

На востоке, где раньше кабардинские владения простирались до слияния Терека и Сунжи, вытянулись казачьи станицы. На юге освобожденная русскими штыками от двойного давления Кабарды и Грузии возрождалась Осетия. Однако связь между Моздоком и Кабардой не прерывалась. Все, кто почему-либо был недоволен порядками Кабарды, выселялся поближе к Моздоку. Я бы сказал, что окрестности Моздока были своего рода Кабардинской Америкой, но не могу этого сказать, потому что кабардинцы, переехавшие в Моздок, оставались кабардинцами.

Правда, некоторые из них принимали православие. Но ведь до начала XVIII века вся Кабарда была христианской. Основная масса кабардинцев, живущих в Кабарде, исповедует религию Магомета. Но не этим выделяются кабардинцы из среды

других народов, живущих под солнцем. Выделяет кабардинцев то, что они имеют напэ.

Дед Заурбека не ужился в Кабарде. Отец Заурбека переехал в Моздок и принял православие. В Моздоке у него был небольшой городской дом; в нескольких десятках верст от Моздока – хутор. Хутор, где прошли детские годы Заурбека, лежал в Моздокских степях.

В тот день, когда Заурбек впервые, в полном вооружении, как подобает мужчине, сел на коня, хутор был потрясен дерзким событием. В это время Заурбеку исполнилось двенадцать лет, его старшему брату Хаджи-Мурату – пятнадцать; младший брат Хасан-Бий, десятилетний мальчик, жил с матерью в городе. Событие же состояло в том, что работник, ногаец, украл девушку со двора Аслан-бека, хозяина, отца-повелителя всех, кто живет под его высокой рукой. Вчера вечером отец был так радостен и счастлив. А сегодня он ходил с закушенной нижней губой и руками, сжатыми в кулаки... Как! Ничтожнейший из работников! Принятый из милости! Ногаец и сын ногайца, этот несчастный мальчишка – и осмелился выкрасть девушку, находившуюся под покровительством... Чьим покровительством?! Его, Аслан-бека, голос которого звучал на всю Моздокскую степь. Позор и стыд, и дерзкий будет жестоко наказан... Но хороши и другие! Особенно хорош этот постоянно смеющийся Хаджи-Мурат! Не доглядели!

– Позвать Хаджи-Мурата! – раздалось из окна комнаты, по которой ходил рассерженный Аслан-бек. Хаджи-Мурат вошел и молча остановился у косяка двери. Он сознавал свою вину и потому не смел оторвать глаза от глинобитного пола, покрытого циновкой. Отец снял со стены карабин и передал сыну:

– Поезжай в степь, – сказал он при этом, – и не смей показываться мне на глаза без этого сегодня... Хорошие времена наступили, – добавил он. – Отец должен сторожить дом, а сыновья будут спать. Нет, дорогой, я еще не в могиле. Я вас еще научу танцевать на правой и на левой ноге... Иди!

Вслед за Хаджи-Муратом по всем направлениям, веером, разъехалось все мужское население хутора. Остались Аслан-

бек, старик-табунщик, отец уведенной девушки, и младший из всех, Заурбек.

Прошел день, и ночь, и наутро во двор хутора явился вор – молодой ногаец, держа за руку уведенную им девушку. Он неправильно рассчитал свои силы. Он надеялся добраться до отдаленных кочевий, где не знали его и не могли подозревать, что женщина, называемая им женой, уведена со двора Аслан-бека. Голодный, смертельно усталый (часть пути он нес девушку на руках), молодой ногаец остановился посреди двора в ожидании неминуемого суда и расправы. А Аслан-бек не торопился выходить. Он приказал вынуть из сундука парадный полковничий мундир – воспоминание о годах, проведенных на военной службе. Неторопливо накинул его поверх обычного костюма – черкески, поправил перед зеркалом бороду и усы, и только тогда вышел, поражая грозным великолепием трясучего золота полковничьих эполет. Ногаец стоял ни жив ни мертв.

Рыдающая девушка кинулась к ногам Аслан-бека:

– Я виновата, – уверяла она, – я согласилась выйти за него... Ему еще целый год надо служить, чтобы заработать калым¹.

Аслан-бек сделал величественный жест – плачущую ногайку отвели в сторону. Аслан-бек сказал:

– Слушай, ты, недостойный поцеловать землю, на которой стоишь! Ты знаешь, что делают с вором? Ему отсекают руку... А знаешь ли ты, что делают с тем, кто обворовал отца? А я заменял тебе отца! Его побивают камнями... Но тем, что ты не обратился ко мне, а самовольно увел девушку, ты показал, что не считаешь меня за отца. Так и я не сочту тебя за сына. Вот кинжал, – Аслан-бек обнажил кинжал с широким острым лезвием, – который покраснеет от твоей крови.

Он взмахнул кинжалом – золотые сосульки затрепетали на плечах. Казалось – такой удар рассечет ногайца до пояса. Рыдающая невеста закрыла лицо руками... Тогда кинулся Заурбек между отцом и ногайцем:

– Отец, – закричал он, – как ты можешь поднимать руку на безоружного?!

¹ Выкупная плата за невесту.

Заурбек стоял перед отцом, положив обе руки на рукоять своего маленького кинжала — так держат руки те, кто предупреждает об ударе. Аслан-бек хмуро отодвинул сына в сторону и медленно опустил кинжал на плечо ногайца. Этот жест был вполне символическим.

— Передо мной не безоружный, как ты говоришь, а преступник. Идите оба прочь от меня.

Однако он очень скоро переложил гнев на милость. В сущности, он и не думал увечить своего работника. Прошли — безвозвратно прошли времена феодалов и самовольных расправ. Аслан-бек хотел показать, что в своем доме — он настоящий и грозный повелитель-хозяин. Младший сын испортил прекрасно задуманную сцену. Но ведь как благородно было это заступничество за ногайца! О, Заурбек еще покажет себя... И Заурбек показывал.

Есть вещи, которым можно учиться всю жизнь, и так и не выучиться; так многие из тех, что провели всю жизнь на коне, до конца дней своих говорят: «А я сегодня катался на лошади». Кто же из истинных конников «катается»? Или есть еще моряки, рассказывающие о том, так они «ехали на корабле» из Севастополя в Одессу. Встречаются, наконец, «музыканты», в течение пятидесяти лет исполняющие партию второго голоса. Заурбек как бы родился с тем, что выделяло его из окружающей среды.

Когда привели сумасшедшего племенного жеребца Буздыгана и он сбросил последовательно всех лучших наездников асланбековского хутора, Заурбек укротил и покорил коня. Как он этого добился? Лаской, коварством и волей. Он продержал коня день без воды и сена. Ранним утром он пришел в стойло с ведром воды и из своих рук напоил Буздыгана. Потом он взял его за недоуздок и перевел в другое отделение конюшни, где было приготовлено пышное душистое сено. Приучив коня к себе, Заурбек однажды, развлекая посвистыванием внимание жеребца, всунул ему в рот железо. Взнузданный Буздыган наполовину был менее страшен.

Но главная трудность состояла в том, чтобы положить на спину седло и сесть. И не только сесть, но и удержаться в

седле. Заурбек не торопился. Сначала он только прикладывал легкое скаковое седло к спине, как бы показывая, что от этого прикосновения ровно ничего не меняется. Потом он положил седло и подтянул подпругу. Подседланного Бuzдыгана поводил по двору. На следующий день, едва поднялось солнце, Заурбек стремглав вбежал в отделение, где находился жеребец, против обыкновения торопливо накинул на него седло, плотно затянул подпругу и, непрерывно разговаривая с конем, вывел его в поле.

Поведение Заурбека, столь непохожее на обычное, разволновало и ошеломило Бuzдыгана. Бuzдыган как бы забыл о том, что он решил не поддаваться человеку. Те смутные ассоциации эмоций, которые заменяют коню мышление, были заняты разгадкой поведения Заурбека. А Заурбек в это время улучил момент и одним махом вскочил в седло. Вот тут Бuzдыган догадался, в чем дело. Он попробовал дать «свечу»¹, но пронзительный удар плетью поставил его на четыре ноги. Он хотел лечь – и получил десятки жалящих и палящих ударов под брюхо. Тогда рассвирепел Бuzдыган – и понесся вперед, в необозримое поле, навстречу выплывавшему из-за холма красному шару.

Этого-то и добивался Заурбек, Он гонял коня до полного изнеможения. Дважды и трижды он подъезжал к воде, и, не давая коню напиться, гнал его в новый карьер. Правда, Заурбек и сам изнывал от жажды. Но ведь Заурбек – всадник, а Бuzдыган – укрощаемый всадником конь. Побеждает тот, кто сильнее желает. «Истинная гениальность состоит в терпеливости», – сказал кто-то. И только тогда, когда Заурбек почувствовал, что воля Бuzдыгана раздроблена в куски, что в Бuzдыгане произошел перелом, отличающий вольного витязя гор от дисциплинированного солдата регулярной армии, он наполнил Бuzдыгана. Глядя, как жадно пьет в течение нескольких часов похудевший конь, Заурбек улыбнулся и покровительственно потрепал его по крутой шее – теперь можно возвращаться домой. Никто не посмеет сказать, что Бuzдыган необъезжен.

¹ Стать на задние ноги.

А в школе Заурбек считался не первым, но единственным по красоте игры корнетистом... Чем отличается приличная правильная игра от проникновенной игры, от такой игры, когда шевелятся корни волос и вдоль спинного хребта пробегает обжигающий холодок волнения? Почему вы слушаете иного скрипача или пианиста, и вам хочется спросить: а что сегодня будет на ужин? И почему стоящий перед вами человек, в обыкновенном черном костюме, слегка сгорбленный, с воротником, засыпанным перхотью – увидав эту перхоть, вы почувствовали отвращение к человеку в черном, – почему этот человек, едва прикоснувшись смычком к струнам, овладевает вами?! В чем разгадка необыкновенной сладостной связи, соединяющей вас с артистом? Почему вам кажется, что лучше сейчас умереть, потому что все то, что не принадлежит к миру этих чудесных звуков, есть ядовитый обман и ложь?.. Что это такое?.. Вы не знаете? Не знаю и я.

Но я знаю, что растроганный шах персидский обнял Заурбека и пожаловал ему орден Льва и Солнца. Я знаю, что бледный как смерть Заурбек поблагодарил шаха. Его бескровное лицо с припухшими крупными синими губами было обращено не к шаху, а вниз, как будто там, внизу, лежала разгадка той силы, которая потрясла не рукоплескающий зал, не шаха с его орденами, а его самого – Заурбека. Директор училища, польщенный и радостный, простил Заурбеку все его прошлые прегрешения.

Но будущее он простить не мог!.. А грехи накопились со скоростью соединения соды и кислоты. Заурбек не мог, находясь в кругу друзей, удержаться от шалости. Сегодня он придумывал качать в классе толстяка-немца, преподавателя немецкого языка, по случаю очередной речи Вильгельма о победах немецкой культуры. Завтра он устраивал грандиозный пикник в окрестных горах с танцами, кострами, вином и – главное – стрельбой. Послезавтра помещал в газетах статью, направленную против тех, кто не берет взяток. «Не берущие взяток, – писал Заурбек, – являются нарушителями древних традиций. Во имя порядка, мы требуем их изгнания из административных учреждений и учебных заведений...» За то, что

в присутствии начальника области во время пения приезжей знаменитости он с галерки крикнул разговаривающим первым рядам: «Молчать!» – его изгнали из училища. Почти год прошел в невольном ничегонеделании, прежде чем хлопоты родных о приеме Заурбека в прославившееся на весь Кавказ своими беспорядками Т.Х.Ш. * реальное училище увенчались успехом. Т.Х.Ш. реальное училище заслуживает бессмертия. Именно к этой, отнюдь не «тихой» пристани устремлялись взоры всех исключенных из северокавказских учебных заведений. Сюда же прибывали и закавказские ученики, потерпевшие крушение в родных палестинах. Таким образом, между Парижской академией и Т.Х.Ш. реальным училищем может быть установлено некоторое сходство: как там, так и здесь собирались выдающиеся из рода вон люди. Правда, в Парижскую академию попадают те, кто кое-что сделал, и по преимуществу сделал плохо. В Т.Х.Ш. реальное училище поступали главным образом те, кто ничего не делал; или делал не то, что требуется от ученика средней школы. На этой почве между преподавателями и директором, с одной стороны, и учениками – с другой, происходили частые и порою кровавые недоразумения. На всю Россию прогремел случай, когда один из учеников этого училища пытался разрешить свой спор с директором, прибегнув к револьверу. Этот ученик, двадцатидвухлетний персиянин, как говорят, имел небольшой гарем. Рассказывают, будто редкий из учеников старшего класса не имел среди предметов туалета бритвы. Так что население старших классов принадлежало к породе усатых. В те времена бритье усы не считалось модным.

Если спросить, чувствовал ли Заурбек себя в этой компании как рыба в воде, то ответ получится: и да, и нет. Да – потому что, сознавая себя старше своих лет, он имел здесь возможность жить, как «взрослый». Нет – потому, что он находился среди чужих, вдали от родных и родины. Следуя общему направлению, он учился плохо: «...чему-нибудь и как-нибудь». Впрочем, по истории и русской литературе Заурбек

* Т.Х.Ш. – Темирханшуринское (г. Темир-Хан-Шура, ныне Буйнакск, Дагестан) реальное училище.

обнаружил немалые дарования. Его классные сочинения, написанные «на тему», отличались изяществом стиля, оригинальностью содержания и неподдельным остроумием. Быть может, попадись ему хороший наставник, из него выработался бы настоящий писатель-поэт. Но судьба устроила так, что преподаватель словесности не отличался ни глубиной знания своего предмета, ни любовью к талантливым ученикам. Собственно же с Заурбеком его отношения вылились в прямую вражду. Нужно ли добавлять, что причиной вражды была «она»? – «Ищите женщину!». О, старая французская мудрость. Ты неиссякаема, хотя и обеднел духом породивший тебя народ...

Татьяна III

Нюра

Я видел «ее» женщиной средних лет, матерью двух сыночек. Почему-то я нашел сходство между нею и Анной Карениной. В глазах ее светилась любовь. В глазах ее, где-то в далекой глубине, светилась невыплаканная слеза. Женщины, замкнувшие часть своей души в царстве молчания и закинувшие ключ в море, имеют такие глаза. Эти глаза хотят говорить, быть может, кричать, но... они должны, они обязаны молчать. Эти глаза желают казаться спокойными и даже веселыми, но вы видите в них свитое гнездо, и в гнезде этом живут печаль и знание того, что эта жизнь – «не та»...

Нюре было семнадцать, а Заурбеку двадцать. Она – русская, он – кабардинец. У Нюры был брат, офицер, служивший на Кубани, обремененный семьей и долгами. Он помогал платить за право учения; на жизнь и костюмы она прирабатывала уроками. Заурбек не нуждался в деньгах, хотя богатым нельзя было его назвать. У Заурбека был отец, человек суровых правил, противник браков между русскими и туземцами. Нюрин

брат постоянно твердил ей о необходимости «сделать партию», т. е. выгодно продать себя. В ответ Нюра молчала. Когда до брата дошли слухи, что преподаватель словесности, сын местного купца, влюбился в Нюру, он взял из полка отпуск и приехал в Т.Х.Ш. — устраивать свадьбу. Но здесь он узнал о Заурбеке. Это разочаровало его. Зато прибытие брата подняло дух преподавателя словесности. Не будучи ни дерзким, ни смелым, он был нахален. Не обладая ни мужественностью, ни красотой, он заносился не в меру глупым ростом; прическу и костюмы носил по последней моде. Каждый, кто посмотрел бы на этого учителя, когда он шел по главной улице города, слегка подпрыгивая, вертя в руках тросточку, и склонив голову набок, непременно сказал бы себе: «Вот человек, у которого не все дома». Но он думал, что он неотразим.

Дом этого героя выходил окнами в городской сад — излюбленное место свиданий всех влюбленных. Очень часто вечерами он садился в меланхоличной позе у открытого окна и, сопровождая себя на гитаре, напевал сентиментальные романсы, из коих «Ах, зачем эта ночь» и «За чарующий взгляд» исполнялись им с особенным дрожанием голоса, а ля Варя Панина.

В тот вечер, когда Нюрин брат, не добившись ее согласия на брак с учителем, в сердцах отказал ей помочь окончить восьмой класс, Заурбек ожидал Нюру в саду, а учитель ожидал Нюрино брата, сидя у окна с гитарой. Был душный августовский вечер, светила луна. Дышали утомленные дневным зноем деревья, от их нагретых стволов исходило тепло. Заурбек стоял, прислонившись к старой липе, и думал, что сейчас решится его судьба.

Вопреки училищным правилам, он был одет в черкеску — строго запрещенную форму для учеников. Рука его играла рукоятью кинжала, он представлял себе удовольствие воткнуть кинжал в какое-нибудь чувствительное место учительского тела. Однако жениться на Нюре ему не казалось возможным. Странное оцепенение овладело им. Он видел перед собою ожидающие Нюрины глаза. Он понимал, чего они ждут от

него. Он знал, что то, чего они ждут, не случится. Но почему? Почему?.. Неужели он хочет посмеяться над ее и своею любовью? Нет, это неправда. Быть может, он недостаточно сильно ее любил? Нет и нет! Заурбек без сожаления в любую минуту отдаст за нее жизнь... Так почему же ты не решаешься сказать ей: «Нюра! Я люблю тебя, соединим пути наших жизней и всегда и всюду будем вместе». Заурбек спросил себя и снова углубился в искание ответа... «Отец? Неужели я боюсь отца?» Заурбек улыбнулся: «Если бы, – сказал он, – я бы хотел отомстить отцу за то, что он изменил религии предков и принял христианство, то лучшего случая трудно и ожидать. Нет. Отец ни при чем... Так что же? Что?..»

Нюра и ее брат подошли к ограде городского сада и здесь расстались. Брат еще раз спросил: «Не выйдешь?» «Не выйду», – в тон повторила она. «Ну, так иди к...» – он не досказал, куда должна идти Нюра, вскинул плечами, поднялся по ступенькам учительского дома и позвонил. А Нюра с опущенной головой вошла в сад.

Душа Нюры была создана так, что цвела только один раз. Существуют цветы, которым дано цвести только единожды в жизни. Отцветая, они умирают. Быть может, наступит время, и под влиянием живительных солнечных лучей на стебельке такого цветка появится робкий росток; быть может, даже росток этот украсится маленьким венчиком лепестков – нежных и трепетных... Напрасно! То истинное и прекрасное, что заключено в цветении и что составляет бессмертие, – это уже неповторимо! Придя из вечности, оно уходит в вечность, чтобы никогда не вернуться – никогда.

Заурбек обнял Нюру. Они не сказали ни слова. Разве мог он сомневаться в ее ответе брату?.. Но сейчас он чувствовал, что не Нюрин, а его, Заурбека, ответ на безмолвный Нюрин вопрос встал между ними. Заурбек вспомнил почему-то отца, поднявшего кинжал над склоненным ногойцем. Тогда он – мальчик – Заурбек бросился между ними, и не пролилась кровь. А теперь? Перед лицом ночи, луны и Бога они стоят вдвоем, и нет никого, кто бы мог третьим войти между ними и указать им пути судеб.

– Можешь ли ты понять, – сказал Заурбек, – если бы я любил тебя меньше, я бы не расстался с тобой. Если бы я любил тебя так, как любят все; если бы я любил тебя так, как любил и, вероятно, буду любить других женщин, я бы женился на тебе. Но, Нюра, я вижу, я знаю, я убежден в этом так, как в том, что сейчас светит луна, а не солнце... Или ты, или то, что мне предопределено судьбой. Можешь ли ты понять – я чувствую с какой-то палящей остротой, что сейчас делаю выбор. Вот сейчас, здесь, в этом саду – решается моя судьба. Если я пойду за тобой, исчезнет какая-то мечта, которая заставляет мою кровь бурлить, подобно потоку. Я не смогу поделить себя между тобой и тем, чего я не знаю, но что ожидает меня впереди. Впереди меня ожидает что-то, и это что-то я должен сделать...

– А-а-ах, зачем эта ночь
Та-а-ак была хороша...

Из учительского окна донеслись звуки, и эти звуки смутили Заурбека. Они спутали и смешали нечто необъяснимое, необыкновенное и странное, чем наполнена была его душа, с тем, что живет всегда и всюду; живет серой, цепкой, противной и скучной жизнью. Ему казалось, что он только что разорвал какой-то круг; что он вышел на необъятный простор; и простор этот вонзился в его грудь холодным всеочищающим огнем... И вот – гнусавенький учительский тенорок...

– Я не говорю тебе, Нюра, что меня ожидает счастье. Я не говорю, что буду делать что-нибудь доброе, от чего людям будет радостно и хорошо... Ради Бога, не плачь...

Но Нюра плакала. Слезы – это такая вещь, которая иногда приходит сама.

Доведя свой рассказ о Нюре до этого места, Заурбек умолкал. Так что я не знаю, что отвечала Нюра. Да и нужно ли знать? Они расстались. Они расстались и не слышали друг о друге около двенадцати лет.

Осенью 1918 года, в столице «Вооруженных Сил Юга России» (так назывались тогда войска Добровольческой армии) Заурбек еще раз – и в последний раз – встретился с Нюрой.

Произошло это так.

Антикоммунистический фронт, державшийся на Тереке с июня по октябрь, был сломан и разбрызган. Часть восставших, находившаяся на востоке от Моздока, ушла в Дагестан. Другая часть, имевшая фронт против Пятигорска, выбирая дальние пути, перекинулась на Кубань. Войска Заурбека, охраняя огромный обоз беженцев, к середине ноября были уже в Баталпашинске – небольшом городке прифронтовой полосы. Согласно боевым правилам, впереди главной колонны отступавших войск двигался авангард. Согласно политическим правилам войны, впереди авангарда мчались клеветники, спешившие в центр, чтобы там, в штабах, кружках и в салонах многочисленных кумушек очернить Заурбека. Во имя справедливости должно отметить, что клеветники отделились от заурбековских войск лишь по минованию опасности встречи с отрядами коммунистов.

Таким образом, в то время как непредупрежденные газеты гремели славу тому, кто единолично поднял Кабардинский народ; кто не знал поражений; кто привел Добровольческой армии две тысячи кабардинских наездников – в это самое время, где-то там, в тишине закулисных шушуканий, зрела интрига. Напрасно Заурбек осаждал штаб Главнокомандующего телеграммами: они оставались без ответа. Тогда он послал Деникину посла с сообщением, что вслед за ним он выезжает для доклада. Деникин написал: «Ожидаю доклад».

Итак, Заурбек, окруженный свитой, прибыл в центр. По улицам центра двигались в таком порядке: впереди – Заурбек, стройный, сухощавый, широкий в плечах, узкий в талии, среднего роста. Справа от него двигалась улыбающаяся туча – Хабыж. Слева – я. А позади – для ради изумления народов – гигант Маштай и маленький Хазеша*. Хазеша – герой японской и мировой войн – носил на груди иконостас: четыре георгиевских медали, четыре георгиевских креста и еще две золотые медали за беспорочную службу в милиции. Говорил Хазеша хриплым командирским басом. Он даже на Заурбека позволял себе кричать. Усы Хазешины торчали сердито. Его

* Х а з е ш а Д и к о в. Эмигрировал в 1920 году.

усы были свирепее усов Вильгельма. Рядом с Маштаем, переросшим к этому времени сажень на вершок с небольшим, Хазеша казался старым ребенком. Это обстоятельство ужасно его сердило, и он не пропускал случая показать, что, в сущности, первый человек в Кабарде – это именно он, и никто другой.

Выйдя из приемной Деникина, Заурбек сказал:

– Какой замечательный бас у этого генерала! Я думаю, если он крикнет «смирно», так целая дивизия услышит... а может быть, даже корпус! Впрочем, – добавил он, – мы сегодня приглашены на бал. Там будут иностранцы.

Вечером, все пятеро, мы входили в залитый огнями зал, предназначенный для танцев. Вдоль разукрашенных зеленью и разноцветными флагами стен вытянулись ряды столиков. Распорядитель, краснощекий юноша в красно-черных погонах, с бантом национальных цветов, с изображениями черепа и костей на рукаве, указал Заурбеку столик в одном из дальних углов. Местонахождение стола не удовлетворило Хазешу. Он схватил распорядителя за рукав:

– Подожди, землячок, – всех, кто не принадлежал к кавалерии, Хазеша называл «землячок», искренно убежденный, что все они и есть землячки, – покажи нам стол лучше!

И говоря так, он, немного отвернувшись в сторону, чтобы никто не заметил, где у него хранятся деньги, вытянул здоровенный бумажник, туго набитый и перевязанный красной лентой, снятой с какого-то убитого комиссара. Оскорбленный распорядитель обратился к Заурбеку с протестом.

– Хазеша! – крикнул Заурбек.

Хазеша, походивший в этот момент на змею, которой наступили на хвост, сердито посмотрел на распорядителя, спрятал бумажник обратно.

– Когда хотят оскорбить хозяина, – сказал он по-кабардински, – тогда ему предлагают деньги. Твоя душа, Заурбек, смиренная, как воробушек!..

Между тем музыка играла, танцующие танцевали, сидевшие за столиком пили вино. Многие узнавали Заурбека по

фотографиям, помещенным в газетах, подходили знакомиться, издали поднимали бокалы и пили за его здоровье. В двенадцатом часу, когда расступившаяся толпа пропустила Деникина с поклонами, но без рукоплесканий, когда воздух танцевального зала превратился в пустыню Сахару, а вино, как говорится, «сделало свое дело», к столику Заурбека подошла группа иностранцев. Это были французы. Впереди других шла дама с подносом в руке, в сопровождении знакомого уже распорядителя. Он выступал теперь в качестве переводчика. За ними, шаркая ногами по паркету, в штатском, но с военной манерой держать плечи, подошли французы. На подносе стояли пять бокалов шампанского. Француженка, поглядывая на Маштая, прощebetала несколько фраз и без особых размышлений протянула Заурбеку руку, норовя попасть прямо в губы, украшенные пушистыми усами, завернутыми в кольцо. Заурбек – он всегда был галантен – поцеловал французскую руку. Поцеловал и я. Но когда, вслед за мною, француженка протянула руку в сторону Хазеши, он отскочил, как волк, хвост которого попал в капкан:

– Ана сены... ана сены...¹ – только и мог выговорить возмущенный в своих лучших чувствах Хазеша.

Заурбек попросил переводчика извинить Хазешу:

– Хазеша воспитан в горах, а там не принято целовать дамские ручки.

...Французы просили Заурбека станцевать «данс де Кавказ». Они так много слышали о «герое Кабарды», они надеются, что их просьба не затруднит и не обидит Заурбека.

Когда составили круг и с эстрады, где находился оркестр, полились волнующие звуки лезгинки, Заурбек, засучивая широкие рукава черкески, вышел на середину. Его папаха, украшенная зеленой лентой, с вышитыми на ней полумесяцем и звездой, была сдвинута чуть-чуть набок. Темно-алая черкеска плотно облегла плечи и талию, обрисовывая линии его высушенного и закаленного походами гибкого тела. На поясе висел кинжал, справа – наган, слева – маузер с вызолоченной ручкой. Кровных врагов у Заурбека было больше, чем патро-

¹ Бранные слова.

нов в обоих револьверах. Мягкие ноговицы позволяли Заурбеку ступать легко и неслышно. Он шел той особой хищной и изящной в то же время походкой, которая присуща только рожденным в горах. Его глаза горели, выдавая волнение. Крупные губы улыбались самонадеянно и презрительно: эта улыбка как будто говорила – я извиняю любопытство тех, кто на меня смотрит. Незаметно от простого прохаживания он перешел к танцу. Он вскинул руки, и каждый, кто имел глаза, увидел, что за его плечами выросли крылья: черные крылья зловещей жестокой птицы. Он сделал скачок – вздрогнули брови, положенные, как две стрелы, омоченные кровью, и потом застыли, разделенные продольной морщиной, о которой говорят, что эта морщина – знак немилосердной судьбы. Ноги Заурбека превратились в вихрь и казалось – от них исходит дыхание бури. Стремительный, как коршун, плавный, как лебедь, то рыскающий волком; то замиравший, словно статуя, изображающая невыносимый восторг – он танцевал, и танец его повествовал о жизни, в которой пламенная, как только что пролитая кровь – страсть перемежается со взлетами гнева и печалью падения с высоты. В момент, когда все расширяя и расширяя круги своего полета, Заурбек намеревался пристать, как пристаёт корабль, претерпевший бурю, к ожидавшим его друзьям – какой-то господин в черкеске, но в лакированных сапогах, выдававших его негорское происхождение, выскочил в круг. Он сделал это так неловко, что толкнул Заурбека... Толкать! Во время танца!.. Это одно из ужаснейших оскорблений. Разъяренный Заурбек повернулся к дерзкому и, продолжая танцевать, выхватил маузер. Приставив маузер к самому носу господина в лакированных сапогах, он выпустил обойму в потолок. Сухая трескотня выстрелов подняла в зале переполох. Дама в кружевном декольте, только что лорнировавшая Заурбека, упала в обморок, испустив тонкий пронзительный визг. Какие-то молодые люди целым табуном примчались к этой даме, имея в руках стаканы с водой, разлитой по дороге. Сидевшие за столиком поднялись, вытягивая шеи, словно телята, обнюхивающие вымя незнакомой коровы, принятой случайно за мать.

– К кому это относится? – заикаясь, спросил господин в лакированных сапогах.

– К вам, если угодно...

Заурбек стоял уже спокойный. По-видимому, его больше занимала родинка, смешно торчавшая из уха неудалого танцора. В самом деле, это была большая родинка, с длинными волосами, ее хотелось потрогать руками.

– Я вызываю вас! – сказала, наконец, родинка.

– Пожалуйста, когда угодно.

Но дуэль не состоялась. Когда тут же выбранные секунданты сообщили друг другу фамилии дуэлянтов, господин с родинкой и сапогами согласился принести извинение.

– Так вы и есть Заурбек – вождь кабардинцев!.. Нет, нет, с вами я не могу драться. Ведь я слышал о вас. Помните ли вы Анну Сергеевну? Она здесь, она часто вспоминает...

На следующий день, вечером, в экипаже, заставленном свертками, корзинками и ящиками, Заурбек, я и Хазеша ехали на Толстовскую улицу. Хазеша никак не мог забыть француженку. Отплевываясь и ругаясь последними словами, он поминутно вытягивал кусок материи, странно напоминавший верхнюю часть наволочки, и вытирал им губы. Я убежден, что, в сущности, Хазеша был благодарен француженке и ее невоспитанному (по его мнению) жесту. Ведь подумать только: целую неделю есть чем возмущаться!.. Есть люди, которые буквально несчастны, когда не имеют предлога ворчать.

– ...Ему сказали, что я бандит, – сказал Заурбек, – вот я и расписался на потолке, что я бандит.

Я понял, о ком идет речь: Заурбек не любил подробно передавать свои разговоры с начальством.

Экипаж въехал на Толстовскую улицу:

– Номерочек-то какой ищите? – оглянулся с козел ямщик.

Когда мы остановились у подъезда дома, в котором жила Нюра, а ныне Анна Сергеевна Н., жена подполковника, Заурбек приказал мне идти вперед, вызвать Анну Сергеевну и спросить у нее разрешения войти. Так я и сделал. Позвонил. Впечатление было такое, что звонок раздался в пустом доме. Не знаю почему – волновался и я. Издалека донеслись нерв-

ные стуки каблуков о паркет. Двери были стеклянные. За стеклом появилась фигура женщины, среднего роста, в короне темных волос, вьющихся и капризных, широкой в плечах, с руками сильными и энергичными. Ее лицо, казавшееся сквозь стекло бледным, смотрело удивленно и ожидающе.

Она приоткрыла дверь:

– Вам кого? – скорее прошевелили, чем произнесли губы.

Но едва я начал:

– Начальник Кабардинской...

Она прервала меня каким-то не криком, но невыразимым воплем:

– Заурбек?! Да? Заурбек?

Казалось, что не голосом, а всей грудью, всем лицом, даже руками, она выкрикнула это имя. Но крик этот не был звучным. Она почти шептала... Тот, чье имя произнесено таким голосом хотя бы один только раз, может умереть спокойно: он жил недаром...

Потом, когда мы сидели в гостиной, Анна Сергеевна призналась, что едва, увидев мой костюм, она уже была охвачена предчувствием, что я от него.

– Нюра, – сказал Заурбек, – Нюра, помните?

– Все, все помню. Как будто вчера...

– И разговор тот помните?

– И разговор, да, и разговор... Садитесь, ради Бога... Как ваше имя? – обратилась она ко мне.

Между тем Хазеша, не принимавший участия во всей этой сцене, был занят перетаскиванием свертков, ящичков и корзинок, лежавших в экипаже. Все приносимое он старательно складывал на столе. Его папаха была надвинута на самые брови. Мне показалось, что под бровями мелькнула скудная скупая слеза. Последнюю из принесенных вещей Хазеша, кряхтя и бормоча кабардинские слова, истинный смысл которых был понятен лишь Заурбеку и мне, энергично запихивал под диван.

– Эй, Хазеша! Что это там? – Заурбек отлично помнил, что ни одна из купленных им вещей не предназначалась лежать под диваном.

Вопрос Заурбека подействовал на Хазешу, как удар бича:

– А потом ты скажешь: Хазеша, иди, позови извозчика!.. А потом ты будешь спрашивать: Хазеша, где наш извозчик?.. – Хазеша буквально задыхался от злости.

– Да в чем дело? Покажи, что это у тебя такое?

Хазеша вытянул из-под дивана переднее сидение экипажа, снимающееся с шарниров, и фонарь. Обе эти принадлежности экипажа он взял в залог: без них извозчик не удержит... То были времена, когда и в центре действовал не столько общественный порядок, сколько личный... Произвол во имя порядка.

...Дети Анны Сергеевны давно уже спали в отдаленной от гостиной спальне. Хазеша не терял время с кухаркой: оттуда, из кухни, время от времени доносился сдержанный визгливый смех. В гостиной, в полутьме, при завешанной каким-то фантастическим колпаком лампы, сидели так: у рояля – Анна Сергеевна; поближе к ней, за столом, Заурбек; за противоположным концом стола, на диване, – я. Весь стол был занят консервами, фруктами, сладостями и всякой всячиной – какую только можно было достать. Одиноко возвышалась бутылка искристого французского вина. Из нас троих один я познакомился со вкусом винограда, растущего в провинции Шампань. Анна Сергеевна играла и иногда долго-долго не отрывала своего взгляда от нот, хотя уже давно прозвучал последний аккорд. Заурбек пел. Несколько строчек одного из романсов запомнились мне на всю жизнь:

Я вновь пред тобою стою очарован
И в ясные очи гляжу... И мыслю:
– О, ангел! – какую ценою...

Признав, как святыню, во всем твою волю,
Могу об одном лишь молить:
Чтоб ты мою жизнь, мою горькую долю –
Заставила вновь полюбить...

Чтоб Ты (с ударением пел Заурбек)
мою жизнь и проклятую долю
Заставила вновь полюбить...

...Что он вкладывал, что он хотел вложить в эти простые слова старинного романса? Почему его доля – проклятая? Неужели он, чья голова оценена коммунистами в пятьсот тысяч рублей, он, первый человек в Кабарде, он, собравший две тысячи всадников, готовых ежеминутно жертвовать жизнью, когда так легко уйти в глубь лесов и там, без риска и опасностей, переждать грозу и бурю гражданской войны... Он, рискующий своей жизнью столько раз, сколько волос на голове самого лохматого горского жида... Он, стрелявший между глаз, глядевших на него в предсмертной тоске... Неужели его доля горькая и проклятая? Неужели он променяет – мысленно променяет, ибо в действительности путь, на котором он стоит, приводит или к победе или к смерти – положение вождя на положение мужа или любовника этой женщины?.. В душе моей поднималось недоброжелательство против Анны Сергеевны. Мне хотелось встать и сказать:

– Оу, Заурбек! Из тех людей, которые за тобою пошли, здесь присутствую один я. Но я один напоминаю о тех, кто идет за тобою...

Но какая-то предательская тоска сжимала мое сердце. Я сознавал, что цену крови и цену любви установить нельзя.

Петербург. Видяин

...Когда гимназистка Нюра и реалист Заурбек расстались в городском саду, она ушла домой, а он направился к той части сада, которая примыкала к дому распевającego романсы учителя. Трудно сказать, что именно влекло Заурбека к учителю. Хотел ли он излить чувства, бунтовавшие в его груди? Или он обдуманно шел к тому, что явилось следствием его объяснения с учителем?.. Как бы там ни было, но, дождавшись ухода Нюриногo брата, Заурбек приблизился к окну, откуда все еще раздавалось брeнчание гитары.

– Послушайте, сеньор! – крикнул Заурбек, – Эй, Мартын с балалайкой, сойдите-ка на минуту вниз. Нам есть о чем переговорить...

Учитель перегнулся через подоконник. Увидев Заурбека, стоявшего в вызывающей позе, походившего в этот момент на маленького боевого петуха, учитель рассмеялся:

– А, это ты, маленький Дон-Жуан! Что тебе надо?

Три слова: во-первых, «ты»; во-вторых, «маленький» и, в-третьих, «Дон-Жуан», окончательно взбесили Заурбека.

– Сойди вниз, трус поганый, – вне себя завопил Заурбек, грозя кулаком, – или я посмотрю, какого цвета жидкость течет в твоих жилах...

Но учитель не желал принимать боя. Он отбежал на мгновение от окна и вернулся, держа в руках ведро воды.

– Сейчас же убирайся вон, – совершенно серьезным тоном предупредил учитель, – убирайся, не то оболью...

Такого оборота дела Заурбек не предвидел. Он шел с раной в сердце; он испытывал трагический разрыв рассудка и сердца. И вот – ведро воды... Все можно перенести, но насмешку?!

Тот, кто видел кошку, несущуюся в каком-то бешеном беспамятстве по головокружительным карнизам, тот может представить себе Заурбека, в один миг вскарабкавшегося по стене к окну. Учитель еще не успел сообразить, что, собственно, происходит, а Заурбек уже стоял во весь рост на подоконнике.

– Вот тебе, Дон-Жуан! – сказал Заурбек, едва переводя дыхание, но изо всех сил стараясь говорить спокойно.

Ведро воды, предназначенное Заурбеку, окатило учителя. Не всматриваясь в плоды победы, Заурбек спрыгнул с окна и, как говорится в романах, «исчез во мраке ночи».

Однако борьба между учителем и учеником закончилась победой учителя: Заурбека выгнали из училища «в двадцать четыре часа». Возвращаться в таких обстоятельствах домой ему казалось невозможным. Остаться в городе, где находилось училище, ему было запрещено. Заурбек вспомнил о старшем брате, Хаджи-Мурате, служившем в это время в Петербурге. Туда, в столицу империи, он и поехал.

Когда наша беседа у мамыши касалась города Петра, обычно оживленный и увлекающийся собственными воспоминаниями Заурбек увядал, и слова его делались растянутыми, как резина. Я знаю только, что он намеревался стать поэтом. И так как люди типа Заурбека в поэзии желают быть Пушкиными, точно так же, как в военном деле Наполеоном, он начал с того, что отпустил бакенбарды и зачесал волосы на затылок. В поэтическом отношении Заурбек был одарен.

В одной из последующих глав я приведу его стихи. Однако он ошибался в себе, становясь на путь подражания Пушкину.

В поэзии ему явно не повезло. Несколько колких ответов редакций ужалили его самолюбие и убедили в том, что стихи – не его стихия. Он отказался от карьеры поэта. И все-таки малейшее напоминание о давнишней неудаче приводило его в состояние крайнего и непонятного для непосвященных раздражения. Он, например, ненавидел жгучею ненавистью людей, носивших баки. Однажды он получил письмо, адресованное «Александрю Сергеевичу» такому-то (стояла его фамилия). Надо заметить, что дед Заурбека был магометанин, а отец перешел в православие. Правда, как большинство кавказцев, принимавших русскую веру, он был, в сущности, двоевером: и магометанином, и православным. Он носил два имени: магометанское Аслан-бек и христианское Михаил.

Дети его были крещены по православному обряду. При крещении Заурбека нарекли Александром. Но он не переносил, когда его называли Александром (замечу в скобках, что, будучи взрослым человеком, Заурбек принял магометанство и таким образом вернулся к религии предков). Итак, однажды он получил письмо, адресованное Александрю Сергеевичу. Здесь были две ошибки. Заурбек уже не был Александром. Его отец никогда не был Сергеем. Вместе взятое – Александр Сергеевич – напоминало Пушкина и, значит, Петербург, и... неудачу в поэзии...

– Они лучше сделали бы, просто написав «Пушкину», – сказал Заурбек, разрывая письмо на клочки и выбрасывая его в корзину. Потому, как летели нервно скрученные бумажки,

можно было видеть степень раздражения Заурбека. Это случилось как раз в тот день, когда повесили комиссара Видяина.

Видяин * . Комиссар. Коммунист и председатель Коммунистической партии в столице Кабарды. Маленький человек с грандиозным самомнением. Жестокий: он принес обильную жертву богине Революции. Страдая хроническим флюсом, он собственноручно расстреливал обреченных, желая отвлечь зубную боль и растворить ее в острых переживаниях. Этот самый Видяин, узнав о наступлении заурбековских войск, сказал: «Заурбек возьмет наш город? Ха, ха! Это сон серой кобылы». Но сон исполнился. Заурбек был здесь, и к нему привели пойманного на вокзале комиссара Видяина.

– Здравствуйте, товарищ Видяин, – приветствовал его Заурбек, сидя в кресле. Кресло стояло около топившегося камина. Заурбек, разговаривая с Видяиным, время от времени протягивал зябнувшие руки к камину. В комнате было холодно.

– Здравствуйте, товарищ Заурбек! – бодро ответил Видяин.

Но из рукавов его смятой шинели вытекали струйки пота: душа Видяина изнывала в смертельной тревоге. Позади комиссара стояли двое конвойных, с шашками наголо. В комнате находилось еще несколько человек.

– Так что, сон серой кобылы, говорите?

– Кто не ошибается?

– А ведь ваши дрались неважно!

– Ну что же, «сегодня вы, а завтра мы», знаете эту песенку?

– Песня хорошая... Да вы сядьте, Видяин, я давно хотел с вами побеседовать.

Заурбек указал ему место подле себя, на стуле. Видяин сел. Лицо его было пепельно-серое, все в морщинах, по которым стекал пот.

* Видяйкин Дмитрий Никитович (1887–1919). «В марте 1918 г. ...Д. Видяйкин был назначен помощником начальника военного штаба [Е. Полунин], позже – помощником военного комиссара Нальчикского округа [А. Крутов, далее – Д. Коваленко]. Весной 1918 года вступил в члены РКП(б)» (Цит. по: Улигов У. А., Шабает Д. В. За власть Советов. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 40).

– Я вас хотел спросить, – начал Заурбек, – почему вы решили, что именно коммунизм осчастливит Россию и наши края. Насколько я знаю, коммунисты проповедуют классовую борьбу. Не так ли?

– Да, – вздохнул Видяин.

– Кто и против кого, собственно говоря, должен бороться? Этого я никогда не мог понять... Вы называете свою власть «рабоче-крестьянской», но вы первым делом организовали в деревнях «комитеты бедноты» и науськали их на крестьян. Вы разрушили заводы и тем лишили рабочего куска хлеба. Но все это еще куда ни шло. Я хочу вас спросить, Видяин, почему вы из всего народа выбираете худших? Почему вы в самом человеке будите поганого зверя, злого, жестокого и алчного? Вы знаете, в чем смысл истории, государства, религии, культуры и всяких таких вещей? Не в том ли, чтобы из скотины-зверя сделать человека? Вы говорите: «Бога нет» – и вытравляете в человеке те чувства, которые принадлежат Богу и украшают каждого из нас, смертных. Вы говорите: «Главный закон жизни – это борьба». Да еще всеми средствами. Отлично. Если бы я попал в ваши руки, вы убили бы меня... убили бы?

Заурбек повернул к Видяину только глаза, лицо его осталось обращенным к камину. В глазах Заурбека отражались искры камина. Видяин смотрел вниз, он не ответил.

– Молчите? Ну, я отвечу за вас: конечно, убили! Так вот, и мы вас убьем, убьем по вашему закону... Но вы все-таки скажите: каким образом из борьбы можно построить семью? Ведь семья – это как раз не борьба, а согласие. Как вы хотите создать государство, ведь государство служит гражданскому миру!.. Говорите же, товарищ Видяин.

...За окном прошли солдаты. Слышался лязг подкованных каблуков, перекрываемый криком: «Раз-два, раз-два».

– Вот ваш коммунистический идеал – солдатская казарма: первая рота, вторая рота... Как улицы в Петербурге.

Заурбек сидел теперь лицом к лицу с арестованным комиссаром:

– Слово принадлежит вам, товарищ.

Видяин нахохлился, он напоминал птицу под струями холодного дождя. О чем он думал? Что если бы существовал какой-нибудь внутренний кинематограф, запечатлевающий мысли, вихрящиеся в голове у приговоренного к казни? Что бы это было? Может быть, Видяин вспоминал молодость? Ведь у каждого человека была своя первая и последняя любовь... Может быть, он думал о тех, кто стоял перед ним в таком положении, в каком он сам находился сейчас перед Заурбеком? Неужели воскресла перед ним картина расстрела?..

Расстрелы происходили на седьмой версте. Осужденных сажали в вагон и под покровом ночи и конвоя везли – везли на убой. Около невысокого холма ожидали те, кто должен был убивать. Когда расстрелы бывали зимой, ожидающие убийцы приплясывали, шутя дрались друг с другом и бранили мороз и тех, из-за кого они стоят на морозе. Но вот приближался поезд. Осужденные выходили гурьбой и поодиночке. Отстававших подбадривали приклады. Осужденным раздавали лопаты: рыть могилу себе. Иногда старший из убийц ошибался местом, и роющие смертную яму натыкались на едва прикрытые землей трупы. Бывало и так, что изголодавшиеся осужденные не в силах были выкопать себе могилу. Тогда с омерзительной бранью конвойные и убийцы вырывали из их ослабевших рук лопаты и сами принимались за работу:

– Гляди, – говорили они при этом, – вот как надо работать! Эх, вы, дерьмо, – люди...

Над готовой ямой осужденных раздевали догола: к чему одежда? На «тот свет» можно идти и без костюма. При дележе добычи случались ссоры. Какой-нибудь здоровенный красноармеец облюбовал себе брюки из настоящего заводского сукна, и вот – на тебе, радуйся! – их отнимает старший.

Во избежание такого рода скандалов некоторые из расстреливавших не отпускали обладателя костюма от себя:

– Стой здесь, не уходи! Будешь сымать сорочку – мне отдашь, слышал?

Обнаженных дрожащих людей выстраивали над могилой.

Мужчины и женщины, старики и юноши – стояли рядом. Убийцы, не торопясь, – они привыкали быстро к своему ремеслу – становились напротив...

– ...Я второй день не ем, – сказал, наконец, Видяин, – прикажите что-нибудь дать...

Эти простые слова, вполне естественные в устах голодного человека, каким-то оскорбительным чудом изменили настроение комнаты. Ведь суд, и расправа, и самое убийство имеют, так сказать, стиль. Стиль этот был нарушен: обвиняемый, от которого ждали слова защиты, обличения, угрозы или мольбы, попросил есть.

– Комендант!

Один из бывших в комнате выступил вперед, к Заурбеку.

– Прикажите отвести Видяина в одиночку при комендантском управлении. Дайте ему обед, чернила и бумагу. А вы, товарищ комиссар, – обратился Заурбек к Видяину, – будьте так добры после обеда присесть за стол и написать все, что найдете нужным в оправдание своих действий.

Когда уводили Видяина, кто-то из присутствовавших остановил его вопросом:

– А позвольте вас спросить, а что если вам предложить перейти к нам? Ведь, говорят, вы хороший оратор? Мы вас устроили бы в отдел пропаганды.

Видяин посмотрел на говорившего, усмехнулся, пожал плечами:

– Что ж, – сказал он, – известно: из мужчины женщину не сделаешь... Почему из красного не сделаться белым?..

Едва только арестованный в сопровождении коменданта и конвойных скрылся за дверьми, Заурбек приказал вернуть коменданта.

– Слушайте, дорогой, – сказал он ему, – вы посмотрите за тем, чтобы Видяина действительно накормили. После обеда выдайте ему бумагу и все такое. Хотя, я думаю, что он, как умный человек, едва ли станет писать... А после этого прикажите дать ему двести палок. Только следите, чтоб насмерть не забили... Завтра утром вызовите фельдшера и прикажите ему зашить рот господину Видяину. Он ему вряд ли понадобится.

И в таком виде доставьте его на площадь, к десяти часам утра. Там мы его повесим.

Наступило утро. Воздух был чист и прозрачен. В прекрасной и поднимающей душу близости сияли горы. От реки несся привычный шум, казавшийся простенькой шуточной мелодией. Небо было такое радостное и голубое, что каждый видел, что оно создано для молитвы. На одной из отдаленных улиц, поросших мирной травой, стояли у плетня двое. Она и он.

– Неужели опять в поход? – спросила она, и ее нижняя губка недовольно поднялась вверх, а ресницы опустились и бросили тень чуть ли не на всю щеку.

– Ничего-о-о! – успокаивающе протянул он. – Я опять вернусь, и снова будем целоваться от зари до зари.

– А сейчас ты куда бежишь? Вечно мотаешься, я тебя и не вижу совсем...

– А сейчас, видишь ли, миленькая, я назначен в наряд, на площади будем вешать Видяина. Я быстро вернусь.

– Знаем твое «быстро»... Смотри, суп остынет – сам будешь разогревать!

– Не сердись, не сердись, голубушка... Ой, ой, уже половина десятого, бегу!

И еще раз наскоро поцеловав голубушку, он умчался.

На площади стояло несколько деревьев. Никто еще не знал, на каком именно дереве будут вешать. Но велика, хотя и непонятна, сила предугадывания в человеке: почему-то толпа собралась около древнего гиганта, простершего ветви далеко – во все стороны. Толпа не ошиблась. К десяти часам утра к этому дереву привели Видяина.

...Когда люди любят, они непременно стремятся найти какое-нибудь укромное местечко: или рожицу, или тенистую аллею, или овраг, или, наконец, если это происходит на балу, парочки уединяются в дальний уголок, под сень какой-нибудь настоящей или фальшивой пальмы.

Когда люди убивают, они обязательно делают это или около стены, или в овраге, или у холма, или в каменоломне, или на поляне в лесу. Одним словом, требуется почему-то как бы

естественное укрытие людскому (людскому?) деянию. Вероятно, в обоих случаях, т. е. в случае любви и в случае смерти, в нынешних поколениях звучит голос пещерных предков. Вероятно, голос этот неистребим: любовь и кровь – это нечто большее, чем человечество и его фантазии.

Видяин стоял под деревом, с руками, связанными сзади, рот его был действительно зашит. На подбородке засохла кровь. Полы его шинели были покрыты темными пятнами. Быть может, эти пятна были тоже кровяными. Но то была кровь не Видяина, а тех, кого он казнил, страдая флюсом.

Палач вскарабкался на дерево. Он был занят пристраиванием петли к одной из ветвей. Распоряжавшийся казнью громко прочел приговор. Видяин стоял неподвижно. Толпа застыла.

А там, вверху, в небесной голубизне, Царь Света совершал свой золотой путь.

– Айда! – сказал распоряжавшийся казнью.

Раздался глухой удар – это выбили ногой ящик из-под ног Видяина. И тотчас, ни на секунду позже, прозвучало ясно и отчетливо:

– Да здравствует Советская власть!

Это крикнул Видяин – он таки прокусил шпагат, связывавший его губы. Веревка, на которой он повис, оборвалась, он упал на землю...

Тогда выступил вперед Заурбек.

– Эй, Таукан! – крикнул он.

Из рядов вышел мужчина, весь заросший, в коротком бараньем тулупе, препоясанный громадным кинжалом.

– Слушай, Таукан, если этот человек скажет еще одно слово, отрежь ему его поганный язык.

– Хунш (хорошо), – ответил мрачный Таукан, приблизился к тому, кто от первой смерти переходил ко второй, и вытащил свой невероятный кинжал.

Но в это время какой-то животный истошный визг разорвал воздух. Он подействовал на толпу так, как действует удар пастушьего бича на овец. Все расступились, давая дорогу визгу. А он, режа толпу водорезом, направился прямо к тому месту, где стоял Заурбек:

– А... а... а... – визжала пожилая худая женщина в черном костюме, похожая на монахиню. – Нельзя!.. Нельзя убивать... Бог не позволяет убивать... А!

Она вытянула обе руки, со скрюченными пальцами по направлению к лицу Заурбека. Никто не осмелился стать между ними.

– Убрать эту женщину!..

Но никто не двинулся исполнять приказание Заурбека.

– Убери ее, Таукан, эй!..

Таукан, косолапо ступая, подошел к женщине в черном, поднял ее на руки и унес. Она захлебнулась в крике. Толпа испуганно глядела на них. Никто не заметил, в какой именно момент умер комиссар Видяин.

Заурбек и полковник Юрий

Я знаю, что я пишу беспорядочно: не окончив одно, принимаюсь за другое. Но – Боже! – каждый, кто пишет, в писании отражает свою жизнь: жизнь моя беспорядочна. Восстанавливая извилистую ленту событий тех времен, я вижу сейчас, как прихотливо, как своевольно эта лента выкручивается и блуждает. Вслед за нею блуждаю и я...

С какого момента началось это блуждание? С начала войны? Нет, война не зигзаг, а прямая линия, ведущая от жизни к смерти... С начала революции? Да! Это верный ответ. Ибо сущность революции в том, что она – зигзаг. Если вы захотите провести на бумаге прямую линию, но в каком-то пункте у вас дрогнет рука и вы сделаете зигзаг – вот это и есть точное изображение революции. Наша страна – наша великая Родина – дрогнула. Дрогнула и потрясла мир.

Кабардинский конный полк, в котором служил Заурбек, долго не поддавался напору революционных волн. Не дисциплина, а обычаи старины крепко сдерживали тело полка. Но

душа полка отлетела в небытие вместе с душой многомиллионной Русской армии.

Где-то там, в глубине России, в Москве и Петербурге, разгорался пожар, но здесь, на юге, у подножья Кавказских гор, настоящая революция только еще начиналась. До Нальчика (где расположен был Кабардинский полк) доходили слухи о том, что в Москве укрепилась власть народных комиссаров; на Дону и Кубани формируются антибольшевистские отряды Корнилова и казаков; из Грузии образовалось самостоятельное государство. Соответственно этим трем направлениям в Кабарде создавались три группы: одна – за большевиков, другая – за Корнилова, третья – за самостоятельность и отделение от России. Заурбек не принадлежал ни к одной из этих групп. Поэтому те, кто шел за большевиками, считали его корниловцем; те, кто шел за корниловцами, считали его большевиком. Приверженцы идеи самостоятельной Кабарды видели в нем предателя народа. Русские офицеры, составлявшие большинство офицерского состава Кабардинского полка, называли его самостийником.

Заурбек же говорил: «Коммунистическая революция – это пламя, которое должно опалить и сжечь народы. Придет момент – и из пепла восстанет Феникс. Подождем этого момента. Бороться с народным движением можно лишь тогда, когда в народе произошел перелом, и он готов принять новую правду. В чем эта новая правда? Я не знаю, и никто еще не знает. Она будет ясна после коммунистической пытки».

Из ста слушавших эти слова, быть может, один думал, что постигает их смысл. А девяносто девять делились на две части. Одна из них говорила: он – большевик. Другая: он втайне что-то замышляет.

При таких обстоятельствах удивительно ли, что Заурбеку ставили в вину каждый его шаг и в прошлом, и в настоящем?..

– Знаете ли вы, – говорил какой-нибудь старослужащий офицер другому, недавно поступившему в полк. – Знаете ли вы историю с Кривчиком? * О, это было дело... Тут он себя

* Кривчик Яков Ефремович, старшина слободы Нальчик. Расстрелян в 1927 году постановлением Коллегии ОГПУ за поддержку белогвардейских властей.

показал... Это случилось в 191... году. Наш полк стоял на позициях. Пополнения собирались в Нальчике и отсюда, после выучки, направлялись на фронт. Вскоре после того, как был убит Хасан-Бий*, младший брат Заурбека, начальник дивизии, великий князь Михаил Александрович, получает телеграмму: «Прошу разрешить заменить собою убитого брата в родном Кабардинском полку». Великий князь спросил: «Кто знает Заурбека?» Большинство не знало. А те, кто знал, пожали плечами. И были совершенно правы... Тем не менее нельзя же отказывать в такого рода просьбе. И вот Заурбека приняли в полк. Но предварительно хотели посмотреть: как он будет себя вести? Его назначили в тыл обучать пополнение, собиравшееся в Нальчик. Великолепно!.. В декабре, кажется, он прибыл в Нальчик, а уже в январе произошла эта история с Кривчиком. Дело было так: для пополнения были отведены несколько кварталов, и в районе этих кварталов всадники несли ночной караул. Надобно заметить, что большинство молодых кабардинцев, поступавших в пополнение, понятия не имело не только о грамоте, но и о русском языке. Однажды городской голова Кривчик, в сильном подпитии, возвращался откуда-то с именин, ночью, домой. Путь его лежал как раз через кварталы, занятые кабардинцами. Покачиваясь и напевая веселый мотив, он переходил Бульварную улицу. Стоявший здесь караул остановил его.

– Что надо? – грозно спросил Кривчик. Он чувствовал себя полным хозяином в городе. – Кто такие?

Кабардинцы не могли ему толком ответить, они не знали языка, но помнили наставления урядника, что караул обязан следить за порядком и останавливать пьяных – нарушителей тишины. Кривчик, конечно, догадался, что перед ним находится караул из молодых кабардинцев. Ему следовало бы объяснить им, кто он и куда идет. Однако в его жилах кипело

* Хорунжий Георгий (Хасанбий) Никифорович Серебряков, уроженец станицы Луковской (Моздок). В 1913 году окончил Елизаветградское кавалерийское училище. Служил в 1-м Сунженско-Владикавказском полку Терского казачьего войска. В сентябре 1914 года переведен в Кабардинский конный полк. Погиб 10 января 1915 года в боях у деревни Бережки в Карпатах. Тело было отправлено для погребения в г. Моздок.

вино, ему показалось оскорбительным то, что караул осмелился исполнять свои обязанности по отношению к нему – городскому голове! Он решил наказать дерзких. Городское управление находилось поблизости. Кривчик сбегал туда и привел несколько стражников. Все они набросились на молодежь, едва ли понимавшую, что с ними делают, и повели весь караул в кутузку. И здесь избili в кровь одного за другим. Ранним утром избитые кабардинцы вернулись в сотню и рассказали о ночном приключении. Заурбек – вы же знаете, какой он порох! – сжал кулаки и бросился на стоявших перед ним молодых всадников¹.

– Как же вы смели не убить его? – кричал Заурбек. – У вас были кинжалы?

– Были, – понуро отвечали ему.

– И вы после того хотите называться мужчинами?.. Прочь с моих глаз!

...На следующее утро Заурбек вывел всех кабардинцев на площадь, расположенную перед Городским управлением, и построил каре. Поглядывая на двери, откуда должен был выйти Кривчик, Заурбек ходил посередине каре, похлестывая свои ноги крепкой кабардинской плетью. Наконец, двери открылись и в них показался городской голова, с лицом надменным и неприступным. Быстрыми шагами Заурбек приблизился к нему, взял его под руку и пригласил следовать за собой, в середину выстроенных всадников. Кривчик, вероятно, почуял недоброе, но отступить ему было некуда.

– Вы городской голова, Кривчик? – громко спросил Заурбек.

– Да, я, – отвечал тот, насупившись и тяжело переводя дыхание.

– Эй, Шеретлоков. Тхамбельмишхов, Тляругов... выйти сюда! –

Когда вышли те, кто носил еще на лице следы побоев, Заурбек спросил Кривчика:

– Узнаете свою работу?

Кривчик, в приливе отчаяния, замахал руками:

¹ Всадниками назывались кабардинцы, служившие в полку.

– Они сами виноваты! Как они смели останавливать городского голову?..

– Вы это бросьте, дорогой, – спокойно возразил Заурбек. – Они исполняли свой воинский долг. А вот позвольте вас спросить: правительство вас поставило, чтобы вы следили за порядком или устраивали кавардак?

Кривчик молчал. Заурбек отодвинул его на длину вытянутой руки, взял за шиворот и обратился к всадникам:

– Вот, – сказал он, – вот человек, которого стыдно назвать человеком! Я вас называю мерзавцем! – добавил он, поворачивая к себе лицо Кривчика.

И потом с поразительной быстротой и силой согнул толстяка Кривчика в пояснице, зажал его голову между коленями и всыпал ему изрядное количество «горячих» в то место, откуда растут ноги. Можно сказать, что Заурбек бил его, пока не устала рука. Замечательно, что Кривчик ни разу не вскрикнул...

– А теперь – идите!.. Жалуйтесь сколько угодно и кому угодно!

Кривчик нахлобучил шапку и, не поворачивая головы, выскочил из каре.

Разумеется, жалобы полетели во все стороны. Заурбека вызывал начальник округа, требовали его во Владикавказ, к высшему начальству... Дело доходило до наместника на Кавказе... По городу кто-то пустил листовку, которая начиналась так: «Лавры Гинденбурга не давали спать молодому поручику Заурбеку...» и т. д. Вся эта история кончилась тем, что его послали на фронт. Но вы посмотрите, все-таки какой это своевольный и опасный человек! Он – настоящий самостийник...

...Кто-нибудь из слушавших, с улыбкой снисходительного презрения к рассказу, покачивал головой и говорил, растягивая слова так, как хлебопек растягивает тесто, испытывая его качество:

– Ну-у-у... эт-то что-о-о... А вот вы вспомните другой случай! Вот тут действительно, можно сказать, Заурбек «открыл свои карты»!.. Да-а.

– А что такое? – любопытствовал недавно поступивший офицер. – Как же он раскрыл карты?

– Вот так и раскрыл: полностью обнаружил свою лакейскую душу! Ведь ему главное – быть впереди других. А как, какими средствами – это для него в высокой степени безразлично. Ну, вот, например, назначили его начальником учебной команды. Команда эта составлялась из всадников всех полков Дикой дивизии. В команду принято было посылать самых отчаянных головорезов. Заурбек, вопреки уставу, муштровал их день и ночь. Офицеры команды буквально выбивались из сил. Всадники исхудали, лошади сдали в теле. А ему, конечно, плевать!.. Бывало так, что он промучает людей с шести часов утра до часу дня, даст полчаса на обед, а после обеда объявит отдых. Только что все расположатся облегченно вздохнуть, вдруг – сигнал! – тревога! – сбор... Что такое? – Где трубач? Трубач отдыхает вместе с остальными. Оказывается, это Заурбек взял на себя роль трубача и трубит во всю силу своих легких. Опять встают люди, опять седлают коней, опять строятся на плацу... А он ходит между рядами и еще покрикивает. Но самое возмутительное произошло на смотре.

Великому князю Михаилу Александровичу дали корпус, а на его место прибыл командовать дивизией князь Багратион. Багратион был известен своею строгостью. Первым делом он пожелал проверить строевое обучение полков. Была горячка!.. Ведь наши всадники каждый в отдельности – великолепный кавалерист. Но все вместе они далеко уступают и регулярным полкам, и казачьим. Полковое учение было нелегким делом. Одним словом, Багратион смотрел, хмурился и ничего не говорил. Когда дошла очередь до учебной команды, начдив¹ наклонился к уху начальника штаба, сказал: «Если и эти... то... знаете ли... я вам скажу...». Подъехали они оба к развернутому фронту учебной команды. По правде сказать, она действительно выровнена была идеально: прямо по нитке! И еще одна подробность производила настоящий эффект: Заурбек, как только принял команду, сейчас же приказал всем всадникам отпустить бородку клинышком. И сам носил такую же. Тех же, у кого борода еще не росла, он поставил во вторую шеренгу. По команде «р-р-равняйсь» все поворачивали голо-

¹ Начальник дивизии.

ву направо, так что бородака приходилась к бородаке. Получалось впечатление. Багратион обратил на это благосклонное внимание. Потом начались заезды, повороты, повзводно налево кругом и так далее... Все это делалось превосходно, но не в том дело! Каждый в конце концов может выучить, если ему дать время. Возмутителен был конец смотра! Вы только подумайте, какую штуку отколол Заурбек!.. Когда Багратион поблагодарил его и отпустил команду, Заурбек построил ее в колонну по шести, приказал всем стать на седла во весь рост, сам выехал вперед, тоже стоя в седле, с трубой... проиграл «карьер» и – вся эта колонна промчалась карьером мимо Багратиона!.. Черт знает что! Офицер – и трубит, стоя на коне?! Что же это: цирк, что ли?.. Конечно, мы ему это не забыли и не простили. Если кто желает заниматься циркачеством, то ему место не в полку, а в цирке. Вот как...

До ушей Заурбека доходил отзвук всех этих наветов и разговоров, но он не обращал на них внимания. Он называл такого рода разговоры по-кабардински: «адыге псятля», что значит в переводе «кабардинские разговоры» и под чем нужно разуметь – ничтожная, глупая, бессмысленная болтовня. Однако были у Заурбека в полку и настоящие враги. Враги эти не занимались «разговорами» – ведь настоящий враг не треплет языком, а молчит. У настоящего врага только один язык – кинжал; у настоящего врага только один разговор – пуля. Настоящим врагом Заурбека был полковник Юрий *.

* Под этим именем автор, возможно, вывел ротмистра Георгия (Юрия) Махатадзе. Вот что о его судьбе известно из документов.

«Краткая записка ротмистра Кабардинского конного полка Георгия Махатадзе, представленного к переводу в Киевскую Авиационную школу июня 25 дня 1917 г. Родился 10 декабря 1884 года. Вероисповедание – православное. Из дворян. В Тифлисском кадетском корпусе и в Елисаветградском кавалерийском училище по 1-му разряду. В службу вступил юнкером в Елисаветградском кавалерийском училище – 1903, августа 31. Кадетом в 40-й драгунский Малороссийский полк – 1905, авг. 22. Переведен в 44-й (ныне 17-й) драгунский Нижегородский полк – 1905, сент. 2. Переведен в Осетинский конный дивизион – 1908, марта 4. Поручиком – 1908, сент. 1. Со старшинством – 1908, авг. 9. Уволен от службы по домашним обстоятельствам – 1913, авг. 8. Прибыл на службу в Кабардинский конный полк и

Издали, в особенности на коне, их можно было спутать. Оба они были маленького роста. Оба любили высоких коней. Но Заурбек был широк в плечах и имел большие руки и ноги. Полковник Юрий обладал руками нежными, он посвящал по крайней мере час времени на уход за отточенными блестящими ногтями. Плечи его были юношески неразвитыми, чуть-чуть приподнятыми вверх. Заурбек брил голову наголо, полковник Юрий только подстригал. Не в меру красные губы Заурбека украшали грозные усы, завернутые в кольца; полковник Юрий носил усы по-английски: две короткие пряди волос, положенные на верхнюю губу, они напоминали цветом и формой зубные щетки. Черные глаза Заурбека горели и металы искры. Слегка прищуренные серо-голубые глаза полковника Юрия глядели на весь мир с холодноватым презрением. Заурбек обладал сильной волей, но воля его напоминала лук, натянутый до предела, готовый ежеминутно лопнуть – и тогда могучая стрела вопьется в грудь со свистящим шипением.

назначен младшим офицером во 2-ю сотню – 1914, сент. 20. Командующим 3-й сотней – 1915, авг. 13. Эвакуирован в Россию для лечения – 1916, июля 9. Выздоровел и прибыл в полк – 1916, сент. 9. Командирован в Киевский военный округ за приобретением потников – 1917, янв. 14. Прибыл из командировки – 1917, мая 6. Сдал 3-ю сотню – 1917, мая 3. Отправился к месту прикомандирования в Киевскую Авиационную школу – 1917, мая 13. Участвовал в походах и делах против австро-германцев в 1914–1916 гг. Ранен и контужен не был. За боевые отличия имеет ордена: св. Георгия 4-й степени, св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Анны 2-й степени с мечами. Командир полка полковник Абелов. И.д. полкового адъютанта корнет Урусбиев.

П р и п и с к а. На основе приказа по В.В. 1916 № 681 произведен в ротмистры – 1916 г., июня 27. Со старшинством – с 1916, мая 28. Штабс-ротмистр – 1915, марта 25. Со старшинством – 1914, апр. 11» (ЦГА КБР, И-20, оп. 1, д. 24, л. 65).

Из книги С. П. Мельгунова «Красный террор в России» (М., 1992): «Особая комиссия по расследованию злодеяния большевиков, состоящая при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России.

Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 года.

...80. Махатадзе Георгий Александрович, полковник (опознан)».

Воля полковника Юрия может быть сравнима с голубоватым блеском меча, такого меча, который взвивается лишь для того, чтобы поразить, но поразить насмерть.

В далеком прошлом, когда полковник Юрий молодым корнетом вышел в один из гвардейских кавалерийских полков с ним произошла серьезная неприятность. Ему случилось заехать в знаменитый на всю Россию московский ресторан «Яр». В ресторане шел кутеж: кутили здоровенные «дяди» купцы-волжане. Они выгодно купили и выгодно продали товары на Нижегородской ярмарке, и вот – приехали повеселиться в Москву. Поближе к эстраде сидели купцы, в стороне за столиком у стены расположился Юрий. С ним сидела балерина, ноги которой свели с ума всех мужчин Старого и Нового Света. Часу в третьем утра, когда счет идет на сотни рублей, когда прислуживающие татары начинают потихоньку зевать в кулак, а на эстраде появляются цыгане, кутящие купцы почувствовали прилив вдохновения.

Они встали из-за стола и устроили хоровод. По их приказанию цыгане пели какую-то зауспокойную песню, а они приплясывали, поднимая ноги выше головы и притоптывали каблуками. Юрий несколько раз упрашивал балерину уйти, но ей «хотелось посмотреть» – женщина!.. Ева!.. Любопытство!.. Когда купцам надоело кружиться, они раздали цыганам деньги в золоте и кредитных билетах, из которых самым мелким была «синенькая», и заставили их показать цыганскую пляску. Цыгане бренчали на гитарах, пели, разухабисто дергали конечностями, но купцов и это не удовлетворило.

– Слушай, Юрий, – сказала балерина, – хочешь, я станцую?.. Я для тебя станцую, – прибавила она, блестя глазами и нежно вытягиваясь, как будто приготавливалась к танцу «Умирающий лебедь».

Юрий нахмурился – разве она не понимает, как неловко танцевать ей перед пьяной купеческой компанией и где – в конце концов чем «Яр» не кабак?.. Но когда женщина пришла в настроение «дерзнуть», никакие резоны не существуют... «Боже мой! Что же тут такого? Ведь танцует же она перед

всяким, кто приходит в театр? Чем же русские купцы хуже американских конторщиков?.. И кроме того, ведь она не для купцов танцует, а для него – милого Юрочки...» «Милый Юрочка» пожал плечами. Балерина подозвала старшего цыгана и спросила его, умеет ли хор петь «Колыбельную песню». Заносчиво тряхнул цыган поредевшими кудрями, низко поклонился и выжидательно посмотрел на Юрия. Юрий протянул ему сторублевку...

Спи младенец, мой прекрасный...
Баюшки-баю...
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою... –

тихо и проникновенно начали цыгане. Словно детская слеза трепетали тонкоголосые струны цыганского хора и вызывали слезы. Могучим гулом поддерживали басы и вплетали в сердце слушателей тоску о неведомом и недостижимом. Купцы притихли. Балерина поднялась и с низко опущенной головой вышла на ковер, не занятый столиками. Юрий понял, что начинается импровизация...

Стану сказывать я сказку,
Песенку спою...
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю...

Балерина воображала себя несчастной матерью, с больным ребенком на руках. Она не спала несколько ночей. Ее муж – бессердечный обманщик – насмеялся над ее молодостью и чистотой, и потом бросил ее, когда она ожидала дитя. Дитя не спит. Его лихорадочно светящиеся глазенки устремлены на нее, они спрашивают ее: почему? Почему так больно?.. Спи, спи, мой маленький голубь, спи! И она тихонько и неясно качает его прелестными руками, белизна которых подобна белизне короны Эльбруса... Мягкие звуки песни зачаровывали и уносили в ту, далекую, недосягаемую страну, которая называется Детство. Ничего лучшего для укрощения опьяневших го-

лов придумать нельзя. Юрий видел, как кое-кто из купцов смахивал с ресниц слезу... Но как раз в тот момент, когда пляска и песня достигли высочайшего давления на сердца, балерина встрепенулась, как после долгого сна, и крикнула заразительно радостно и звонко:

– Плясовую!.. Эх!

И понеслась... Тут началось столпотворение, цыгане уже не пели, а ухали и улюлюкали в восторге. Купцы, только что изнывавшие в тоске и плакавшие о материнской любви и ласке, воспрянули духом. А Юрий! Юрий морщился.

Он уже предвидел, что конец будет печален: слезы, раскаяние, истерика. Но истинного конца он не угадывал.

В порыве, который охватил балерину, было нечто болезненное. Она искала слез – и нашла их в колыбельной песне. Она искала веселья – но и бешеный танец ее не веселил. Ее душа искала чего-то такого, что вызывает последний восторг, мучительный, сладкий и оскорбительный... Балерина протянула руки молодому купцу, глядевшему на нее потерянными и страстными в то же время глазами. Ошеломленный счастьем, купец схватил ее в охапку, как-то странно охнул и побежал к дверям. Юрий переступил ему дорогу:

– Оставьте ее! – сказал Юрий.

В его голосе было нечто, заставившее купца на мгновение очнуться от охватившего его хмеля. Но – только на мгновение.

– Пусти!.. Моя! – завопил купец, перекладывая балерину на одну руку, а другой отстраняя Юрия.

Балерина находилась в состоянии, близком к обмороку. Юрий вынул новенький браунинг, холодный и изящный, и приставил его дуло ко лбу купца.

– Прочь! – сказал он негромко, но таким голосом, убедительнее которого звучит только пуля...

Купец положил балерину на ковер и кинулся отнимать револьвер.

...Непоборимая стихия?.. Да. Несчастный случай?.. Да. Один из тех случаев, которые доказывают нелогичность жизни. Ее непонятность. Дикость. Ужас.

...Юрий упал на землю и, лежа, прострелил голову молодого купца. Историю «затушили», но все-таки Юрию пришлось уйти из гвардейского полка: так печально началась его жизненная карьера.

Лишившись полковой семьи, Юрий почувствовал томительное одиночество: он был сирота. Никакая другая служба, кроме военной, его не привлекала. Что делать? Но как раз в это время вспыхнула очередная революция в Мексике. Казалось бы, что общего между мексиканской революцией и молодым русским офицером, исключенным из гвардии? Но Юрий был настоящий русский. Истинная родина русского человека – вселенная. Вот почему мексиканская кавалерия обогатилась блестящим, талантливым и неустрашимым офицером. Кто знает: чего бы достиг Юрий в случае победы той стороны, которой он служил? Разве он не мог бы стать командиром полка? Или начальником дивизии каких-нибудь отчаянных ковбоев?.. Почему, наконец, ему не быть «спасителем мексиканского отечества?» Почему не командовать армией?.. Но его друзья были разбиты. Разочарованный Юрий вернулся в Россию. Я не знаю, как он жил и что делал в период между возвращением и началом великой войны. Известно лишь, что начиная с осени 1914 года и до последних дней существования Русской армии он был на фронте. Знание военной службы, мексиканский боевой опыт, необычайная выдержка и хладнокровие с первых же боев создали ему славу на всю Дикую дивизию. Среди храбрых он был храбрейшим, среди отчаянных – безумнейшим. Это его назвал неустрашимый генерал Мудар «барсом». А ведь в глубине души Мудар был убежден, что во всем свете существует только один барс – это он сам, Мудар...*

* Речь идет о Мударе Кайсыновиче Анзорове, сыне генерал-майора Кайсына Анзорова. Вот что известно о нем из документов: «Из послужного списка юнкера Мудара Кайсыновича Анзорова, составленного в 1903 году. Родился 20 августа 1883 года. Из кабардинской узденей 1-й степени. Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе. 31 августа 1901 года зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища юнкером. По окончании полного курса наук в училище Высочайшим приказом 10 августа 1903

Революция повергла Юрия в какую-то непрерывно пламенную и холодную в то же время злость. Собственно говоря, при нем небезопасно было говорить самые слова: «революция», «Керенский», «большевик» и т. д. – эти слова приводили его в непостижимую ярость. Правда, ярость его была особого свойства: он никогда не кричал, не топал ногами, даже не повышал голоса. Но в стальных его глазах сосредоточивались такие «громы и молнии», что вчуже становилось страшно. Ротмистр Юрий и знал только одно решение проблемы революции: истребление всех революционеров. Заурбека, державшегося слишком независимых, по мнению Юрия, взглядов, он причислял к революционерам. И естественно, не задумался бы при случае его истребить... Столкновение долго назревало, и, наконец, назрело, и вылилось наружу.

Офицерское собрание, переживавшее последние недели и даже дни (приближался большевистский переворот, которого все ждали, но к которому никто не готовился), постепенно наполнялось. Сначала пришла молодежь; корнеты и поручики; потом постарше: командиры сотен и штаб-офицеры; позже всех прибыл командир полка, в сопровождении полковника Юрия и адъютанта. Полковник Юрий убеждал командира полка отобрать лучших офицеров и всадников и двинуться на

года произведен в корнеты 45-го драгунского Северского Его Величества короля Датского полка» (РГВИА, п/с 309–802/ 1903 г., л. 7–8 об.).

«В общем списке офицерским чинам Русской армии» (СПб., 1910. С. 612) значится поручик 18-го драгунского Северского короля Датского Христиана IX полка Мудар Анзоров.

В списках по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров по 18-му драгунскому Северскому полку значится ротмистр Мудар Анзоров, произведенный в чин 17 июня 1915 года. Имел награды за русско-японскую войну: ордена св. Георгия 4-й степени, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 2-й степени с мечами, св. Анны 2-й степени с мечами; за Первую мировую войну: орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Высочайшим приказом от 13 декабря 1916 года произведен в чин подполковника» (РГВИА, ф. 407, оп. 1, д. 2246, л. 5–7).

С 1918 года служил в Белой армии. В конце 1918 года произведен в чин полковника, в апреле 1919-го – в генерал-майоры. В 1920 году эмигрировал за границу. Умер в 1927 году в г. Алеппо в Сирии.

присоединение к Корнилову. Командир полка возражал, ссылаясь на заявление гражданских властей Кабарды, сводившееся к следующему: гражданские власти предполагали бороться с коммунистами мирными, так сказать конституционными способами.

Гражданские власти уверяли, что коммунисты применят в Кабарде вооруженную силу лишь в том случае, если сами кабардинцы – первыми – поднимут оружие. Гражданские власти заранее всякое вооруженное выступление против коммунистов называли «провокационным». Гражданские власти взяли с командира полка торжественное обещание не выступать с полком против коммунистов... Гражданские власти ошиблись в расчете – действительно, коммунисты без боя овладели Кабардой. Но, овладев, они прежде всего разделились с представителями гражданской власти, потом с зажиточными слоями кабардинцев и, наконец, с народом.

При входе командира полка все поднялись. Молча, почти неприметными поклонами красивой гордой головой приветствуя вставших, командир полка прошел к своему месту, на верхний конец стола. Как всегда, он попробовал первое блюдо и незаметно вышел: его семья жила здесь, в городе, он обедал дома.

...Уже давно убрали первое и второе блюдо, уже допивали кофе и вино, когда с улицы донеслись звуки зурны, бубна и веселых голосов. Было совершенно ясно, что кто-то кутит. Но кто? Звуки завернули за угол – за углом находится вход в собрание. Звуки подошли к двери. Это напоминало чувство, которое испытывают дети, стоящие перед закрытой дверью, за которой зажигают елку. Вот – двери раскрылись. Тысячью невидимых летучих змей звуки зурны и бубна вторглись в собрание и здесь, в угрюмой высокой комнате, сразу сделалось радостно, забавно и смешно... Впереди шли зурначи, за ними, обнявшись, два грузина: Мушни и Дадаш, приехавшие в гости к Заурбеку, потом Заурбек, с руками в карманах – безошибочный признак, что он опьянел; и позади всех – верный соратник Заурбека – Хазеша, в медалях и крестах, с бубном в руках. Хазеша сжал губы и брови. Со стороны казалось, что

от его искусства ударять в бубен зависит не только красота мелодии, но и судьба всего мира – как видимого, так и невидимого.

Ничего необыкновенного в появлении такой компании не было. Во все времена и у всех народов веселье делается тем бешенее и жажда веселья тем ненасытнее, чем больше грозовых туч собиралось на небосклоне, под которым живет народ. В России, в Кабарде и всюду, где разгорался революционный пожар, рядом со смертью шел балаган. Собрание полка уже не один раз превращалось в залу для танцев... Но сейчас пришел никто другой, а именно Заурбек. И старшим из присутствовавших был никто другой, а именно полковник Юрий. По тому, как оледенело лицо полковника Юрия, можно было безошибочно предугадать, что произойдет нечто. Заурбек присмотрелся к сидящим за столом и, увидев, что старшим является полковник Юрий, подошел к нему:

– Разрешите, господин полковник? – спросил он, улыбаясь толстыми своими губами и щуя глаза.

Полковник Юрий встал, вывел Заурбека в соседнюю пустую комнату. Журнаки продолжали выдувать рулады, Хазеша, едва успевая вытирать обильный пот, потрясал бубном.

– Вы понимаете, что вы делаете? – с ударением на «что» спросил полковник Юрий.

– Я веселюсь, – беззаботно отвечал Заурбек, демонстративно вкладывая руки в карманы.

– Вы развращаете полк! – с сердцем возразил полковник Юрий.

Заурбек посмотрел на него с улыбкой, с какой смотрят дети, когда не доверяют старшим, когда старшие говорят, что «неба нет, а есть воздух» или что «луна почти такая же большая, как земля».

– У вас, – сказал Заурбек, – когда вы сердитесь, правая бровь поднимается чуть-чуть выше левой. Скажите, пожалуйста, отчего это происходит?

Полковник Юрий побелел.

– Когда вы протрезвитесь, – едва выдохнул он эти слова, –

я попрошу вас, как офицера, ответить мне. А теперь мне стыдно за вас, ротмистр!

– Я и сейчас готов к услугам господина полковника...

Заурбек сказал это негромко, но стоявший за дверьми самый старый офицер-кабардинец, корнет Адиль-Гирей, произведенный в офицеры за почтенность и пребывание вблизи солнца дивизии – великого князя Михаила, услышал его слова.

Адиль-Гирей – старый волк! Он знает, что когда в комнату входят двое, то очень часто возвращается один. Адиль-Гирей многое видел на своем веку! О, Адиль-Гирей всегда найдет что сказать... Он вошел как ни в чем не бывало и показал крайнее изумление, встретив четыре глаза, вспыхивающих огоньками.

– Заурбек, – сказал Адиль-Гирей, – ты кабардинец?

– Да, так я себя называю.

– Ты знаешь, что такое адыгэ хабзэ? ¹

– Этому меня научил народ.

– Ты признаешь, что я старше тебя?

– Признаю.

– Так вот, я, старший, приказываю тебе: сию же минуту проси извинения у полковника!

Заурбек наклонил голову, как наклоняют быки рога перед ударом. Он молчал.

– Ты хочешь отказаться от обычаев? Ты, может быть, по ошибке называешь себя кабардинцем? Ты уже доказал, что забыл, что Юрий – наш гость. Теперь тебе остается плюнуть на мои слова, на слова старика, и уйти...

– Не говори так! – Заурбек кинулся к Адиль-Гирею и схватил обе его руки. – Я сделаю все, что хочешь... Господин полковник, – обратился он к Юрию. – Ради Аллаха, простите меня. Но клянусь вам, придет время, и вы вспомните эту минуту, вы увидите тогда, что Заурбек умеет веселиться и умеет умирать.

Заурбек протянул руку, и полковник Юрий вложил в нее

¹ А д ы г э х а б з э – кабардинские обычаи.

свои маленькие игрушечные пальцы. Но сделал это он нехотя, и было видно, что он не особенно верит словам Заурбека.

А из собрания неслись звуки зурны, бубна и неизбежных во время всякого веселья на Кавказе выстрелов. Из всех обрядов только похороны обходятся здесь без стрельбы.

Через несколько дней большевики заняли Нальчик. Полковник Юрий переехал в Грузию, а оттуда в Персию, где находились англичане. Он поступил на службу в королевский гусарский полк и принялся энергично воевать с турками. Заурбек остался под властью большевиков.

Под большевиками

Большевизм проникал в Кабарду несколькими руслами. Первоначальным очагом большевизма являлся артиллерийский дивизион, задержавшийся в центре Кабарды на пути с Кавказского фронта в средние губернии России. Однако, как только Кабардинский полк прибыл на родину (с австрийского фронта), артиллеристов разоружили и вывезли на главную магистраль железной дороги, идущей на Ростов. Большевистские идеи и большевистскую настроенность привозили в Кабарду солдаты, возвращавшиеся с фронтов. Эти солдаты в большинстве случаев были уроженцами нескольких русских селений, разбросанных по Кабарде.

Наконец, было еще одно – и совершенно неожиданное – увлечение идеями Октябрьской революции: группа религиозно-национально настроенных учеников мусульманской духовной школы во главе с Назыром * верила, что именно большевистский октябрь принесет Кабарде обновление слова пророка Магомета и возрождение народной души. Каким образом можно было прийти к такой странной мысли? Что общего

* Назыр Катханов (1891–1928).

между атеизмом коммунизма и покорностью Богу, составляющей самую сердцевину ислама?

И тем не менее те самые люди, которые уверовали в Ленина и его миссию, одновременно поклонялись Назыру, видя в нем нечто вроде мусульманского пророка, ниспосланного небом Кабарде! Находились фанатики, утверждавшие, что они «сами видели», что «от чрева Назыра исходит сияние». Именно этому революционно-религиозному течению и досталась в конце концов победа над остальными течениями. Однако, во имя исторической действительности, надо добавить, что едва только коммунизм восторжествовал на всем пространстве России и Кавказа, красная Москва постаралась отделаться от Назыра и его приверженцев.

Религиозная струя была частью отсечена путем физического истребления носителей религиозных настроений, частью задушена путем систематического преследования всего того, что хотя бы отчасти напоминало религию. Так что, в конце концов, тот самый Коран, во имя которого шли кабардинцы, помогая коммунистам, был коммунистами растоптан и повержен в прах.

...Что ожидает Кабарду в будущем? Что ожидает Россию в будущем? Что бы ни ожидало, это не будет коммунизм.

Это не будет также и «старая правда», отвергнутая коммунизмом. Это будет нечто новое, еще не бывшее. Кажется мне, что намеки на это новое слышались в речах Заурбека...

...За несколько дней до коммунистического переворота полк разошелся по домам. Некоторые, подобно полковнику Юрию, выехали из Кабарды, некоторые укрылись в дальних аулах. Заурбек нанял новую квартиру невдалеке от центра города и зажил там в обществе мальчика-австриенка, подобранного на фронте, и своей любимой кобылы Дины.

Заурбек очень ловко пользовался противоречивостью распускаемых о нем слухов. Эти слухи служили ему защитным плащом, в который он укрывался от преследований. Когда, например, Заурбека спрашивали: правда ли, что он ездил во Владикавказ и там договорился с Советом Народных Комиссаров и даже получил от них деньги на формирование боль-

шевистского отряда, – он отвечал: «А как вы думаете, правда ли это?». И если собеседник допускал, что это правда, то Заурбек сознавался, что да, он вел переговоры, но денег не получил; «...пока не получил», – многозначительно добавлял он. Если же собеседник отплевывался и «не допускал такой мысли», то Заурбек прямо спрашивал его: а что по его, собеседника, мнению следует делать? Подчиниться коммунистам? Сотрудничать с ними? Или, быть может, бороться с ними вооруженной рукой?.. Так, постепенно, одного за другим, он перебрал едва ли не всех тех, на кого можно было бы рассчитывать в случае открытого столкновения. В близких и дальних аулах, по мере того как народ познавал истинную сущность коммунизма, все чаще и чаще произносилось имя Заурбека. Он еще ничего не сделал, но почему-то о нем говорили. Говорили неопределенно, глупо, зачастую не отдавая себе отчета в том, что, собственно, от него ожидают? Но главное в том, что говорили... Впрочем, некоторые факты, относящиеся к Заурбеку, стали известны в подробностях...

...Напротив заурбековской квартиры находился постоянный двор. Держал его кабардинец. Из столовой этого постоянного двора Заурбек получал обед. Однажды, ночью, кто-то загрохотал ставней, за которой он спал. Заурбек вскочил. Рядом с ним всегда лежал карабин.

Направив дуло карабина в окно, спросил: «Кто это?»

– Аллахими хатырка (ради Бога), – раздался голос хозяина постоянного двора, – пройди в мой дом и посмотри, что там делается! После Аллаха я пришел за защитой к тебе. Если и ты отвернешься от меня, на мою долю останутся еще камни. Я у них выпрошу помощь...

Заурбек накинул шинель, надел папаху и ночные туфли, и в таком, довольно невоинственном виде отправился в харчевню. Там, в большой комнате (столовой), гудела и верещала толпа. Дело шло о том, что красноармейцы, обыскивая постоянный двор, насильно ворвались в помещение, где спали женщины. Отец и муж заступился за дочерей и жену. Он сказал, угрожая винтовкой, что сначала расстреляет все патроны и выпустит последнюю пулю в свой лоб, а потом –

через его труп – пусть красноармейцы идут в комнату женщин. Красноармейцы, предводительствуемые пьяным типом, обвешанным пулеметными лентами, старались обезоружить заступника женщин. Находившиеся в харчевне кабардинцы противились этому. Друг против друга стояли красноармейцы и кабардинцы и кричали, и невозможно было разобраться в их крике. Впереди красноармейцев стоял их предводитель. Он вырывал винтовку из рук кабардинца, а остальные помогали той или другой стороне. Приход Заурбека остался незамеченным. Прислушавшись к крику и разобравшись, в чем дело, Заурбек внезапно растолкал толпу локтями, выбился на середину.

– Смир-р-рно! – заорал он во все свое командирское кавалерийское горло.

И тотчас воцарилась тишина: дисциплинированность солдат сказалась в красноармейцах: они замерли в положении «смирно». Только предводитель не опустил руки по швам.

– Что тут происходит? Чья это винтовка? Дай ее сюда... – Заурбек вырвал винтовку из державших ее четырех рук. – Ты кто такой? – спросил он предводителя красноармейцев.

– Мы из Исполкома, – послушно ответил тот.

– Где мандат? Покажи бумаги!

Мандата не оказалось. Очень часто толпы красноармейцев производили самочинные безобразия. Быть может, на этот раз красноармейцы действовали по приказанию своего большевистского начальства. Но Заурбек решил сыграть на отсутствии мандата.

– Вот такие мерзавцы, как ты, – сказал он пьяному предводителю, – позорят народную Советскую власть. Ты, как последняя скотина, набрасываешься на мирных жителей, и потом по всей Кабарде будут ругать власть Советов... А вы кто такие? – повернулся он к красноармейцам.

Красноармейцы же, уже вообразившие, что перед ними стояло начальство, начали бормотать какие-то оправдания:

– Да мы что... да мы ничего...

– А-а, а, – протянул Заурбек, – так вы «ничего»? Марш по

домам!.. Нет, нет, ты, братец, подожди, — остановил он предводителя. — Как твоя фамилия?

Предводитель назвал себя.

— Может быть, ты врешь? Покажи-ка номер винтовки, я завтра наведу в Исполкоме справки о тебе....

Таким образом кабардинские женщины были спасены от оскорбления, а имя их защитника приобрело новый вес в глазах народа. Однако волна гонений и преследований на офицеров, священников, зажиточных и просто выдающихся людей, могущих оказаться опасными коммунистам, все расширялась, расширялась и, наконец, задела и Заурбека. Его посадили в тюрьму, обвинив в подготовке контрреволюционного восстания. Находясь в тюрьме, Заурбек написал записку одному из знакомых коммунистов с просьбой прислать советские декреты, относящиеся к судоустройству и судопроизводству. В этих декретах он вычитал правило, согласно которому обвинение должно быть предъявлено в течение двадцати четырех часов и притом должно быть обоснованным. Заурбек составил длиннейшую докладную записку на имя председателя большевистского областного Совета Народных Комиссаров и дал ее прочесть главарям местных большевиков. В записке этой Заурбек доказывал, что он ни в коем случае не может быть рассматриваем как враг народа, он ссылался на свою борьбу со старым правительством в лице городского головы Кривчика; пространно развивал теорию революционных действий в Кабарде и вообще на Кавказе; и в заключение производил юридический анализ статей декрета, на основании которого он должен быть освобожден. Необычность поведения арестованного Заурбека привлекла к нему внимание: он был выпущен «на поруки». Заурбеку предложили поступить в Красную Армию. Он не говорил «нет», не говорил и «да». На вопрос, на какие средства он живет, Заурбек ответил, что занимается частным посредничеством. И действительно, напечатал на машинке и расклеил в видных местах объявление, в котором говорилось, что он, в качестве частного правозащитника, дает советы и консультирует там-то, от такого-то часа до такого-то.

Были ли у него клиенты? Очень много. Занимался ли он юридическими делами? Едва ли. За поведением Заурбека следили. Больше того: ходили определенные слухи, что Заурбек участвует в заговоре против большевиков. Еще более того: однажды Заурбек открыто пригрозил поднять восстание... И все это сходило благополучно: судьба, а жаль, предопределение, рок – можно называть, как угодно. Вопреки всем данным, Заурбек оставался на свободе.

Вот что случилось с ним незадолго до убийства комиссара Сатова*.

Благоуханной июньской ночью, когда кажется, что мир создан для любви, когда сияющее звездное небо протягивает темные края губ, чтобы поцеловать отдыхающую в ленивом полусне землю, Заурбек медленно возвращался домой. По привычке, приобретенной еще в детстве, он напевал лезгинку, прищелкивая в такт пальцами. Одновременно Заурбек искал рифму к кабардинской фразе «мыр зи ди шуугх паста», что значит: «вот мой хлеб-соль». Он непременно хотел включить эту фразу в сочиняемое им стихотворение. Подходя к дому, он решил, что эта часть стихотворения должна быть написана так:

Где так звучавшее часто
Мыр зи ди шуугх паста...

Но он не успел проверить произнесением вслух, хорошо ли звучит это двустипшие, как освещенное окно его комнаты, выходящее на улицу, отвлекло его внимание. «Что это может

* Под этой фамилией выведен Сахаров Алексей Иванович (1890–1918). «Член Терского областного народного Совета, комиссар Нальчикского округа и председатель Нальчикского окружного народного Совета с 21 марта по 30 июля 1918 года. А. И. Сахаров был в то время одним из самых ответственных работников в Кабарде и Балкарии. Он пал как солдат на боевом посту, отдав свою жизнь за счастье трудового народа» (Цит. по: Улигов У. А. Солдаты Октября. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 144).

Из заявления Б. Э. Калмыкова, сделанного 10 июня 1920 г.: «В том же месяце [июле] 1918 года в Нальчике был в гостинице Шуйского убит комиссар Нальчикского округа Сахаров. Исполнителями были офицеры Кабардинского полка Церетели, Инароков». (Данные О. Л. Опрышко. – Дело С. К. Клишбиева. Архив УФСБ по КБР.)

быть?.. Воры? Но воры лампу не зажигают. Кто-нибудь из родственников приехал? – Заурбек никого не ждал... – Э... да, ведь это обыск», – решил он, наконец, и был прав: у дверей квартиры стояли красноармейцы, облокотясь на винтовки, а в комнате распоряжался комиссар.

Комиссар приветствовал его иронической улыбкой, предложил сесть.

– У вас, товарищ Заурбек, сказал комиссар, тут целая коллекция оружия. Прямо удивительно, как это до сих пор никто не обратил внимания!

Действительно, оружия в квартире было немало: над кроватью крест накрест висели две шашки: одна дедовская, старинной работы, другая – златоустовской стали. Эту шашку Заурбек получил при окончании военного училища, в Оренбурге.

Сверх того, в углу стояли карабин и винтовка. Карабин был русский, а винтовка немецкая. В ящике ночного стола лежал наган и обоймы.

Заурбек терпеливо смотрел, как комиссар осматривает одну вещь за другой и записывает что-то на бумажку. Когда оружие было собрано и комиссар позвал солдат, чтобы его унести, Заурбек, попросил у комиссара копию описанного и взятого у него оружия.

– Зачем вам это? – удивился комиссар. – Мне это важно для сдачи в склад, а вам-то для чего?

– Эту немецкую винтовку, – отвечал Заурбек, – я жертвую Красной Армии; но русский карабин предпочту иметь у себя. Вот эту новую шашку, – продолжал он, – охотно уступаю вам или кому угодно, кто нуждается. Но родовой клинок должен остаться у меня. Да и наган я попрошу вернуть, с этим наганом я провел всю великую войну.

– Нет, – засмеялся комиссар, – я вам ничего не верну. А за вашу любовь к оружию потрудитесь расстаться с кинжалом. – Комиссар показал на кинжал, висевший на поясе Заурбека.

– Надеюсь, – возразил Заурбек, – вы меня не считаете за

дурака? Я и не собирался вас просить вернуть мне оружие. У вас я прошу лишь копию описи... А что касается кинжала, то вот он, и даже вместе с поясом. Так удобнее снимать. Завтра я все это получу в Исполкоме.

Комиссар удивился настойчивости, с какою Заурбек хлопотал о бумажке, и его уступчивости относительно не только кинжала, но и пояса. Просимую бумажку он выдал... На следующее утро Заурбек вышел из дому в черкеске, но без пояса. Так ходят на Кавказе только горские евреи. Он направился прямо к Исполкому. Во главе отдела, на обязанности которого лежала реквизиция оружия с целью вооружения Красной Армии, стоял бывший офицер Кабардинского полка по имени Мисост. Заурбек знал его хорошо, но и Мисост хорошо знал Заурбека: когда-то он служил под его начальством.

В комнате, на дверях которой было написано: «Реквизиционный отдел. Без доклада не входить», за письменным столом из хорошего ореха – Заурбек с первого же взгляда узнал стол единственного во всем городе литератора Парчевского – сидел Мисост. Заурбек вошел, конечно, без доклада, и Мисост не имел ни минуты времени, чтобы решить, как себя вести, – принимать ли разоруженного представителя контрреволюционного офицерства по-комиссарски? Или, может быть, Мисосту следует встретить старшего, согласно обычаю? Или же по-приятельски протянуть ему руку, предложить стул и папиросу? Мисосту не трудно было угадать причину появления Заурбека: ведь только вчера он подписал ордер на реквизицию оружия своего бывшего начальника. Но когда он подписывался вчера, под ордером, Заурбек казался ему отвлеченной фигурой. Он, в качестве бывшего соратника Заурбека, знал, что у него есть оружие, и в качестве комиссара распорядился это оружие отобрать. Но сейчас перед ним стоял живой Заурбек, тот самый начальник, которого он боялся, который еще недавно имел право предъявить строгие требования и требования в действительности предъявлял...

Мисост начал с того, что как-то невольно привстал, потом, озлившись на свой жест, сел и развалился в кресле, но едва

его спина облокотилась на спинку кресла, он снова поднялся и, недоумевая на самого себя, вытянулся во весь рост. Заурбек понял, что инициатива разговора находится в его руках. Не здороваясь с Мисостом, он протянул ему бумажку, взятую при отобрании оружия:

– Сходи, пожалуйста, Мисост, – сказал Заурбек таким тоном, каким говорит начальник подчиненному, к которому относится снисходительно и по-приятельски... «Куда» сходи и «зачем» Заурбек не сказал: ведь это было понятно.

Мисост смотрел недоумевающе. На его лбу собирались толстые складки и, как только собрались, тотчас же налились жирным блеском. Он то вытягивал, то поджимал подвижные губы, и это движение напомнило Заурбеку корову, обнюхивающую воду в незнакомом месте. Глаза Мисоста остановились на какой-то точке, которую он не видел, и мигали.

– Как же можно возвращать реквизированное оружие? – спросил он наконец.

– Иди, иди, не раздумывай долго! – подбодрил его Заурбек.

В его голосе звучали столь знакомые Мисосту нотки раздражения. Мисост держал перед глазами бумажку с какими-то непонятными ему словами и цифрами. Он никак не мог согласовать требования Исполкома, в котором служил, с требованиями Заурбека, который подчинял его волю своей.

– Мисост! – возвысил свой голос Заурбек до громовых раскатов: он уже шел, как говорится, ва-банк. – Пойди и принеси мне то оружие, которое подчеркнуто в списке красным карандашом! Я не уйду отсюда таким горским жидом, каким пришел сюда!.. А если, – задыхаясь, добавил он, – а если вы, коммунисты, действительно, такие мерзавцы, как о вас говорят, ну, тогда держись, дорогой Мисост... Я найду другое оружие, я найду верных людей, я покажу вам, где раки зимуют... Это я тебе говорю, – с ударением на «я» сказал Заурбек. Весь этот разговор происходил по-русски.

– Шеххо... шеххо... шеххо, Аллахими-хатырка (Тихо... тихо... тихо, ради Господа Бога), – взмолился Мисост по-кабардински. – Тут и стены имеют уши... подумай, что ты говоришь!

– Я никогда не говорю того, чего не сделаю! Давай сюда мое оружие!

...Через несколько минут с кинжалом на поясе, наганом в кармане и карабином на плече Заурбек неторопливо возвращался домой. За отворотом черкески у него лежала бумажка с двумя печатями и тремя подписями, в которой «Гражданину Заурбеку (такому-то)... разрешалось иметь при себе родовую шашку, а также зарегистрированные в Исполкоме карабин и наган». В конце бумажки было сказано, что он обязан представить огнестрельное оружие в реквизиционный отдел Исполкома «по первому требованию». Требование это ужасно веселило Заурбека.

Между тем далеко не всем так везло, как Заурбеку. Городская тюрьма постепенно наполнялась. Некоторых арестованных отправляли (как уверяли коммунисты) в Пятигорск или Владикавказ. Но кто мог бы поручиться, что все отправленные достигли места назначения? Во время революции нет ничего легче, чем разрядить винтовку во враждебный затылок... Из аулов доходили сведения о насилиях, чинимых красноармейцами; на город была наложена контрибуция, на целый ряд лиц коммунисты откровенно охотились. Ходили темные слухи, будто в городе существует ЧК, работающая тайно. Никто не жил в уверенности за завтрашний день... Сейчас, когда двенадцатилетним террором и систематической пыткой Россия доведена до состояния, близкого к безразличию полумертвого, кажется странным: ну что ж тут такого? Скажет кто-нибудь: ведь не расстреливали же сотнями и тысячами? Ведь не морили же голодом? С чего же было волноваться?.. Но в те времена люди не были еще так заезжены и забиты. Они ценили человеческое достоинство и готовы были его защищать вооруженной рукой...

Когда стало известным, что ЧК действительно существует и что некоторым заключенным в тюрьме вынесен смертный приговор, население поняло, что столкновение с коммунистами неизбежно. К этому времени дошли сведения, что на ка-

зачьих землях вспыхнуло восстание. Вопрос шел о том: как и с чего начать? В том, что «что-то начнется», никто не сомневался.

Метод коммунистического управления состоял в том, что они запугивали массы, и изымали из оборота тех, кто им казался опасным. Запугивать массы и истребить тех, кто может поднять массы против коммунистов, – в этом заключалась их задача. И они последовательно проводили решение этой задачи в жизнь. Одну часть кабардинского духовенства и интеллигенции они привлекли на свою сторону. Другую – большую – подвергли преследованиям. С помощью наемных и добровольных войск они держали в повиновении город и аулы, устраивали обыски, реквизиции и облавы. Облавы устраивались с целью захвата тех из возможных противников, которые были еще на свободе.

Среди гулявших на свободе особенную ненависть коммунистов вызывал маленький Ваню – девятнадцатилетний грузин, незадолго до октябрьского переворота произведенный в прапорщики, он служил в Кабардинском полку и пользовался здесь всеобщей любовью *.

* Имеется в виду Иван Церетели. Вот что о нем известно из документов. «Его Высокоблагородию командиру Кабардинского конного полка сына князя Кутаисской губернии Шаропанского уезда, с. Сачхери, Ивана Николаевича Церетели.

Прошение

Прошу Ваше Высокоблагородие принять меня во вверенный Вам полк в 4-ю сотню всадником на правах вольноопределяющего 2-го разряда. Документ об образовании будет представлен дополнительно. 1.XI/1915. К сему И. Церетели» (ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 5, т. 2).

«Из представления на чин старшего урядника

Младший урядник Кабардинского конного полка князь Иван Николаевич Церетели. Из князей Кутаисской губернии, 1896 года рождения, 10 июля. Вероисповедания – православного. Холост. Домашнее образование. Землевладелец.

Мл. урядник 10 февраля 1916 года. Зачислен на службу в Кабардинский конный полк в 4-ю сотню 10 ноября 1915 года» (ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 23, т. 2).

«Приказом по 41-му армейскому корпусу награжден Георгиевским крестом 4-й степени. № 809698» (ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 28, л. 57 об.).

На второй год войны он убежал из кадетского корпуса и, хотя это строго преследовалось, поступил вольноопределяющимся в Кабардинский полк. С первого дня прибытия на фронт и до переброски полка к Петербургу (Кабардинский полк принимал участие в неудачном корниловском выступлении) Ваню беспрерывно находился в строю. Не было атаки, в которой он не принимал бы участия. Не было случая, чтобы при вызове «охотников» в какое-нибудь рискованное предприятие он сказал бы «нет». Но ни одна пуля не повстречалась с ним. Он мог бы сказать пуле словами чеченской песни: «Горяча, ты, пуля и несешь ты смерть... Но не ты ли моя верная раба?»... Все верили, что он «заговорен», что нет пули, предназначенной для него... И действительно, ни одна вражеская пуля не дотронулась до Ваню!..

Есть люди, высшая радость которых состоит в том, чтобы дерзать. К таким людям принадлежал Ваню. Сам процесс соревнования, предельного напряжения сил, захватывал его целиком. Он радовался, когда жизни его угрожала опасность. Воспитанный в военной среде, он воспринял лучшее, что в ней есть, и счастливо избегнул худшего. Военная доблесть, «сам умирай, а товарища не выдавай», иди навстречу опасности – все эти слова и принципы были для него не «пустым звуком», но подлинными правилами жизни. Видя разложение, которое вносили коммунисты в единственную известную ему семью – армию, Ваню проникался ненавистью и презрением ко всему, что связано с коммунизмом. В период, когда решался в Кабарде вопрос – встречать ли коммунистов поклонами или револьверами, Ваню открыто стал за револьверы. Полковник Юрий предлагал ему ехать с собой. Но Ваню отказался, говоря, что и здесь для него найдется подходящее дело. В то время как другие люди, преследуемые большевиками, старались скрыться или держаться незаметно, Ваню открыто посещал митинги и выступал на них против коммунистической власти.

«Приказом Русским войскам Румынского фронта от 11 апреля 1917 г. произведен в чин прапорщика» (ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 48, л. 11).

Ему доставляло удовольствие устроить коммунистам какую-нибудь каверзу: не забудем, что Ваню был, в сущности, еще ребенок. Он к большинству явлений жизни подходил с точки зрения шалости... Однажды Ваню подкрался к окну, за которым заседала какая-то из многочисленных коммунистических комиссий, и с криком «Смерть коммунистам» бросил в комнату камень. Коммунисты хотели сделать из этого случая покушение и рассказывали, что в комиссию была брошена бомба. Но Ваню, не скрываясь, опроверг их и подробно описал, как было дело. В другой раз он отнял у красноармейца, стоявшего на посту, винтовку и научил его сказать начальству, что взял у него винтовку именно он – Ваню. За этот случай Ваню был объявлен вне закона! Как будто бы был закон. В ответ на объявление вне закона Ваню неожиданно появился на балу, устроенном культурной комиссией, и, повстречавшись там с комиссаром Сатовым (его называли главой тайной ЧК), показал ему нос. Комиссар схватился за револьвер, но поздно: Ваню был уже за окном и удирал в темноте сада.

Но все эти шутки были не более, чем предисловием к тому, что последовало. Коммунисты арестовали брата той девушки, которую любил Ваню. Ему угрожал расстрел. Знавшие закулисные дела коммунистов люди утверждали, что на расстреле особенно настаивает комиссар Сатов. Ваню решил убрать комиссара Сатова.

Но сначала о кинжале. Если справедливо выражение «по одежде встречают, по уму провожают», то на Кавказе это выражение надо переделать так: «по оружию встречают, по умению им владеть провожают». На Кавказе считается высшим шиком иметь скромное одеяние и блестящее вооружение. Точно так, как в Европе хвастаются капиталом, на Кавказе хвастаются клинком. Старинное оружие ценится не на вес золота, а на вес, если так можно сказать, человеческой жизни. Иной любитель старинного оружия охотнее расстанется с жизнью, чем уступит шашку или кинжал, несущий на себе следы столетия. Кинжал Ваню был приобретен особым способом...

В Кабардинском полку служил молодой офицер, сын из-

вестного русского государственного деятеля, по имени Григорий Александрович *. То обстоятельство, что Григорий

* Речь идет о Григории Александровиче Мосолове. Обратимся к документам. Вот один из них: «Краткая записка о службе корнета лейб-гвардии Конного полка Григория Мосолова. Ходатайствую о прикомандировании к Кабардинскому конному полку. Составлена 20 мая 1917 г.

Родился 26 января 1892 г. Вероисповедания – православного; из потомственных дворян; в Императорском Московском университете и в Пажеском корпусе по 1-му разряду; холост. В службу вступил в Пажеский корпус – 1916, февр. 1; унтер-офицером – 1916, апр. 1; корпусным унтер-офицером – 1916, мая 31; прапорщик лейб-гвардии Конного полка – 1916, окт. 1; со старшинством – 1916, июня 11. Прибыл в полк – 1916, окт. 15. Командирован в качестве ординарца к командиру гвардейского кавалерийского корпуса – 1917, янв. 1. Прибыл к месту командировки – 1917, февр. 19. Командирован в Кабардинский конный полк – 1917, мая 10. Прибыл на службу в Кабардинский конный полк – 1917, мая 17. Произведен в корнеты – 1917, марта 28; со старшинством – 1916, февр. 1. За боевые отличия имеет орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 24. л. 47).

И далее вновь обратимся к книге «Бывают странные сближения...»: «Корнет Григорий Александрович Мосолов в... составе 4-й сотни нес охрану железнодорожного полотна Котляревская–Нальчик, патрульную службу в слободе и селах округа, подвергавшихся нападениям грабительских банд.

И вот запись в книге приказов полка за подписью полковника Абелова и исполнявшего должность адъютанта поручика Турбина, свидетельствующая о гибели корнета Мосолова: «21 декабря с. г. с 8 всадниками 4-й сотни, возвращаясь с охраны хуторов в Хапцево, встретил 2 мужиков», попросивших его защитить их от грабителей, проникших из-за пределов Кабарды, «которые грабят их в Муртазовском хуторе. Корнет Мосолов сейчас же выехал со своим разездом в указанное место и встретил 35 вооруженных грабителей и много подвод с награбленным имуществом хуторян. На уговоры корнета Мосолова вернуть награбленное те открыли огонь с лошадей, ранили корнета Мосолова в руку. Корнет Мосолов спешил своих всадников и, открыв огонь, разогнал грабителей. Но в перестрелке он был смертельно ранен, убит и славный всадник Тазрет Айдебулов. После сильных мучений корнет Мосолов скончался. Так, честно исполняя свой долг, пали рыцари-воины корнет Мосолов и всадник Айдебулов, пожертвовав свои жизни в защиту мирных беззащитных хуторян... Мир праху вашему, доблестные воины! Память о Вашей доблести и рыцарстве не изгладится в рядах полка».

Так 21 декабря 1917 года, оставшись живым на фронте, погиб на земле Кавказа, вдали от родных мест, двадцатипятилетний корнет Григорий Александрович Мосолов... С болью в сердце заверял этот приказ командира полка поручик Сергей Турбин, ведь павший в схватке с бандой грабителей

Александрович до производства в офицеры безвыездно прожил в Петрограде, а после производства сразу попал в кавказскую Дикую дивизию, определило его взгляды и строй его души. Он влюбился в Кавказ и во все, что связано с Кавказом. Он стремился переродиться в настоящего кавказца. Кто-то ему напомнил, что и герой Лермонтова – Печорин также назывался Григорием Александровичем, и это напоминание как бы «подлило масла в огонь». Он сделался фаталистом. Испытывать свое счастье, рисковать жизнью – стало потребностью молодого корнета. Но судьба хранила его. Хранила до поры до времени! Разве кто-нибудь знает, в каком именно месте и в какой именно час его глаза встретят невидящий взор судьбы?

По прибытии на Кавказ сотня, в которой служил Григорий Александрович, была расположена вдоль линии железной дороги, подвергавшейся нападению грабительских банд. В этой же сотне служил и Ваню. Однажды под вечер, когда день не хочет уступать дороги ночи, разведка донесла о приближении вооруженной группы всадников. В задачу сотни, охраняющей железную дорогу, не входило проверять проезжие дороги. Но бывший в этот вечер дежурным Григорий Александрович решил выехать навстречу едущим и узнать их намерения. Во главе взвода он приблизился к группе. Было уже темно. Друг против друга выстроились два ряда всадников.

– Кто такие, куда едете? – спросил Григорий Александрович.

корнет был его другом, они вместе учились в университете в Москве, а с семнадцатого года вместе служили в Кабардинском конном полку.

Всадники 4-й сотни привезли в Нальчик из Малой Кабарды тела корнета Мосолова и Тазрета Айдебулова. Весь полк прощался с ними. Потом родственники Айдебулова увезли его останки в родной аул в Верхнюю Балкарию и там похоронили. А корнет Григорий Мосолов нашел свой вечный покой в слободе Нальчик. К сожалению, от старого Нальчикского кладбища, где он был захоронен, уже не осталось и следа...» (*Опрышко О. С.* 163–164).

Судя по всему, близкие Григория Мосолова проживали в Кисловодске – именно туда ушла в те дни телеграмма следующего содержания: «Кисловодск. Пансион Нарзан. Мосоловым. Убитые потерей любимого товарища просим принять глубокое соболезнование бесконечным горем. Командир и офицеры Кабардинского полка» (ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 57. л. 192).

Спросил он по-русски, и это его погубило. Не отвечая ни слова, подъехавшие дали залп и с криком «Алла» кинулись в атаку. Взвод, сопровождавший Григория Александровича разбежался. А он остался лежать на месте. Часть убежавших всадников переполошила сотню. Ваню, узнав о гибели товарища, спросил: «А где его тело?». Тело осталось на месте встречи, в руках противника. Это ужасный стыд! Ваню вызвал охотников и с пятью-шестью кабардинцами помчался в ночь. Он прибыл вовремя: Григорий Александрович умирал. Как выяснилось впоследствии, его убийцами были ингуши. Но ингуши оправдывались, говоря, что приняли взвод кабардинцев за казачий разъезд. А с казаками у ингушей старинная смертельная вражда... Родители Григория Александровича передали Ваню кинжал погибшего сына в память того, что Ваню принял его последний вздох. С кинжалом этим Ваню не расставался, и он висел на его поясе, когда Ваню входил в гостиницу, где жил комиссар Сатов.

Как изобразить состояние человека, идущего всадить нож в человеческое сердце? Я знаю книги, в которых очень подробно описана психология и философия того, кто идет убивать. Быть может, и даже наверное, среди людей есть и такие, которым необходимо написать десять толстых томов в объяснение того: как и почему он убил?.. Ваню же чрезвычайно кратко отзывался о своем поступке. Он говорил, что был в положении обороняющегося: пришли люди, которые хотели уничтожить часть людей и потом на трупах построить какое-то непонятное и противное счастье. Часть людей, подлежащая истреблению, находилась под ударом ножа. Чтобы их спасти, Ваню решил ножу противопоставить нож. И, как он говорил, его главной заботой в этот вечер была кожаная куртка комиссара: во избежание шума Ваню не хотел стрелять, а кинжал может соскользнуть и тогда пропадет сила удара.

В восемь часов вечера комиссар Сатов возвращался в номер, пил чай, потом занимался до десяти-одиннадцати и ложился спать. Перед сном долго гляделся в зеркало и вспоминал героев французской революции. Комиссар Сатов принадлежал к числу воображающих людей. Горе человеку, попав-

шему в плен воображения. Трижды горе человеку, когда он воображает, что одна двадцатая часть его существа – интеллект – может покорить все существо.

Зеркало отражало несколько удлинненное лицо, с большими глазами, окаймленными редкими бесцветными ресницами. Большие глаза с редкими ресницами – признак подверженности человека ошеломлению мечтой. Взлохмаченная шевелюра удлиняла лоб, убегающий назад. Вьющаяся борода закрывала остrokонечный подбородок, в середине которого была ямка. Верхнюю губу комиссар брил, считая, что так он делается таинственнее: напоминает масона.

Вано выбрал время, когда комиссар Сатов сидел, разбирая бумаги, покуривая и отпивая чай из стоявшего перед ним стакана. Шел десятый час вечера. Вано постукал.

– Войдите!

Перед комиссаром лежал револьвер, о котором он забыл, как все невоинственные по существу люди в минуту опасности. Человек, рожденный для войны, инстинктивно находит оружие, когда есть в нем нужда.

– Вы комиссар Сатов? – спросил Вано.

– Я, – сказал тот, приподнимаясь.

О нем можно сказать, что в эту минуту он действительно не понимал «в чем дело?». Комиссар сидел в рубашке, с кожаной курткой, брошенной на плечи. Левой рукой Вано откинул назад комиссарский подбородок, а правой всадил кинжал между ребер, вытащил обратно, затворил за собой дверь и убежал. Через несколько минут раздался в номере выстрел. Потом другой. Потом раскрылись двери и обливающийся кровью Сатов медленно вышел в коридор. Сошел вниз. Стреляя и выкрикивая непонятные слова, направился почему-то в сад, где еще гуляли влюбленные и слушали шепоты южной ночи. Под ветвистой липой он упал и уже никогда не поднимался.

Дня через два по улицам города двигалась процессия. Впереди шли те, кто нес венки, перевитые красными лентами. За ними следовал гроб, обитый розовой материей (в то время красной материи не хватало, приходилось довольствоваться розовой). Гроб сопровождали комиссары, хранившие задум-

чивое молчание: эта неожиданная смерть была для них недвусмысленным предостережением. А сейчас за гробом двигалась сотня красных кабардинцев. Им хотелось как-нибудь выразить свое участие в похоронах. Но петь молитву – нельзя: ведь хоронили не мусульманина, а атеиста. Революционных гимнов они не знали. Поколебавшись, они запели одну из многих песен, выученных в период пребывания на фронте:

Оружием на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице пыль поднимая,
Проходил полк гусар усачей...

Слова этой песни были им непонятны. Но... что же делать? Надо же что-нибудь петь в процессии, идущей за комиссарским гробом...

В одном из окон, выходящих на главную улицу, по которой двигалась процессия, стоял Заурбек. Он не был ни «за» убийство, ни «против» него. Он оценивал и рассуждал. Он сказал:

– Вот, мы присутствуем при первом действии. Занавес поднят. Какие артисты выйдут на сцену? И кто больше сорвет аплодисментов?

Около него находились дамы, поэтому Заурбек старался выражаться иносказательным и легкомысленным языком.

“Кто ты?.. Я - Кабарга”

В характере Заурбека было – сначала сделать, потом сказать. Опыт его жизни научил его, что при всяком деле надо рассчитывать прежде всего на самого себя. До последней минуты он ни с кем не поделился своими планами. Даже тогда, когда он выехал за границу города и уже – казалось бы, ведь

жребий был брошен – нечего было таиться, все-таки на вопрос случайного встречного: «Куда едешь, Заурбек?» – «Еду в гости, к Хабыжу...» – он отвечал.

После убийства комиссара Сатова коммунисты решили, что имеется отличный предлог развить и усилить свою деятельность. Не проходило дня, чтобы кого-либо не арестовали. Часть арестованных отправлялась «в центр», но кто знал, куда действительно направлялась она? В народе начались волнения. Заурбек приступил к сборам...

Он сидел в своей комнате, с запертыми дверями, шил патронташ и писал стихотворение. Конструкцию патронташа изобрел он сам. Это было сложное сооружение, в три яруса. Верхний шел от плеча к плечу, средний вдоль груди, нижний – над поясом. Одновременно с иглой и шилом он работал пером. Впрочем, нет, не пером, а карандашом: он терпеть не мог пользоваться чернилами. Заурбек писал стихотворение под заглавием «Сон». Оригинал этого стихотворения никогда не будет найден: Заурбек его уничтожил. Он написал, выучил написанное наизусть, а бумагу сжег. Нелюбовь к бумаге – признак величия души. Тем, кто впоследствии желал иметь это стихотворение, Заурбек охотно его говорил, но записывать не позволял: «Если в словах моих есть смысл, – говорил он, – этот смысл задержится в твоей голове. А если нет, значит, мое стихотворение не годится».

Вот неточная запись стихотворения «Сон»:

Я заснул... и в тревожном том сне
Дрожь и холод от ужаса шли по спине,
И средь образов странных увидел во тьме
Великана-громаду на дивном коне.
И спросил, лепеча, я со страхом тогда:
– Кто ты?

И услышал: – Кто я?.. – Кабарда...
Позабыв свои страхи, себя забыв,
Страдая за родины счастье и честь
Я, с досадой, старался ему перечесть
Все, что слышал, и думал, что видел и знал.
Чем душой кабардинец так много страдал...

– Кабарда! Неужели? Этот рыцарь-джигит,
Эта слава Кавказа, его вольности щит –
Нет, не верю... И вновь прозвучало тогда:

– ...Я – Кабарда...

– Кабарда! Где ж твоя жизнь лучезарная,
Верность в любви, в мести коварная,
Слава джигитов ¹ нетленная,
Где старина та священная?

Где твои песни тягучие,
Где твои слезы горячие,
Где твои бурные радости
В мощных сынах вольной младости?

Где твои тучные нивы?
Где скакуны длинногривые,
Где твои быстрые реки,
Где твоя удаля – абреки? ²

Где наша мудрая чинность,
Где адыгейца повинность:
Гостю и старшим почет?
Где еще хабзэ ³ живет?

Где наши речи кунацкие ⁴ ,
Где отношения братские,
Где так звучавшее часто:
Мыр зи ди шуугх паста? ⁵

Разве навеки кануло,
Что в твоём сердце уснуло?
Разве расстаться не жаль
С мудро-прекрасным ажалъ? ⁶

¹ Лихой наездник.

² Рыцарь широкой дороги.

³ Обычай старины.

⁴ К у н а к – друг.

⁵ Вот мой хлеб-соль.

⁶ Вера в судьбу.

когда сидел в седле и стоял на сцене. Винтовкой, револьвером, кинжалом и шашкой Заурбек владел так, как мы владеем пальцами, но не левой, а правой руки: ведь пальцами левой руки не каждый напишет свое имя, а Заурбек выписывал свое имя пулями на мишени. Кроме того, он умел танцевать... Что значит «он умел танцевать»? Значит ли это, что он брал обеими руками талию или плечи женщины и потом начинал их трясти, выделывая при этом ногами странные движения, подобные тем, какие делает птица, называемая трясогузка?

Конечно, нет!.. При ходьбе Заурбек поднимался над землей на высоту, на которую поднимается конь, идущий галопом. При танце же он поднимался подобно грозной и благородной птице; при танце он парил над землей, ибо парила его душа. Его руки и ноги двигались при этом так, как того требует закон танца, а его мысль была занята не тем, чтобы увидеть у своей партнерши то, что не должно видеть, но тем, чтобы встретить и проводить даму пристойно... Самое же главное: Заурбек знал себя и умел владеть собою, а через это знал людей и умел владеть людьми.

Он знал, что за человеком идут тогда, когда он сам идет за идеей. Тот, кто верен идее – тому верны. Тот, кто не обманывает себя и других – и того не обманут. Заурбек умел вызвать в человеке лучшее из того, чем он обладает, и потом овладеть этим лучшим. Как он этого достигал? Чем? Тем, что в совершенстве владел собой и был верен себе... И еще – последнее, что я хочу здесь сказать, – Заурбек умел говорить. Это кажется просто: уметь говорить. Кто из нас, живущих под небом, не умеет сказать, что у него большой аппетит на копченное мясо или что в театре было весело или скучно?! Но ведь и пес умеет об этом сказать. Причем случается, что пес высказывает свои чувства целомудреннее и значительнее человека! Посмотрите на иную собаку, когда она слушает красивый печальный мотив: она молчит, и в задумчивых ее глазах искрятся слезы. А человек? Он иногда должен справиться с «либретто», которое он держит в руке, болтая в театре, чтобы не ошибиться и в нужном месте сказать: «О! О! О! Превосходно...».

Когда Заурбек говорил, его сердце метало стрелы. Там, где не хватало человеческих слов, он как бы разрывал грудь и призывал каждого, кто достоин называться человеком, рас-сечь его грудь и вырвать из нее молчание, которое опалает сильнее слов. Когда он говорил, старцы становились юноша-ми, а юноши богатели мудростью. И сам он был пламенный, как только что разгоревшийся костер; и был мудрый, как хо-лодный пепел, оставшийся от тысячелетий.

Заурбек произнес стихотворение «Сон» в громадном зале, в присутствии тысячной толпы. Концерт устраивало Кабар-дино-Балкарское общество, но на концерте этом говорили и пели по-русски, ибо велика сила русского языка – потому что сила эта стихийна. Заурбек вышел на эстраду в папахе и с кинжалом на поясе. Во внутреннем кармане лежал револь-вер – Заурбек не знал, вернется ли он с эстрады: в зале при-сутствовали коммунисты и красноармейцы.

...Когда он сказал последние слова:

Дотоле не будет и места для страха
В сердцах всех вступающих в бой... –

по залу пронеслось движение. Кто-то крикнул: «Товарищи, он призывает к восстанию». Кто-то – бледный и потрясенный – встал и вышел. Первые ряды, занятые коммунистами, сидели неподвижно и безмолвно. Прошла та томительная секунда, которая похожа на промежуток, предшествующей чтению су-дебного приговора, от которого зависит жизнь или смерть. И вот – подобно обвалу в горах – поколебался зал... На сцену всходил малоизвестный широкой публике бывший офицер, с репутацией не то сорванца, не то дерзкого себялюбца. А сей-час на сцене стоял победитель, окутанный славой, и слава эта предоохранила его от немедленного ареста.

– Заурбек, – сказал ему Мисост, подойдя в антракте, – мы все решили, что это последняя твоя штука. И в Исполкоме ¹, и в Реввоенсовете ²⁹ не желают больше смотреть на твои

¹ Исполнительный комитет.

² Революционный Военный Совет.

контрреволюционные выступления. Дай мне слово, что это – твое последнее твое выступление.

– Хорошо, – ответил Заурбек, – я даю слово, что ничего в этом роде я не сделаю. Это – мое последнее выступление у вас.

Ровно в полночь Заурбек расстелил ковер, проделал необходимые омовения и стал на молитву, обратившись лицом к Востоку. В конюшне ожидала поседланная Дина, вокруг ковра, на земле, лежали карабин, патронташ (в него вошло двести семьдесят патронов), копьё и плетё. Шашка, револьвер и кинжал были на Заурбеке во время его молитвы, ибо молился он о деле ратном.

Августовские звезды похожи на чистую улыбку младенца. Августовские звезды тихи, благостны и милосердны.

– Великий Аллах! – молился Заурбек. – Если я не прав, дай мне погибнуть в первом бою, и тогда дело мое будет искуплено моею кровью.

В августе ночное небо бывает прекраснее самой прекрасной мечты человека, ибо всякую мечту человека творит человек, а ночь – бессмертный дар Всесильного Бога...

Быть может, августовская ночь – вовсе и не ночь, а синие крылья какой-нибудь неслыханной птицы? Разве доступно человеку понять – что есть ночь? И почему перестает биться сердце? И почему в груди рождается песня и мотив этой песни сладостен и знаком, но повторить этот мотив голосом невозможно...

– Ты, сотворивший миры, щедро разбросанные во Вселенной, от воли Твоей зависит быть или не быть. Тебе поклоняются народы, и Имя Твое не умолкает в грохотах времен... Если мне надо сделать – да сделаю! Если мне дано совершить – да совершу...

Заурбек распластался по земле, он не видел и не слышал. Быть может, первые в жизни слезы обожгли его глаза, видевшие смерть и искавшие путь к смерти.

Предутренняя прохлада всколыхнула воздух. Со стороны конюшни послышалось ржание – это Дина окликала своего хозяина и друга. Еще, и еще, и еще раз Заурбек прикоснулся

лбом к земле. Он знал, что, поднявшись и сев на коня, он начнет роковой путь. Ему хотелось иметь какое-нибудь знамение. Впервые за месяцы и недели непрерывных дум об этом мгновении он почувствовал себя одиноким. Действительность, когда она вплотную обступает человека и диктует ему свой закон, — ужасна.

Между тем проснулись птицы. Нижний край восточного неба заалел: так алеет белая рубаха, напитываясь кровью. Над головою меркли высокие звезды, и лишь одна звезда, подобная трепетному цветку, осыпанному бриллиантовой пылью, не разлучалась с небом. Сухой звук копыт Дины по пыльной дороге был единственной музыкой, сопровождавшей выступление Заурбека. Но звук этот был успокоителен и приятен. Сонный город остался далеко позади, вокруг одинокого всадника расстилалось безлюдье кабардинских равнин. Заурбек ехал шагом, не оглядываясь. Не убавляя хода, Дина взобралась на холм. И остановилась на вершине. Из-за дальнего леса, растущего на берегах Терека, поднялось солнце. В это мгновение во всем подсолнечном мире были лишь двое: Солнце и Заурбек. Солнце было огромное и смеющееся: оно знало, что оно победит мир. Заурбек был задумчив и печален: он не знал, что встретит его на второй версте.

Он тронул коня и двинулся навстречу солнцу, идущему навстречу ему. Трехъярусный патронташ закрывал его грудь. Карабин оттягивал плечо. В правой руке Заурбек держал копье, на конце которого развевался значок с изображением полумесяца и звезды.

— Итак, — сказал Заурбек, — во имя Бога! Йа-алла! — И слегка поклонился.

Дина знала, что это значит: она понеслась, как несется птица, уходящая от земли ввысь — к небу.

Победа

Июль и август тысяча девятьсот восемнадцатого года. Подножие Кавказских гор. Реки: Терек и Малка. Казачьи станицы, охваченные восстанием. По железным дорогам рыскают броневики. Степь напитывается кровью, и ее острый дух вызывает к небу. В городах, где сосредоточены коммунистические гарнизоны, – паника, аресты, расстрелы, спекуляция, мобилизация, регистрация и снова паника. Моздок взят повстанцами. Владикавказ осажден. Грозный осажден. Кизляр осажден. Пятигорск осажден. Кисловодск переходит из рук в руки. Бело-красные фронты пали на предкавказские равнины и горы и изуродовали их огнем и смертью. Было время, когда человек человеку становился не волком – что волк? Волка можно испугать огнем. Человек человеку был просто убийцей...

В первые недели восстания пленных не брали – война шла на уничтожение. Главный штаб восставших находился в станице Прохладной. Боевой штаб – в станице Солдатской. Заурбек переехал на казачий берег Терека против станицы Солдатской. За полверсты до переезда он повстречался с молодым кабардинцем по имени Хацу. Это был один из его воспитанников по учебной команде. Хацу возвращался домой с поля. Он был вооружен, ибо нельзя было угадать, в каком месте и в какой час мирное поле хлебопашца преобразится в арену битвы. Хацу, увидав Заурбека, сделал заезд согласно обычаю: он поставил коня перед дорогой так, чтобы приближавшийся Заурбек подъехал к нему с правой руки. Хацу приподнял правую руку до пояса. Это значит, что он приветствует старшего. В душе Заурбека поднялась борьба противоречивых чувств. Он боялся получить отказ: первый отказ – дурное предзнаменование для начатого дела. Но ему хотелось испытать судьбу.

– Хацу! – сказал он. – Я еду на тот берег, к восставшим казакам. Я обращаюсь к нашему народу с призывом очистить Ка-

бардинскую землю от коммунистов. Как ты думаешь, Хацу, что мне ответит народ?..

Хацу вынул кинжал из ножен, обратил его острием к небу и потом поцеловал холодный металл клинка. Этим он клялся в правдивости того, что сейчас произнесут его уста:

– Валлаги-азым билляги-керим Тха мырзы – Коран! ¹ – воскликнул Хацу, и глаза его наполнились таким светом, какой появляется в глазах тигра, когда охотник направляет дуло своего ружья против тигрового лба. – Не завтра и не сегодня, а сейчас я иду за тобой!

Заурбек подъехал к нему вплотную, и они обнялись троекратно, крест-накрест, прикладывая щеку к щеке. В станицу Солдатскую Заурбек прибыл к полудню, в сопровождении Хацу, которому передал значок – будущее знамя будущего отряда. Первое, что они встретили – был обоз с ранеными, направлявшийся в тыл. Десятка два подвод, запряженных конями и волами, медленно двигались по пыльной дороге, под лучами ослепительно яркого и равнодушного солнца. Около обоза не было видно ни врача, ни сестры милосердия. Часть раненых пела ленивые неторопливые песни, часть спала. Рядом с передней подводой ехал длинноусый казак в белой рубашке, на его спине отчетливо краснел знак человеческой пятерни – вероятно, это был последний жест, последний привет умиравшего соседа. Заурбек спросил длинноусого казака:

– Эй, станица, откуда?

– С под Аполлоновского разъезда!.. А вы кто такие будете?

– А мы кабардинцы, пришли к вам на подмогу.

– Чего ж, – поглаживая усы, ответил казак, – для нас и два человека подмога. Поезжайте к церкви, там записывают добровольцев.

Полевой штаб восставших казаков помещался в доме станичного атамана, расстрелянного коммунистами за нежелание признать власть Советов. Над входом в дом реял синий войсковой флаг. На крыльце сидели бородатые казаки с берданами в руках. Эти берданы напоминали времена русско-

¹ Клятва Богом и Кораном.

турецкой войны прошлого века. Под крыльцом, на завалинке и просто на земле, в тени, под стеной, стояли, сидели и лежали молодые и пожилые казаки, как будто ожидавшие чего-то. Сквозь раскрытые ворота была видна внутренность двора. Там, под навесом и в тени увядающих акаций, несколькими группами стояли поседланные кони. От казаков и коней, от винтовочных ремней и накаленных солнцем седел, от потных рук, державших винтовки и покрытых густыми слоями пыли сапог, исходил особенный острый запах, который можно обонять только летом и только в кругу людей, вернувшихся с поля битвы или отправляющихся туда. Раздувавшимся ноздрям Заурбека этот острый запах показался любимым ароматом: точно так же, как газетный репортер влюблен в запах типографской краски, или постоянный посетитель кофеен влюблен в запах кофе и сигарного дыма, так и рожденный для войны Заурбек был влюблен в запах войны.

Восставшими казаками командовал генерал Эль-Мурза*. Огромный и неподвижный, он сидел за столом, на котором была разостлана карта. Глаза Эль-Мурзы, прикрытые не в меру большими веками, казались слишком задумчивыми, почти сонными. Но внимательный взор мог высмотреть в них непоколебимую решительность и спокойствие, напоминавшее спокойствие скалы, глядящей на свое отражение на поверхности невозмущенных вод. В глазах Эль-Мурзы было нечто не от земли – от какого-то ему одному известного мира, видений и образов. Те, кто видел Эль-Мурзу перед атакой, впереди полков, блистающих шашками и копьями, говорили, что и в эти минуты его глаза оставались устремленными на нечто, что видели только они.

Эль-Мурза не подал Заурбеку руки, потому что рука его была прострелена в недавнем бою. Он кивнул головой и улыбнулся. Улыбка приподняла рыжеватые усы и разделила их на две половины.

– Садись, – сказал Эль-Мурза, – ты один?

* Эльмурза Асланбекович Мистулов, генерал-майор, первый командующий повстанческими войсками Терской области, покончивший жизнь самоубийством после прорыва красных.

– Утром я был один, в полдень нас стало двое, посмотрим, что принесет вечер и завтрашний день.

...Через несколько дней десятки тысяч экземпляров заурбековского обращения к Кабардинскому народу распространились по хуторам и аулам. Нашлись верные люди, переправившие прокламацию в город.

«ЧЕГО МЫ ДОБИВАЕМСЯ В КАБАРДЕ?»

так начиналась первая прокламация, подписанная председателем Кабардинской партии «Свободная Кабарда» Заурбеком. «Кабарда должна иметь войско из людей честных, по жеребьевке, без различия сословий...» «Никто не имеет права на Кабардинской земле отбирать оружие у кабардинца и самочинно арестовывать без приказа Национального совета...» «Раздел земли, выборная власть...» «Партия «Свободная Кабарда» выступает главным образом в защиту темного неграмотного народа, не знающего всех своих прав, полученных свободой. Князья и дворяне, которые желают народу блага, обязаны присоединиться к нам. Тех же из них, кто вздумает становиться нам поперек дороги, партия объявит врагами Кабарды и предаст их беспощадному народному суду...» «Партия «Свободная Кабарда», святая задача которой заключается в доставлении народу действительной свободы, затоптанной ногами коммунистов, будет до конца биться с врагами народа, с оружием в руках...» «Партия «Свободная Кабарда» считает необходимым легальное существование партии, дабы стоять на страже полученных свобод, помогать простому народу и быть всегда готовыми с оружием в руках выступить против всяких попыток вернуться к дореволюционным порядкам»^{*}.

^{*} Приводим данный документ полностью.

«Программа Кабардинской революционной партии «Свободная Кабарда».

1. Кабарда должна устраивать свою жизнь на основах самосохранения, без угрозы штыков.

2. Все граждане в Кабарде имеют право собирать сходки и устраивать митинги.

3. Кроме Окружного Народного Совета, Кабарда должна иметь Национальный Кабардинский Совет дел чисто кабардинских.

Я привожу здесь эти короткие выдержки из политической программы Заурбека, чтобы сказать, что он опередил свое время. Программа эта была написана в августе 1918 года. Она

4. Национальный Совет Кабарды должен работать в контакте с другими Советами.

5. Красная Армия из кабардинцев, балкарцев и русских должна быть распущена. Оружие отобрано.

6. Кабарда должна иметь национальное войско из людей честных, не верующих, по жеребьевке, без различия сословия. Оно должно защищать территорию Кабарды, прекратить увеличивающиеся воровство и грабежи и быть силой в руках Национального Совета.

7. Все русские села, хутора и слобода Нальчик должны быть разоружены – оружие им должно быть оставлено только в количестве, необходимом для самообороны. Это оружие должно быть в ведении комиссаров самообороны на учете и выдаваться очередным. Всеми сельскими обществами должна быть выдана подписка, что впредь они самолично обязуются не выступать ни на чьей стороне без согласия кабардинского народа.

Жизнь и имущество иногородних должно защищаться всей Кабардой. Всякое усиление вооружения в слободе и селах тайным образом будет рассматриваться партией как враждебный акт против Кабарды, привыкшей ко всем относиться братски.

8. Никто не имеет права на Кабардинской земле отбирать оружие у кабардинцев и самолично арестовывать без приказа Национального Совета.

9. Раздел земли, выборная народная власть, сельские Советы и комиссары остаются в селениях; где таковые причиняли обществу вред, они должны быть переизбраны.

10. Партия «Свободная Кабарда» выступает, главным образом, в защиту темного, неграмотного народа, не знавшего всех своих прав, полученных свободой. Князья и дворяне, которые желают народу блага, обязаны присоединиться к нам. Тех же из них, кто вздумает становиться нам поперек дороги, партия объявит врагами Кабарды и предаст их беспощадному народному суду.

11. Партия «Свободная Кабарда», святая задача которой заключается в доставлении народу действительной свободы, затоптанной ногами авантюристов, будет до конца бороться с врагами народа с оружием в руках.

12. Партия «Свободная Кабарда» считает необходимым легальное существование партии, дабы стоять на страже полученных свобод, помогать простому народу и всегда быть готовой с оружием в руках выступить против всяких выступлений контрреволюционного характера.

13. Да здравствует свободный кабардинский народ! Долой угнетателей, долой диктатуру штыков! Все идите к нам в «Отряд свободы».

Председатель партии Заур-Бек Даутоков-Серебряков.

20 августа 1918 г. ст. Солдатская» (ЦГА КБР, ф. Р-197, оп. 1, д. 38, л. 31–32).

предвосхитила основные положения двух модных теперь течений: фашизма и евразийства. Идея защиты свобод и служения народу путем образования единой партии честных людей, готовых выступить с оружием в руках в защиту народа, – вот, собственно говоря, в чем состояла мысль Заурбека и что он противопоставлял коммунизму и реакции.

Однако было бы неправдой сказать, что прибывавшие, подобно полководью, добровольцы шли за идеями Заурбека. Нет, они шли за самим Заурбеком. Они верили ему. Верили в его счастливую звезду, верили в то, что он победит. И он победил!

Уже в первых числах сентября, во главе сотни людей, Заурбек разбил коммунистический батальон, захватил пулеметы, пушку, много снарядов и вооружения. Весть о победе разнеслась далеко по Кабарде. Если до сих пор в отряд прибывали одиночки, то теперь стали прибывать десятки. К тому дню, когда Заурбек решил приступить к очищению Кабарды от коммунистических войск, он имел три сотни отборных всадников, батарею и четыре пулемета. За исключением двух пушек, все остальное огневое вооружение было добыто отрядом в боях с красными.

Строение заурбековского отряда напоминало строение средневекового города. Средневековый город строился во времена непрерывных войн всех против всех. Отряд Заурбека собирался и организовывался в период гражданской войны, которая почти не отличается от «войны всех против всех». Середину средневекового города составляет твердыня, именуемая Кремлем или Градом. Ядро заурбековского отряда составляли специально отобранные им всадники.

В самом начале таких всадников было десятка два-три на всю сотню отряда. К середине сентября из имевшихся в строю трехсот пятидесяти кабардинцев Заурбек отобрал сто, и эти сто и были его Кремлем. Опираясь на сотню отборнейших, он управлял остальными двумя сотнями. Опираясь на триста пятьдесят отборных, он предпринял очищение Кабарды от коммунистов.

Да не смутят никого эти малые цифры! Вспомним: ведь Гарибальди начинал дело с «тысячью гарибальдийцев». А

Италия во много и много раз превосходит своими размерами не только Кабарду, но и всю область, к которой принадлежит Кабарда. И еще вспомним: когда-то был только один фашист – Бенито Муссолини. Сколько их теперь?.. И наконец, – да будет нам стыдно! – ведь на всю полуторамиллионную Коммунистическую партию, которая управляет сейчас одною шестую частью земной суши – Россией, насчитывается не больше двух тысяч «настоящих» «старых» коммунистов. Тех коммунистов, которые вступили в партию до первой русской революции! Таким образом, важно не «сколько», а «кто». Важно не количество, но качество...

Была ночь. На всех въездах в селение, где находился отряд Заурбека, стояли заставы. Кони спали, опустив голову, и время от времени моргали темными, не видными в темноте глазами. Кое-кто из всадников курил, пряча огонек свернутой папиросы в широкий рукав черкески. Издалека донесся топот. Кабардинцы прислушались. Это, несомненно, ехал один человек. Вот показался силуэт – миниатюрный всадник на высоком коне. Посадка обличала в нем горца.

– Это Заурбек! – сказал Измаил *, начальник заставы, сощуриив глаза до последней степени, напряженно вглядываясь в темноту.

Заурбеку случалось выезжать ночью по неотложным делам, на совещание начальников, и в таких случаях он непременно проверял ночные заставы, возвращаясь в отряд. Измаил вышел вперед. Он уже собирался подать команду, когда предполагаемый Заурбек подъехал совсем близко, и перед Измаилом вырос очень знакомый всадник, которого, однако, он не узнавал.

– Здесь стоит Кабардинский отряд Заурбека? – спросил прибывший.

* И с м а и л У м а р о в и ч Т х а з е п л о в, уроженец селения Нижнее Кожоково (Нижний Черек). С 1914 года служил Кабардинском конном полку. За храбрость в боях награжден Георгиевскими крестами 1, 2, 3, 4-й степени и английской медалью. В августе 1917 года произведен в чин прапорщика. В 1918 году служил в отряде З. Даутокова-Серебрякова, затем в Кабардинской конной дивизии. В Белой армии произведен в корнеты. В 1920 году эмигрировал за границу.

Что-то, независимое от воли, чего нельзя вызвать нарочно, но что приходит само по себе, внезапно осенило Измаила: он узнал голос прежде, чем мог сообразить:

– Кебляга, полковник Юрий, – вскричал он радостно, – милости просим, пожалуйста, извините, что не сразу узнал!

Полковник Юрий – это был действительно он – протянул руку Измаилу. Всадники, бывшие в заставе, сгруппировались вокруг них, как это всегда бывает на фронте, при появлении нового человека. Однако полковник Юрий спешил повидать Заурбека. Расспросив о дороге, он толкнул уставшего коня пяткой в бок и на рысях поехал дальше. Уже в десяти шагах он снова сделался похожим на Заурбека, и это сходство несколько удовлетворило всадников, ожидавших «хабар»¹ и не получивших его. За неимением более занимательной темы, кабардинцы разговорились о сходстве фигур Заурбека и полковника Юрия. А полковник Юрий уже стучался в дверь, за которой находился Заурбек.

– Кто там? – крикнул Заурбек. – Войдите!

Полковник Юрий вошел и остановился на пороге. Свет лампы упал на его лицо, покрытое загаром и пылью. Светлые глаза казались еще светлее и казалось, что из глаз его сверкали два меча, только что отбитые кузнецом. Лишь одну перемену нашел Заурбек в полковнике Юрии: он не носил уже усов, напоминавших зубные щетки. Как видно, пребывание среди англичан не прошло бесследно.

Заурбек приподнялся, одновременно поднялись и брови. Он не знал, как встречать полковника Юрия: встречать ли его, как человека, последняя встреча с которым была обидна для обоих, или же отнестись к нему, как к другу, пришедшему с протянутой рукой.

– Заурбек, – сказал Юрий, – в Перми я услышал о восстании на Северном Кавказе, я поспешил сюда. Я ехал через Моздок и там узнал, что существует Кабардинский отряд. Примете ли вы меня к себе?..

...Когда поссорившиеся псы возобновляют дружбу, они лижут друг друга, и зрелище это приятно взору. Когда две

¹ Новости.

женщины перестают «дуться» и от взаимных несправедливостей переходят неожиданно к поцелуям, объятиям и слезам – это может тронуть сердце человеческое, и человеческое сердце испытает при этом благодарное и нежное волнение. Но когда суровые воины признают, что ошибались друг в друге; и признают, что они лучше, чем они думали один о другом; когда они встречаются взглядами и взгляды эти прямы и открыты; когда они обмениваются твердыми и уважительными рукопожатиями – тогда появляется нечто, заставляющее стать мужественнее и достойнее, и выпрямить стан.

Не отвечая словами, Заурбек подошел к полковнику Юрию, крепко сжал его руки и потряс ими.

– Как можно сомневаться? Кто же откажется принять лучшего воина из всех, которые когда-либо сидели на коне?.. Вы, – говорил Заурбек, обращаясь к полковнику Юрию, – вы прибыли как раз вовремя! Завтра мы даем встречный бой. Это будет первый бой кабардинцев с кабардинцами, и притом на Кабардинской земле. Вот какова обстановка...

И Заурбек рассказал Юрию о первых стычках отряда, рассказал о том, как устроен отряд, в каких боях он участвовал. Заурбек признался, что он до сих пор медлил перенести действия отряда на Кабардинскую землю потому, что не хотел брать на себя ответственность за начало братоубийственной войны. Но теперь – вчера – стало известным, что организованные коммунистами отряды красных кабардинцев подтянулись к одному из соседних селений. Прибывшие оттуда перебежчики удостоверяют, что коммунисты решили завтра окружить заурбековский отряд превосходящими силами и уничтожить его...

– Тайной, – продолжал Заурбек, – я называю то, что знает один человек. Строжайшим секретом то, что знают два человека. Если же то, о чем надо молчать, знают три человека, то это значит, что знают все... До этой минуты я никому не говорил, что завтра мы даем бой. Поэтому я уверен, что об этом никто не знает. Теперь я попрошу вас, дорогой полковник, проверить мои предположения на завтра. Вот перед нами карта. Вот здесь находимся мы. Здесь,

здесь и здесь, – Заурбек показал карандашом, где именно, – сосредоточен противник. Совершенно ясно, что коммунисты начнут с того, что постараются отрезать пути нашего сообщения с казаками. Но они не догадываются, что я выведу отряд на их сторону реки и таким образом сам оборву эти линии. Я это сделаю для того, чтобы, во-первых, спутать их предположения. Во-вторых, чтобы дать понять моим людям, что отступления не будет. Мы должны победить. Если этот бой окончится неудачей, можно подавать в отставку: второй раз проделать всю историю отряда не удастся. Таковую игру не переигрывают...

Наступило утро. Белые вершины гор стояли близко друг к другу – как будто это были снежные щиты неведомых богатей, соединенные краями. Можно было подумать, что снежные щиты выставлены для защиты от неприятеля. И действительно, это было так: снежные щиты заслоняли долину реки Малки от солнца. Но разве есть во всей Вселенной сила, равная солнцу? Кто посмеет сказать: «Я победил солнце!». Никто. Потому что солнце – предвечный и единственный повелитель мира.

Первые лучи солнца преодолели препятствие из снежных щитов, осветили долину и осветили отряд Заурбека, двигавшийся вдоль реки. Берега этой реки круты и обрывисты. Иной раз надо проехать и десять, и пятнадцать верст, чтобы найти переезд.

Переезд, по которому прошел отряд Заурбека, остался далеко позади. Обрывистый берег реки находился справа, а слева тянулся невысокий горный хребет, именуемый Куба-Топа. Впереди отряда лежали кабардинские аулы, в которых сосредоточены были красные войска.

...Бой разыгрался быстрее весенней грозы.

В тот момент, когда прибыло донесение от передового разъезда, сообщавшее о встрече с пехотой противника, полковник Юрий стремглав примчался с вершины Куба-Топа и сказал своим обычным равнодушным тоном:

– Весь наш левый фланг и часть тыла окружены кавалерией.

Таким образом, с самого начала отряд Заурбека очутился в ловушке: впереди – пехота, справа – непроходимая река, слева и позади – кавалерия. Первую из трех сотен отряда Заурбек выслал лавой навстречу пехоте. Этой сотне было приказано завязать с пехотой бой и удерживать ее на дальнем расстоянии. Вторую сотню, развернувшую лаву перпендикулярно первой, направили на Куба-Топа. Эта сотня должна была привлечь на себя удар неприятельской конницы и потом, смыкаясь к флангам, отступить к сердцевине отряда. Завлеченного неприятеля ожидала третья – лучшая сотня построенная впереди батареи, имевшая на флангах пулеметы. И так случилось: преследуемая противником сотня отступила и рассыпалась вправо и влево – она очистила пространство для действия пулеметов и пушек, которые били картечью. Пулеметный огонь и картечь расстроили первые ряды нападавших, но позади их, с непередаваемым криком, мчались еще и еще... Тогда Заурбек взял из рук Хацу зеленое знамя с полумесяцем и звездой и выехал впереди третьей сотни.

– Кабардинцы! – прогремел его голос, побеждая стук пулеметов. Редкие удары орудий служили как бы знаками препинания к его речи. – Посмотрите на этих людей, которые летят сюда на кабардинских конях и в кабардинской одежде! Они хотят уничтожить Кабарду, они плюют на наши обычаи, они втоптали священное «напэ» в кровавую грязь! Посмотрите на их кровавое красное знамя! Оно несет разрушение нашим аулам и смертельную обиду нашим дочерям и женам. Эти люди, идущие под знаменем крови, служат чужим, враждебным нам желанием. Они одеты так же, как и мы, но душа их принадлежит врагам! Вперед – вот перед нами открывается счастье умереть за кровь наших предков и детей! Вы увидите сейчас, как Заурбек пойдет впереди вас. Но пусть будет проклят час моего рождения, если я поверну коня!..

Отдельные всадники красной кавалерии, опередившие свою лаву, были всего в нескольких саженьях, когда с громовым «Алла!» сотня отборных бойцов во главе с Заурбеком кинулась вперед. Этот удар напоминал камень, пущенный пращей Давида. Громадная растянутая линия коммунистов

дрогнула и повернула назад. Напрасно грозили комиссарские револьверы: тому, кто потерял во время конного боя сердце, его уж не найти! Зеленое знамя, бывшее в руке Заурбека, развевалось горделиво и победоносно.

Едва покончив с конницей, Заурбек собрал людей и повернул фронт к пехоте. Но это был уже не бой, а игра с огнем. При виде стройной лавы, наступавшей рысью, в полном порядке, пехота вышла из окопов и подняла руки. Некоторые пехотинцы втыкали винтовки штыками в землю. Некоторые кричали «ура!». Это «ура!» относилось к тем, кто их победил...

К вечеру, когда уже давно высохла пролитая кровь, когда раненые успели в сто первый раз рассказать, как и при каких обстоятельствах их встретила пуля, и при этом рассказать каждый раз по-новому, потому что говорят на Кавказе: «Ты не услышишь ту пулю, которая тебя ранит, и не заметишь ту женщину, которая похитит твое сердце...». Когда убитых распределили по подводам и разъехались подводы по многоколейным кабардинским дорогам, разнося слух о битве и победе, Заурбек подъехал к высокому холму, еще освещенному уходящим за Эльбрус солнцем. Лицо его было печально. Правда, он победил и перед его отрядом открывалась дорога к сердцу Кабарды – к Нальчику. Но разве можно забыть, что среди убитых и раненых с обеих сторон не насчитывалось и трех грамотных? Кто же, в конце концов, затеял бойню? Те, кто разумел. А кто погибал, кто отдавал свою кровь, кто оставался лежать в холодном безмолвии? Те, кто не умел отличить «а» от «б».

Заурбек тысячу раз видел перед собою поле, покрытое безжизненными телами. Но тела эти принадлежали враждующим сторонам: немцам и русским, русским и туркам. А сейчас по обе стороны смертного рубежа лежали русские и русские, кабардинцы и кабардинцы.

«Если бы, – подумал Заурбек, – если бы я уступил и через это перестала бы литься кровь, – я бы не задумываясь уступил...» «Но ведь они включили кровь в свою программу!» – подумал он через минуту: «Согласен ли ты уйти с поля битвы,

чтобы уступить дорогу тем, кто празднует победу новыми убийствами?» – спросил себя Заурбек. И ответил: «Нет, не согласен». «Согласен ли ты сам умереть за то, за что умерли только что твои друзья?» – снова спросил себя Заурбек. И ответил: «Да, согласен». Эта мысль облегчила его. А когда он подумал еще о том, что путь, на котором он стоит, ведет или к победе или к смерти, и что победа где-то далеко, а смерть – вот здесь, за каждым поворотом дороги, его грудь вздохнула легко и свободно. Ибо правда – всякая правда – состоит в том, за что ты готов отдать, во-первых, свою жизнь, а уже потом – жизнь близких тебе. Такую правду нашел в себе Заурбек.

Он поднялся на холм, приказал трубить сбор. Краешек алого солнца медленно таял где-то там, за грядой снежных щитов. Заурбек пристально всматривался в солнце. Он вспомнил в эту минуту восходящее солнце, не так давно встретившее его на берегах Терека. Лицо его посетила улыбка, и была эта улыбка печальна.

Диктатор

После второго боя на подступах к Нальчику (у реки Баксан) в Кабарде не оставалось уже сколько-нибудь значительного красного отряда.

В погожий сентябрьский день, когда улыбка осени прелестнее улыбки весны, когда, сознавая это, человек убеждается, что перед закатной красотой, властно и горделиво побеждающей сердце, безмолвно склоняется красота восходящая, Заурбек въезжал в столицу родного народа. Золотые слезы увядающих тополей и лип беззвучно спадали к ногам утомленных коней. Вдоль дороги, ведущей к середине города, выстроились делегации от кабардинского, русского, грузинского, балкарского и еврейского населения города. Учебные заведения вывели школьников и школьниц, одетых весело и на-

рядно. Какое-то музыкальное общество, лишившееся при коммунистах музыкальных инструментов, не растерялось и вышло встречать победителя с гитарами и балалайками, перевитыми лентами. Позади шпалер и в промежутках между ними яркими пятнами выделялись дамы и барышни, в праздничных платьях, с лицами, застывшими в улыбке, и не знающими усталости голосами: «Браво! Ура! Слава!» – кричали они, и крик этот вносил что-то стихийное в торжество этого дня.

В голове отряда ехал Хацу, везший зеленое знамя – бережно и гордо. За ним – в колонне по три – сдерживая играющих коней, двигалась третья сотня, ядро – опора – и победа отряда. Командир сотни, бесстрашный Павлик, не знавший тогда, что ровно через год на его шею опустится тяжелый драгунский клинок, зажатый в руке красного кавалериста, раскланивался направо и налево. Он принимал рукоплескания, как должное, потому что его сотня первой вошла в завоеванный город, и – едва войдя – разбила тюрьму и освободила заключенных. На приличном расстоянии от головной сотни ехал Заурбек, окруженный как-то вдруг образовавшейся свитой. Несколько десятков человек, гарцевавших вблизи Заурбека, едва ли одною десятою своею частью принимали участие в походе. Но велика сила успеха: каждый, кто мог, подъезжал к Заурбеку, – словно по важному делу – и, сказав ничего не значащее в этом случае «милости просим», оставался, уподобляясь звезде вблизи восшедшей луны. Однако, когда отряд втянулся в город и узкие городские улицы невольно призвали свиту к порядку, каждый желающий горожанин мог увидеть того, кто освободил Кабарду от красных.

– Где он? Где он? – спрашивали судорожно шевелящиеся губы, в то время как глаза блуждали бесцельно и придавали лицу бессмысленное выражение.

– Да вот этот, в красной черкеске, видишь, какое лицо у него страшное!

Но обладателем красной черкески и страшного лица был не Заурбек, а ехавший рядом с ним Хабыж. В первой тройке ехал Заурбек, справа от него – Хабыж, слева – полковник

Юрий. Хабыж грозно оглядывался по сторонам: его конь Ураган высоко поднимал передние ноги, словно нарочно топтал покоренную землю. Заурбековская Дина шла легко и грациозно. Она узнавала знакомые места, необыкновенное скопление народа волновало ее и потому трепетали ее нижние ноздри. Под полковником Юрием был конь, обладавший широким шагом, цвета крыла ворона, с длинной шеей. Полковник Юрий бросил поводья на шею коня, он занялся разглядыванием женских головок, свесившихся из всех окон.

– Взгляните на этот цветник! – сказал Юрий, обращаясь к Заурбеку. – Не знаете ли, кто это такие?

Заурбек повернул сосредоточенное лицо, которым владела одна-единственная мысль, содержание которой было ему неясно, посмотрел по направлению взгляда Юрия. И вот – внезапно, с такой быстротой, с какой освобождают луну летучие летние тучи, – с лица его сбежало выражение угрюмой думы, и оно озарилось улыбкой:

– О! – воскликнул Заурбек. – Тому, кто увидел Алтын-Чач, Даут-Хан и Фатимат, можно умереть спокойно! Вы видите перед собою лучшие из драгоценностей, которыми гордятся горы...

Алтын-Чач, Даут-Хан и Фатимат, чувствуя, что говорят о них, усердно посылали приветы разноцветными платками, бывшими в их руках. Потом Фатимат наклонилась к уху Даут-Хан и сказала ей что-то. Даут-Хан обвила рукой голову Алтын-Чач и передала ей то, что услышала от Фатимат. И все трое оживленно обменялись мнениями, и по радостным лицам было видно, что мнения их согласны. Как раз в это мгновение голова Дины поравнялась с окном, из которого выглядывали девушки.

– Заурбек! – обратилась старшая из них, Алтын-Чач, вопреки всем обычаям: не может девушка обращаться к мужчине, да еще на улице, при чужих людях. Но было в ее голосе и жесте нечто, заставившее всех забыть об обычаях. – Заурбек! Подождите одну минуту!

И вот тот, кто не останавливал коня ни перед каким препятствием, тот, кто проехал, не задерживаясь мимо многочис-

ленных делегаций, ибо считал, что слова этих делегаций стоят не дороже «адыге псятля», – этот человек остановил коня, едва услышав звук девичьего голоса. Повинуясь примеру соседа, остановился и полковник Юрий. А Хабыж, увлеченный красованием перед толпой, проехал несколько шагов вперед.

– Вот он, вот он! – обрадованно заговорили в толпе, указывая на Хабыжа. – Ну и конь! Прямо печь огненная... А само оно, должно быть, как махнет, так и голова прочь....

Старшая – Алтын-Чач вынесла Заурбеку букет белых и алых роз. Средняя – Даут-Хан протянула ему бархатный зеленый кисет, вышитый золотом. Когда начала Даут-Хан вышивать этот кисет? Не на другой ли день после исчезновения Заурбека, когда негодующие комиссары обвиняли друг друга, говоря: «Эх! выпустили птицу!». Младшая – Фатимат подарила Заурбеку шелковый черный шнур, которым украшают револьвер. Этот шнур был на Заурбеке в тот день, когда его губы в последний раз сказали: «Вперед!».

Остальные сестры находились в горах, они не могли присоединить свои дары к тем, что принесли Алтын-Чач, Даут-Хан и Фатимат. Но их сердца, наверное, стучали также взволнованно и благодарно, как сердца тех, кто глядел лучистыми глазами в глаза победителя.

Главная встреча представителей народа и города была приготовлена в саду, начинавшемся широкой поляной, сейчас же за окраиной города. Здесь собрался отряд Заурбека, построенный вдоль четырех липовых аллей, служивших границами поляны. Впереди фронта стояли орудия и пулеметы. Впереди орудий и пулеметов – зеленое знамя с полумесяцем и звездой. К приближавшемуся Заурбеку подошел величественный господин, славившийся своим красноречием и умением ладить с какою угодно властью, лишь бы ему оставляли право называться так, как ему хотелось называться, и, как он думал, называться очень лестно.

Господин этот, по происхождению кавказец, носил странный костюм, состоявший из папахи, френча, узких брюк и американских ботинок с гетрами. Эта одежда, отражавшая невыносимую смесь обрывков политических полужнаний,

владевших его головой, казалась ему внушительной и достойной. Он озабоченно и немного фамильярно тронул бедро Заурбека, бывшее на высоте его плеча.

Смешно видеть, когда шепчутся по секрету пеший и конный. Трижды смешно видеть, когда не побежденный – нет! – но не принимавший участия в драке озабочен поведением той или другой стороны, только что вышедшей из смертного боя...

– Заурбек! – сказал величественный господин. – Мы сейчас совещались и решили предложить тебе тут же, всенародно, так сказать, провозгласить тебя диктатором Кабарды! Что ты на это скажешь?!

Можно поручиться головой, что величественный господин действительно совещался и, как говорится, долго думал, прежде чем решился порадовать того, в чьей руке зажата была судьба народа, великолепным предложением: «провозгласить диктатором!».

– Думаешь ли ты, – спросил Заурбек с такой гримасой, как будто у него болели зубы с правой и с левой стороны, – думаешь ли ты, что это так необходимо?

– Да, да! Конечно, необходимо! – без колебаний и сомнений ответил величественный.

– А что от этого изменится? – Лицо Заурбека имело теперь несколько ироническое выражение.

Но тот, кто ослеплен собственным величием, всегда рискует оступиться в пропасть, наполненную злорадным и просто веселым смехом.

– От этого ничего не изменится, – с полнейшей серьезностью отвечал пеший конному, размахивая руками, – но зато мы исполним свой долг перед народом и перед тобой...

– А хочешь, я тебя сейчас арестую за то, что ты отговаривал кабардинцев присоединяться к моему отряду? – теперь Заурбек уже не шутил. Его брови сжались, и между ними пролегла морщина, похожая на стрелу, обращенную острием вверх.

Величественный господин попятился.

– Это... это... это недоразумение, – сказал он, наконец.

– Уходи отсюда, – кратко ответил Заурбек и двинулся дальше.

...Прибытие Заурбека было встречено так, как лес встречает ветер, дующий со стороны гор. Ввиду отмены русского гимна «Боже, царя храни» музыканты заиграли «Славься, славься наш русский царь» как будто бы это не было таким же гимном, как и «Боже, царя храни», и как будто бы «Славься, славься» больше подходило к моменту. В руках женщин и девушек трепетали платки, из их рук падал цветочный дождь, капли которого, прежде чем упасть к стройным ногам Дины, подлетали вверх. Не принадлежавшие к отряду всадники окружили отряд двойным и тройным кольцом. Многие из них подбрасывали в воздух папахи или размахивали обнаженными шашками и кинжалами. Эти кинжалы и шашки не были смочены в крови...

Заурбек сидел на коне неподвижно. Время от времени он приподнимал руку к папахе, отдавая честь, но лицо его было обращено в сторону далеких гор: кроме гор он ничего не видел. Потом он приподнялся в седле, и все стихло.

– Граждане, братья и сестры! – сказал Заурбек властным голосом, сразу начав с высокой ноты. – Русская революция обещала свободу, но принесла деспотизм. Великая страна, к которой мы принадлежим, обманулась в себе и обманула весь мир. Мы хотели бы молиться так, как разумеет каждый из нас. Но кто держит Россию в своей руке, отнимает Бога. Мы стремились к богатству наших краев, но нам приносят разорение... Во имя чего мы приняли революцию и не боролись с ней? Мы ожидали лучшей жизни – более честной и справедливой. Но революция изменила течение. Вместо добра она принесла зло. Кремлевские владыки-коммунисты умеют разрушать. Но создавать они не способны. У них нет главного, без чего нельзя создавать, у них нет любви к стране и народу. Они чужие люди, они враги России и Кабарды... Граждане, вы испытали их власть на себе... Я говорю вам, и вы передайте мои слова всем, кто умеет слышать: сегодня мы победили коммунистов. Но победа наша непрочная. Огромная часть России и половина Кавказа находятся под властью комисса-

ров. Только тогда, когда весь народ во всем государстве искренно поднимется против коммунистов, только тогда победа будет закреплена прочно.

Не будем играть в прятки: мы, открыто воюющие с коммунистами, известны всем и каждому. Но кто скажет: где друзья коммунистов? Разве на их лбу написано – я тайный друг коммунистов?.. До тех пор, пока вы все в тайниках души своей не скажете: я – враг коммунизма, до этих пор никто не сможет сказать, что коммунизм побежден. Но помните, граждане, наше поражение – будет истинным вашим поражением. Быть может, придет время, и вы скажете: где Заурбек? Где его отряд, который вы забрасываете сейчас цветами? Но ни Заурбека, ни отряда не будет. Тогда вы заплачете и разведете руками. Но будет поздно. Тот, кто не умеет удержать доброе, – открывает дорогу злему. Я сказал.

...Тишина явилась многоточием к словам Заурбека. От него ожидали блистательной лжи, но он сказал простую правду, известную каждому, кто способен мыслить. Собравшиеся предполагали, что видят перед собою человека, целиком взявшего на себя разрешение той роковой задачи, которая должна разрешаться каждым человеком отдельно и разрешение которой ставит на карту жизнь, – и ошиблись. Собравшиеся думали, что если в их маленьком углу наступило спокойствие и благополучие, то уже все хорошо и снова можно отдаться веселой жизни, полной удовольствий, далекой от борьбы и крови.

Вместо удовольствий им предлагалось напряжение, вместо веселья – суровая жертва. Вот почему молчали те, кто радостно встречал победителя. Сущность их молчания состояла в том, что они думали, что их долг будет выполнен кем-то – и именно Заурбеком – без их содействия. Но Заурбек сказал им, что так не будет, что не он один, с тремястами всадниками, должен жертвовать жизнью во имя благополучия всех, но все обязаны прикоснуться к окровавленному алтарю, на котором распиналась Россия... Заурбек понял, почему закрылись молчанием только что грохотавшие уста толпы. Он вспомнил вечер, блистающий огнями зал и сцену, с которой он произнес

стихотворение «Сон». Боже! Какая разница! А ведь, в сущности, он тогда лишь обещал сделать, а теперь – уже сделал... Но тогда были грезы, а теперь – действительность.

– Кабардинцы! – воскликнул Заурбек, обращаясь к отряду. – Я обещал вам взять наш город, и вот мы здесь. Я сказал: «Это знамя увидит победу». И вот – вы победили! Во имя великого Аллаха, я призываю вас к новой борьбе и к новым победам. Да не содрогнется сердце настоящего воина! Да возрадуется сердце настоящего воина, когда он увидит перед собой долгий путь, ведущий через смерть к славе!

И слова эти родили бурю. Казалось, не только люди, но и кони, и деревья, и облака, плывущие в небе, и горы, застывшие на горизонте, содрогались в громовом восторге.

– Ур-ра! Ал-ла! Заурбек... Заурбек... – раздавались клики.

И были эти клики единственной наградой, которую приняло сердце Заурбека, наполненное гневом и счастьем.

Не конец, но смерть

В лето восемнадцатого года Заурбек поднял восстание. Осенью он очистил Кабарду от коммунистов и взял Нальчик. К зиме коммунисты разбили своих противников и заставили их частью рассеяться, частью отступить в Дагестан, частью уйти на Кубань – на присоединение к Добровольческой армии. Отряд Заурбека, выросший к этому времени до двух с лишним тысяч всадников, отошел на Кубань. В декабре и январе разыгрались упорные бои за обладание Северным Кавказом.

В середине января Заурбек вторично прошел всю Кабарду и снова взял Нальчик. К этому времени его имя приобрело опасную популярность. Ревнивое к боевой славе начальство сделало его «помощником». Заурбек уединился у «мамаши». Его уединение было нарушено приказом завершить победу

армии покорением Балкарии и горной Осетии. Он сделал это. Потом Заурбеку приказали привести в повиновение Малую Кабарду и часть Ингушетии. Он сделал это. Наконец, Заурбека отправили в Приволжские степи, и он отправился туда, и там нашел смерть. Смерть, но не конец. Ибо легенда о Заурбеке не умрет в народе.

Я написал сейчас это таинственное и грозное слово: смерть. Как часто это слово приходило на уста Заурбека! Тот, кто исполнен жизненной силой, словно по контрасту часто вспоминает о смерти. «Я умру с улыбкой на устах», – говорил Заурбек. И правда: его мертвые уста улыбались.

Когда великолепное солнце перебрасывает, играя, земной шар из одной руки в другую; когда человеческий взор видит перед собой изумрудную поляну, на краю которой влажно зеленеет лес; когда волнующие медные звуки потрясающего боевого напева заставляют человеческое сердце замирать в восторге и одновременно с звуковой волной подниматься все выше и выше, к блистающему голубизной небу, – тогда не страшна смерть. Пусть между головой и солнцем разрываются оглушительные шрапнели! Их металлический горох представляется безобидной шуткой.

Пусть в темно-синей тени дальнего леса прячутся серо-желтые бугорки окопов – что значат эти ничтожные бугорки для коня, привыкшего к высоким барьерам и широким рвам?.. Пусть визгливые свисты пуль перебивают громовую мелодию труб – это не нарушает торжественной радости, которая победила человеческое сердце, сделавшееся огромным и победно-веселым... Стремительный конь мчится все дальше и дальше. Блистание клинков радует и волнует, и как-то само собою влечет к удару. Разве думает человек о чужой смерти, призванной взмахом клинка?.. Он не замечает ее, как не замечает смерть, взглянувшую на него и отнявшую его душу...

Но не всегда на этой земле веселятся человек и природа. После веселья приходит уныние, после радости – горе, после дня – ночь, после жизни – смерть. Быть может, жизнь – это есть круговорот, начинающийся небытием и в небытие иду-

щий?.. Что такое жизнь? Это трепетание напряженных струн, это аккорд, который тем полнее и звучнее, чем разнообразнее струны, возносящие его к небу. Что такое смерть? Это молчание и неподвижность.

Молчание побеждается звуком, неподвижность побеждается движением. Тот, кто не звучал и не двигался, – ошибается, если думает, что жил. Тот, кто после смерти одним своим именем вызывает звучание души и содрогание сердца, – тот не умер.

Мысленным «дуа» я начинаю рассказ о заурбековской смерти.

Вечером того дня, который предшествовал дню, в середине которого маленький кусочек свинца остановил биение заурбековского сердца, был огневой закат. Облитое кровью солнце отступало в глубину тьмы и как будто грозило вернуться для новых жертв. Оно было похоже на языческого идола, отягченного кровавыми жертвами, но не пресыщенного ими до края. Мрачные легионы туч собрались на западе, словно воины, перед телом убитого вождя. В темном небе не загорались звезды, потому, что несовместима звездная красота с оскверненной землей, и не может оскверненная трупами земля взирать на красоту звезд.

С наступлением темноты кабардинцы отправились в поле собирать трупы убитых за день друзей.

Заурбек сидел на крыльце деревенского дома, служившего штабом отряда конной группы, находившейся в его подчинении. Принесли приказ. Завтра – бой. Завтра с рассветом его полки должны зайти в тыл противника и разгромить тыл. С фронта будет наступать пехота, сопровождающая танки, на фланге будет грозить дивизия казаков. Операция в тылу поручается кабардинцам.

Пришли вызванные Заурбеком командиры полков.

– Завтра двадцать седьмое, – сказал старший из них, заросший колючей бородой, низкий и косолапый, славившийся тем, что под ним убили десяток коней. – Это значит, что завтра пойдет шестая неделя непрерывных боев. С середины ию-

ля ни люди, ни кони не имели и дня отдыха. Ведут ли в штабе главнокомандующего боевой дневник?

– Я, конечно, исполню боевой приказ, – прибавил младший из них, человек такого роста, как Маштай, но обладавший необыкновенно тонким и пронзительным голосом, он постоянно хрипел, потому что насиловал свою глотку, кричавшую только одно: «За мной!». – Но, Заурбек, наши сотни тают, как льдины на весеннем солнце. Еще один-два хороших боя – и вместо полков останется смешная чепуха.

Заурбек помолчал, потом посмотрел на одного и другого.

– Все это мне хорошо известно, – отвечал Заурбек. – Однако я не сомневаюсь, что кабардинцы, вы и я, – мы все исполним свой долг. Разве не отрывается часть моего сердца, когда я вижу, как хоронят в чужой земле моих лучших друзей? Разве не понимаю я, что при такой системе, какая царит здесь, мы все обречены на верную гибель? Но что делать? Ведь положение такое: те, за кем пошел народ, борясь против коммуны, в глазах добровольческих верхов являются подозрительными особами. А те, кому поручено начальством вести за собой народ, не пользуются народным доверием. Народ не дает им бойцов! Главное командование Добровольческой армии подпиливает сук, на котором сидит. Главное командование в таких людях, как Врангель, Покровский, Мамонтов, Агоев и, если хотите, как я, видит своих соперников. Мы у них бельмо на глазу. Поэтому нас расценивают не как народных вождей, какими мы в действительности являемся в борьбе с коммунистами, а как «полковников», «поручиков» и «есаулов». Будь прокляты так называемые «чинопочитание и законность». Подумаешь, как они умны! Против громовых революционных идей, зовущих к новой жизни, они выдвигают чинопочитание и законность!.. О, Господи, Господи! Я только об одном молю Тебя: не дай мне увидеть тот позор, которым непременно закончится эта преступная и глупая игра в генералов и сенаторов...

Молитва Заурбека была услышана.

После ухода командиров полка Заурбек наскоро вымылся, выбрился, как будто куда-то спешил.

И действительно, он сказал, взглянув на часы:

– Сейчас десятый час... Сколько верст до штаба казачьей дивизии?

Никто ему не ответил, потому что никто в точности не знал количество верст до казачьего штаба. Ответов же «на глазок» Заурбек не терпел.

Если бы ему сказали:

– Верст пять-десять...

Он бы непременно спросил:

– Пять или десять?

Если бы ему ответили:

– Скорее пять... А может быть, семь или восемь...

Он опять сказал бы:

– Ты вычислил это расстояние по карте или спросил у местных жителей?

И если бы получил ответ:

– Нет, мне кажется, что будет столько-то верст...

То Заурбек сказал бы громко и ядовито:

– А мне кажется, что тебе не только взвода нельзя поручить, но и пары паршивых гусей...

...Не получив ответа, он спросил:

– А прибыла связь от казаков?

Связь не прибывала.

– Позовите начальника штаба, – приказал Заурбек.

Через несколько минут прибыл начальник штаба, генерального штаба капитан, всегда растерянный, весь в веснушках, рыжий, заикающийся. Ходили слухи, что этого капитана нарочно назначили начальником штаба заурбековской группы – в наказание строптивому Заурбеку.

– Вы позаботились установить связь с казаками? – спросил его Заурбек.

Капитан сразу как-то запыхался, засуетился, вытащил для чего-то блокнот, вооружился карандашом:

– Сейчас пошлю, казаки стоят в Котлубани... Это верст десять-пятнадцать...

– «Верст десять-пятнадцать», – медленно повторил Заурбек. – Сколько лет вы служите, капитан?

Капитан обидчиво молчал. Заурбек поиграл некоторое время пушистой шелковой кистью шнура, подаренного Фатимой, потом сказал:

– Будьте любезны, капитан, возьмите с собой двух всадников и езжайте в Котлубань. Оттуда вы дадите мне знать, что установили связь с казаками и выяснили количество верст до этого пункта...

Капитан уехал, но его донесение прибыло поздно – оно прибыло на следующий день к вечеру (капитан долго блуждал в темноте ночи, а потом искал селение Орловку, куда передвинулись после боя кабардинцы). Заурбек не читал донесения капитана. Заурбека уже не было – было его холодное тело.

После отъезда капитана Заурбек заперся в своей комнате, выходящей окнами в степь. Лампу не зажигал. Быть может, он спал? Нет, сидевшие на балконе слышали тяжелые шаги, заставлявшие скрипеть расшатанные половицы старого дома. Быть может, молился? Тоже нет: ни один правоверный не молится на ходу... Скорее всего, он искал одиночества.

Замечено, что волки перед смертью уединяются. Они уходят в темную берлогу, прячутся от всего, напоминающего жизнь, и умирают – без сожаления к миру, без единой жалобы, без оскорбительного для волчьего самолюбия стога...

...Заурбек, до известной степени, был волком. Благородным, образованным, знающим себе цену, почти очеловеченным волком. Когда он гневался, его губы оттягивались назад и обнажали свирепые зубы. Когда он играл с детьми, он учил их владеть кинжалом, управлять конем и незаметно подстерегать врага... Но было в нем еще что-то, чего он сам не всегда постигал: он был человеком судьбы...

...В конце августа Приволжские степи пустынно и безотрадны. Холмистая степь выжжена немилосердным солнцем. Даже на дне глубоких оврагов истомленная зноем пыль жадно впитывает влагу, будь то вода или кровь. Надобно бережно обращаться с водой в Приволжских степях: прольешь – не соберешь обратно!

...Не возвращается в жилы и кровь, упавшая на землю.

Раним утром полки Заурбека сбили заставы противника, пробрались в глубокий тыл. Завязался бой. Течение боя похоже на разжигание костра. Иногда пламя вспыхивает неожиданно, быстро и захватывает в огненную свою стихию окружающее пространство и опалает его. Иногда же – много и много раз вспыхивают огоньки то там, то здесь. Но не разгорается костер, не пожирает запасов принесенных дров, не посылает дымных приветов далекому небу...

Бой, в котором был убит Заурбек, разгорался неровно, местами: кое-где бушевало пламя, но главная масса войск обеих сторон находилась в бездействии. Маневр Заурбека коренным образом изменил обстановку. Победа определилась раньше, чем сошлись враждующие фронты.

Наступавшая с танками пехота продвигалась вперед, забирая пленных, окопы, добычу. Грозившая красному флангу казачья дивизия не двинулась с места: и без ее участия бой был решен. Медленно выходявшая из полосы боя красная кавалерия имела вполне развязанные руки. Заурбек с несколькими всадниками стоял подле развевающегося зеленого знамени с полумесяцем и звездой. Налево тянулась широкая буро-синяя лента – Волга. Вдоль Волги кабардинские полки преследовали панически убегающего противника, останавливали и разрушали толпы красноармейцев, впрягали коней в брошенные орудия, собирали в порядок обозы, веером разъехавшиеся по степи. Направо и прямо открывалось пространство, свободное от противника, но именно туда смотрел Заурбек, застывший в ожидании, с биноклем у глаз. Между холмом, на котором развевалось знамя, и Волгой, где находились полки, на протяжении пяти верст лежали буераки и овраги. Между холмом и линией главного фронта, невидимого отсюда, но дававшего о себе знать артиллерийским огнем, было верст десять. Заурбек узнал, что где-то здесь, между холмом и фронтом, находится отступающая красная кавалерия. Было важно выяснить, по какому пути она отступает?..

Судьбе было угодно, чтобы отступающая красная конница выбрала путь, проходящий через холм, на котором стоял Заур-

бек. Судьбе было угодно сделать так, чтобы в момент, когда кабардинские полки, находившиеся в нескольких верстах от холма, были заняты собиранием плодов победы, создатель и вождь этих полков сразился с тридцатью человеками против красного кавалерийского полка, состоявшего из пятисот сабель.

Пересеченная местность скрывала движение красных до последней минуты. Когда Заурбек убедился, что отступить к полкам, стоявшим у Волги, не хватит времени, а уклониться от встречи с врагом невозможно, он развернул свою лаву из трех десятков людей против пятисот – сабельной лавы красных. Оставался единственный путь – пробиться сквозь неприятельскую лаву туда, к главному фронту...

Заурбек взял знамя в свои руки. Он показал знамя тем, кто окружал его и кто вместе с ним сейчас вступит в круг, выход из которого определен судьбой.

– Во имя Бога! – сказал Заурбек. И голос его звучал, как рычание загнанного зверя... – Во имя...

Он не сказал...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В старину в горах говорили: «Тот не мужчина, который не убивал; та не женщина, которая не рождала». Потом это выражение смягчилось: «Тот не мужчина, кто не видел кровь; та не женщина, которая не любила».

Неужели мужчина создан для пролития крови, а женщина для наполнения того бассейна, который именуется человечеством? Кто на это ответит? Верно лишь то, что мужчина – это нечто мужественное, стремящееся к утверждению; женщина – это нечто женственное, стремящееся к состраданию. Так, по крайней мере, говорили старики, жившие в Стране Прометея. Я хотел рассказать об этой стране, как умел. Там, где я сказал слишком мало или неправильно, да дополнят и исправят другие, знающие больше и лучше меня. И тогда я воздам им славу. А там, где я сказал достаточно и верно, пусть читающие скажут: «Это хорошо!» – и признанием этим наполнят мое сердце радостью.

Десять лет и тысяча километров отделяют меня от страны, исполненной горного великолепия и могущественной красоты, славящей Создателя ее. Разве можно, исходив всю Вселенную, найти другое место, равное Стране Прометея?

...Я не говорю: «Страна Прометея – это сокровище земли, равного которому не было и не будет». Нет, я говорю: «Страна Прометея – это алмазная корона, венчающая мир, и в сравнении с этой короной – весь мир тускл и беден». Неужели есть безумцы, сомневающиеся в правде сказанных сейчас слов?

...Нет, нет! Я знаю, таких не найдется.

Но, Боже, тем тяжелее сознание, что страна эта далека и недостижима. И тоскующее сердце хочет найти успокоение в том, что его окружают холмы и горы, на которых расположен Город, подобный древнему венцу, вылитому искусной рукой Того же, Кто сотворил Страну Прометея...

1930, Прага

В СОСТРАДАНИИ ВСЕХ ЖИВУЩИХ...

«...Примешивается печаль, что я лишен Родины. Но эту печаль я не хочу передавать другим». Деликатность Чхеидзе несомненна, а сила настоящей литературы такова, что высвечивает любую писательскую и человеческую фальшь. Бумага вытерпит все, но читательское сердце откликается лишь на правдивое чувство, вызывающее сопереживание. Вслед эмоциям идет мысль, разрушающая стереотипы, взывающая к своему и чужому опыту, заглядывающая в глубины памяти и ищущая исторической достоверности. В «Стране Прометея» она есть и соткана из любви и боли Константина Чхеидзе. Но разве не такова сама жизнь?

«Трамвай словно чувствует молодое веселье и мчится, мчится, разбрызгивая стальные скрипы, звоны и стуки колес. А вдоль линии трамвая идет дорожка. И по дорожке этой плетутся фигуры... Но тяжелее всего видеть сгорбленных столетних старух... многие из этих старух, что волочат ноги в стоптанных ботинках, вероятно, были сначала матерями, потом бабушками. Они во чреве своем носили будущий век. И вот, этот век пришел, он едет в трамвае... А бабушки могут не торопиться... Кому нужны они?».

Это из «Введения». Это – о неблагодарности, о недомыслии, об отбрасывании прошлого сытым и успешным настоящим. Но никто не знает, что будет завтра. Сегодня «время – деньги», а завтра – разлом истории, реки свежей крови, тоска по все убывающей человечности и понижающейся планке духовности и единения общества.

Чхеидзе было тридцать три года, когда он дописывал «Страну Прометея». И в два раза меньше, когда он впервые попал в наши места и навсегда, как оказалось, остался восхищенным зрителем этого «музея мировой истории». Бережность, с какой он касается любого его персонажа или экспоната, свидетельствует об искренности и восхищении. Но это все-таки не заметки восторженного путешественника. Здесь присутствует взгляд романиста, взрослеющего философа, уже прошедшего путями страдания с теми, кто утратил привыч-

ную Россию, а новую так и не узнал, оказавшись в эмиграции. И хотя он говорил в интервью чешскому журналу, имея в виду «Страну Прометея», что «первая часть была необходима как фон для второй», на самом деле эта первая часть прочитывается и воспринимается как тот бальзам для души, без которого она усыхает. Конечно, это и фон, но такой же, как будничная жизнь казаков в «Тихом Доне» Михаила Шолохова. Романе, поначалу называемом «кулацким», «белогвардейским», а потом, уже в 1965 году, получившем Нобелевскую премию. На торжествах в Швеции Шолохову сказали: «Ваше грандиозное повествование ... ставит вопрос: что правит миром? Оно дает и ответ: сердце. Сердце человека, с его любовью и жестокостью, горем, надеждами, отчаянием, унижением и гордостью. Сердце человека, являющееся истинным полем битвы, всех побед и поражений, которые выпадают на долю нашего мира» (см.: *Шолохов М. А. Тихий Дон*. М., 1991. Т. 2. С. 807).

Несколько ранее, в 1958 году, лауреатом Нобелевской премии стал Борис Пастернак, чей французский вариант «Доктора Живаго» мог прочитать уже вернувшийся из Гулага в Прагу Чхеидзе. Роман о том времени и тех же событиях, что и «Тихий Дон» и «Страна Прометея». Затравленный властью Пастернак отказался от получения буржуазной премии, но остались его стихи «После грозы», датированные как раз 1958 годом:

Нс потрясенья и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

Такой воспламененной душой был наделен и Александр Чхеидзе.

Во второй части «Страны Прометея» мы получаем недостающий материал для построения объемной картины после-революционной Кабарды и Балкарии. Материал человеческий, «своего рода «роман-биография» одного выдающегося во всех отношениях кабардинца – Заурбека; его детство, юность, борьба за свой идеал, гибель. Его личная судьба пе-

реплетена с судьбой кабардинского народа в период гражданской войны»).

Неординарность и многогранность кабардинского дворянина Даутокова-Серебрякова несомненна. В противном случае за ним вряд ли пошли бы люди, ведь тогда, как и сейчас, притягательной силой обладают не столько идеи, сколько их пропагандисты. Харизмы Даутокова-Серебрякова хватило, чтобы часть кабардинского общества, расколотого революцией, пошла за ним, чтобы имя его обросло легендами и вызывало споры еще и сегодня.

«Белый» Даутоков-Серебряков полагал, что «Ленин защищает дело, которое невозможно. Деникин защищает дело, которого уже нет. ...русские, отдельные русские с их (как это называется?) с их идеологией дешевле России. И я считаю, что сейчас кабардинцы дешевле Кабарды. Поэтому, когда я иду через поле, усеянное трупами, моя совесть чиста...». Разумеется, он любил свой народ и во имя этой любви отказался от своей жизни, найдя смерть под Царицыном.

«Красный» Стрельников из «Доктора Живаго» тоже весь ушел в революцию, чтобы отплатить старому миру за все унижения и отмыть начисто печальные воспоминания, тоже выпитал «всю новую систему идей, новизну и быстроту умозаключений, насмешливость всю, *во имя жалости выработанную безжалостность...*» (выделено нами. – М. К.). Рядом с фигурой Ленина, без которой немислим Октябрь 1917 года, «поднялся неизгладимо огромный образ России, на глазах у всего мира вдруг запыхавшей свечой искупления за всё бездолье и невзгоды человечества» (*Пастернак Б. Избранные произведения. М., 1991. С. 560*).

«Красный» Видяин в «Стране Прометея» противостоит Заурбеку Даутокову-Серебрякову. Он утверждает власть Советов, и утверждение это тоже окрашено кровью, для комиссара интересы Советской власти тоже выше, чем жизнь конкретных людей. Они оба участвуют в той борьбе, которая, как уже знаем мы, их потомки, не имеет победителей. Ибо все они погибнут. И идеология, семьдесят лет выстраивающая другую

Россию, тоже уйдет в историю, покалечив наши души сознанием, что всё, идеально задуманное, на практике огрублялось и приносило вовсе не те плоды, что грезились в иллюзиях.

За фамилией Видяин стоит вполне конкретный человек, о котором в нашей республике слышал практически всякий, кто учился в школе и проходил по улице Шогенцукова в Нальчике, где до недавнего времени на покосившемся домике висела памятная доска, посвященная Дмитрию Видяйкину. О том, как он погиб, я услышала на лекции в КБГУ от преподавателя истории Кабардино-Балкарии. Эти зашитые ниткой губы, чтобы не было предсмертных речей, не могли не запомниться, ведь Видяйкин, порвав рот, все-таки успел крикнуть: «Да здравствует Советская власть!». А разве могла быть другой смерть убежденного большевика?! Сейчас мы имеем возможность прочитать обо всем подробно. И эти подробности только усиливают впечатление о повальной жестокости обеих сторон, игнорировании ими каких-либо защищающих достоинство законов.

Мы не знаем достоверно, мучил ли комиссара Видяйкина флюс и заглушал ли он зубную боль убийством классовых врагов; но так могло быть. Веревка, на которой в белогвардейской петле висел Видяйкин, оборвалась, что по законам всех времен было знаком неприятия Богом души убиваемого, и его следовало помиловать. Но по приказу Даутокова-Серебрякова его все-таки убили. По логике классовой борьбы по-иному и не могло случиться, ведь если бы Видяйкину попался в руки Даутоков-Серебряков, то тоже в живых бы не остался. Гораздо больше жаль тех, кто ничего не понимал в политике, кто оказался жертвой долга или обстоятельств, чьи семьи были выкошены вплоть до младенцев последующими после Гражданской войны репрессиями. Эти тысячи неисчислимых жертв только в нашей республике поражают бессмысленностью – и когда это касается безграмотных крестьян, и когда бывших аристократов.

«Бело-красные фронты,– пишет К. Чхеидзе,– пали на предкавказские равнины и горы и изуродовали их огнем и смертью... Человек человеку был просто убийцей...»

Места, где шли бои, описанные Чхеидзе, лежат справа от трассы Нальчик–Пятигорск в районе Малки. Заурбек, говоривший о себе «Я – Кабарда», наделенный прекрасным ораторским даром, сумел настроить своих воинов против тех, кто летел на них «на кабардинских конях и в кабардинской одежде». «Они хотят уничтожить Кабарду, они плюют на наши обычаи, они втоптали священное «напэ» в кровавую грязь! ...Они одеты так же, как и мы, но душа их принадлежит врагам!». С таким напутствием даутоковские сотни наголову разбили врага. Дорога на Нальчик была открыта. Правда, поле битвы было усеяно трупами, среди которых не насчитывалось «и трех грамотных».

Чем успокоил муки совести Заурбек, перешагнувший через трупы соотечественников? Тем же, чем и другие, ведущие нескончаемые войны. Интересами Отечества. А потом – «путь, на котором он стоит, ведет или к победе или к смерти; и что победа где-то далеко, а смерть – вот здесь – за каждым поворотом дороги...».

Историки свидетельствуют, что весь период, когда власть в Нальчике переходила из рук в руки, связан с именем Даутокова-Серебрякова. В работе М. А. Текуевой «Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке» (Южнороссийское обозрение. 2002. Вып. 1) читаем: «Даутоков-Серебряков... проводит бесконечные экспедиционные рейды по непокорным селениям с карательными целями, снискавшие ему славу жестокого и совершенно беспощадного человека. В феврале–марте 1919 года Даутоков-Серебряков ведет ожесточенные бои с «балкарскими большевиками» в Черекском, Чегемском, Хуламо-Безенгиевском ущельях, в апреле – против малокабардинских селений Нижний и Верхний Курп. Вне закона были объявлены все политические противники Даутокова-Серебрякова и члены их семей. Во исполнение его приказов был зарублен во время молитвы и престарелый отец Назира Катханова – Адыльгирей».

Влюбленный в своего командира князь Чхеидзе тем не менее вынужден был признать, что «Заурбек, до известной сте-

пени, был волком. Благородным, образованным, знающим себе цену, почти очеловеченным волком... Но было в нем еще что-то, чего он сам не всегда постигал: он был человеком судьбы...».

Даутоков-Серебряков мог стать кем угодно, ведь был он щедро одарен природой. Он не выбирал времени своего появления на свет. Значит, самоосуществиться он мог только так, как произошло в реальности. И от этого драматизм его жизни только усиливается. Конечно, Чхеидзе как писатель значительно романтизирует его облик, чтобы не пострадала цельность натуры главного героя «романа-биографии». Например, он не сообщает нам, что Заурбек был женат на Люце Мисаковой, дочери балкарского таубия. Что брак этот пришелся все на тот же, кровавый 1918 год. И не значит ли это, что и его сердце, сердце белого офицера, было «истинным полем битвы, всех побед и поражений, которые выпадают на долю нашего мира»?

Бессмысленно спрашивать, почему происходит то, что происходит. И почему никто не хочет учиться на чужих ошибках, а норовит только на собственных.

«Каждому кажется, что мир существует лишь для него и что мир – это и есть вот этот кусочек земли, воздуха и света, к завладению которого направлены все его силы. Таким именно выглядит девственный лес; таковы именно его суровые хищнические законы жизни...».

Наблюдая эту борьбу, Константин Чхеидзе устремляется мыслью на Родину, на Кавказ. Все, что он наблюдал с детства, чем гордился в юности, о чем тосковал в изгнании – это все здесь, у нас. Правда, крестьяне давно уже не живут в саклях, а неграмотных просто не осталось. В Безенги бежит не узкая тропинка, а хорошая автомобильная дорога. Махсыму – «жемчужные капли росы, осевшие на утомленный солнцем цветок и давшие ему новую жизнь» – мало кто пьет, предпочитая крепкий алкоголь своего и заморского разлива. Двадцатый век изменил страну Прометея до неузнаваемости, приведя ее туда, куда разными шагами устремились все страны-государства. Мировая цивилизация одолела и сильных, и сла-

бых, все труднее искать свой собственный путь. Все большее осознавать, что человек опасается ответственности и вместе с этим подзаряжается недоверием и бессердечием.

Если прошлое ничему не учит, то что может содержать будущее? Конечно, хочется, чтобы там было побольше солидарности и единения со всеми. Русский философ Николай Федоров, проживший аскетическую жизнь и раздававший все зарабатываемое им чужим людям, был уверен, что «в сострадании всех живущих, т.е. переживших, к умершим и заключается сила, приводящая к объединению».

Большую часть своей жизни Константин Александрович Чхеидзе соприкасался с духовным наследием Федорова. Это не удивляет, ведь «Страна Прометей» – первое произведение самого Чхеидзе, которое мы, наконец, увидели, исполнено любви и страстного призыва к единению. Всех со всеми – чтобы не распалась связь времен.

Мария Котлярова

3. ДАУТОКОВ-СЕРЕБРЯКОВ: ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Нам видится уместным обнародовать на страницах этой книги ряд малоизвестных документов и фактов, касающихся личности З. Даутокова-Серебрякова и предоставленных О. Л. Опрышко. В частности, из приказа по ТКВ (Терское казачье войско) за № 650 от 27 ноября 1915 г. (г. Владикавказ) явствует, что «эвакуированный с театра военных действий сотник 1-го Сунженско-Владикавказского полка Серебряков, по выздоровлении, зачисляется в запасную сотню Сунженско-Владикавказского полкового округа».

Из приказа по ТКВ за № 91 от 19 февраля 1916 года узнаем, что «Высочайшим приказом, состоявшемся 10-го сего февраля, сотник 1-го Сунженско-Владикавказского полка вверенного мне войска Серебряков (Александр) переведен в Кабардинский конный полк, с переименованием в поручики» (ЦГА РСО–А, библиотека № 1066, 1068).

Вопрос о двойной фамилии Даутокова-Серебрякова и его имени снимает «Приказ по кадрам запаса Кавказской Туземной конной дивизии» за № 136 от 8 мая 1917 г., г. Проскуров». Так, § 2 гласит: «Вр. командующий Кабардинской запасной сотней поручик Александр Никифорович Серебряков с 5-го сего мая перешел в религию предков мусульман, получив имя Заурбек, отчество Асланбек с прибавлением фамилии деда Даутоков-Серебряков, что и внести в послужной список названного офицера (ЦГА КБР, ф. И-20, оп. 1, д. 46, л. 18).

Биографию З. Даутокова-Серебрякова можно проследить по «Краткой записке о службе командующего 2-й бригадой Кабардинской конной дивизии генерал-майора Заур-Бека Даутокова-Серебрякова.

1. Родился – 1886 г., апреля 1.
2. Вероисповедания – магометанского.

3. Сословие – из кабардинских дворян.
4. Образование – в Темирханшуринском реальном училище окончил полный курс и в Оренбургском военном училище по первому разряду.

5. Семейное положение – женат.

6. Получаемое содержание –

7. Чинопроизводство:

хорунжим 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка со старшинством – 1912 года, августа 6;
сотником со старшинством – 1915 года, августа 6;
штабс-ротмистром со старшинством – 1916 года, августа 6;
ротмистром – со старшинством – 1918 года, ноября 6;
в подполковники со старшинством – ;
в полковники со старшинством – 1919 года, января 27;
в генерал-майоры – посмертно приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России от 9 сентября 1919 года за № 2232.

8 Награды:

а) св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом;

б) св. Анны 2-й ст. с мечами;

в) св. Станислава 2-й ст. с мечами;

г) св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом;

д) св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»;

е) св. Станислава 3-й ст.

9. Зачислен в Добровольческую армию – 1 августа 1918 года.

10. Прохождение службы.

В службу вступил юнкером в Оренбургское военное училище. По окончании военного училища выпущен хорунжим в 1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слепцова полк. Убыл в поход 19 июля 1914 года. Переведен в Кабардинский конный полк 10 февраля 1916 года. Командиром 4-й запасной сотни Кабардинского конного полка на законном основании 21 апреля 1917 года. Приступил к формированию отдельной Кабардинской конной бригады для действия против красно-

армейцев 1 августа 1918 года. Начальникам отряда с 1 августа 1918 года. Командующим бригадой с 1 ноября 1918 года. Командующим 2-й бригадой Кабардинской конной дивизии с 5 февраля 1919 года.

11. Участие в походах.

Против австро-германцев с 19 июля 1914 года по 22 марта 1918 года. В боевых действиях против красноармейцев с 1 августа 1918 года по 27 августа 1919 года.

12. Ранения и контузии.

Ранен при взятии Вастанского перевала».

Краткая записка о службе представляемого приложена к «Наградному листу командующего 2-й бригадой Кабардинской конной дивизии полковника Заур-Бека Даутокова-Серебрякова». Вот он:

«1. Часть, должность, в чине и фамилия.

Командующий 2-й бригадой Кабардинской конной дивизии полковник Даутоков-Серебряков.

2. Время зачисления в Добровольческую армию.

1918 г., ноября 1.

3. Старшинство в чине (Приказ Добров. армии 1918 года № 415).

1919 г., января 27.

4. Участие в походах Добровольческой армии.

В боевых действиях против красноармейцев с 1 августа 1918 года совместно с казаками Терского фронта и отдельно в пределах Кабарды до 11 ноября 1918 г. Командовал отрядом из трех родов оружия (1-й полк конницы, дивизион пехоты, взвод артиллерии при пулеметах) до 6 ноября 1918 года, когда взял Нальчик. Мобилизовал офицеров Нальчика, сформировал батальон пехоты и 2-й Кабардинский конный полк октября 20-го.

Действовал против красных в последних операциях Терского войска со стороны Кабарды по обоим берегам Малки, имея под своим начальством: Кабардинскую конную бригаду, две конных сотни, 1 пешую сотню, 2 орудия, 8 пулеметов, 4 казачьих конных сотни войскового старшины Агоева, дивизион пехоты и 2 орудия полковника Кибирова. Итого: 16 кон-

ных сотен, 3 пеших сотни, 4 орудия, 15 пулеметов, 13 бомбометов.

Полки непрерывно действуют в составе Добровольческой армии в Воровсколесском и Суворовском направлениях с 16 ноября 1918 года. 3 конных атаки 1-го Кабардинского полка, решивших участь ст. Бакешевской в нашу пользу 21 ноября. Отмечено официально участие 2-го Кабардинского конного полка при взятии Курсавки 17 декабря.

5. Подробный расчет служебного ценза, по которому делается представление ...

За боевые отличия в генерал-лейтенанты.

Представление командира части или начальника отдельной части с точным обозначением, к чему именно представляется.

Блестящая атака Кабардинской бригады 27 августа остановила стремительное наступление противника под Царицыном. Прорвавшаяся в тыл противника, 6 верст преследуя красных, бригада была, в свою очередь, атакована свежими частями красных. Серебряков лично командовал бригадой, ворвался в самую сечу, чтобы своим присутствием подбодрить изнемогающих кабардинцев. И здесь был сражен пулей.

Ходатайствую о посмертном производстве генерал-майора Даутокова-Серебрякова в генерал-лейтенанты.

Справка: телегр. наштакора 4-го конного от 23/9/19 г.

Вр. командующий Кабардинской конной дивизией
полковник (подпись)

Начальник штаба Генерального штаба полковник
Беликов

10 октября 1919 г. Кавказская армия

Мнения начальников по представлении.

Ходатайствую.

Вр. командующий Кабардинской дивизией полковник Са-
зонов.

10 октября 1919 г.

Усиленно ходатайствую.

Командующий 4-м конным корпусом генерал-лейтенант Топорков. 20 октября 1919 г.» (РГВА, ф. 39803, оп. 1, д. 19, л. 12–14).

И еще один документ.

«Протокол № 31 заседания Малого Войскового Круга Терского войска от 1 сентября 1919 г.

...Поступает сообщение о смерти доблестного полковника Заур-Бека Серебрякова в одной из доблестных атак кабардинских частей.

Председатель предлагает Кругу почтить память покойного вставанием. Круг постановил послать телеграмму кабардинскому народу с выражением глубокого соболезнования.

Председатель Малого Войскового Круга Е. А. Букановский.

Товарищи председателя Г. Ф. Фальчиков, Н. В. Лисичкин» (ЦГА РСО–А, ф. 1, оп. 1, д. 153, 52 об.).

В книге «С Корниловским конным» (М., 2003,) подготовленной П. Стреляновым, в воспоминаниях полковника Ф. И. Елисеева читаем: «И тут же изящный – как серна, легкий, поворотливый, остроумный и находчивый Заурбек. Изящный даже в еде, изящный и в кутеже, никогда не теряющий себя и своего – ни личного, ни горского, ни офицерского достоинства, жгучий брюнет, с ястребиным носом – кабардинец Даутоков-Серебряков, с черными густыми усами «а ля Вильгельм», признаком личной гордости.

В училище он «первый корнетист» и капельмейстер юнкерского хора трубачей. Отлично танцует лезгинку и декламирует армянские анекдоты с соответствующим акцентом. Он и литератор и вообще совершенно культурный человек».

И далее из его же воспоминаний, опубликованных Русланом Кармовым (Газета Юга. 2003. 10 июля): «...Легким скорым шагом посетительскую комнату пересекает юнкер, одетый в зимний мундир, в фуражке и при шашке... Он чуть выше среднего роста, очень стройный, с ярко выраженными чертами лица хищника кавказских горцев... Сомнений не было – это наш кавказец».

Это эпизод о встрече в Оренбургском казачьем училище. А вот другой, происшедший в Екатеринодаре в 1919 году: «В нашем большом номере гостиницы у дверей неотступно стоит его личный ординарец-кабардинец, подхорунжий, с тремя Георгиевскими крестами. Он в полном вооружении, в папахе и молча лупает своими абрекскими глазами, не сводя их со своего кумира, Заурбека. Мы не так выпиваем, как неумолкно говорим порою, перебивая один другого от избытка дружеских чувств, неожиданно встретившись через семь лет после так приятных стен Оренбургского казачьего училища. Говорит, красочно рассказывает больше Заурбек. В одном месте он громко произнес два слова: «Я умру!» Это было произнесено, как слова «Ей-богу».

– Зач-чем ти «умрю-у»?! Сначала я умрю-у, а потом ти-и! – вдруг мы слышим от двери рычание его ординарца, который, выпучив свои черные глаза, подскочил к самой груди Заурбека и, казалось, готов сейчас же убить всех, кто угрожает его вождю.

Заурбек быстро повернулся к нему и стал что-то говорить по-кабардински. Тот смотрит на Заурбека с полным непониманием, что-то ему доказывает, при этом держа правую руку на рукоятке кинжала и готовый обнажить его в защиту того, с кем он ушел из Кабарды.

Я позавидовал подобной преданности ординарца-кабардинца своему вождю...»

Представляют интерес сведения о жене З. Серебрякова-Даутокова, которые можно почерпнуть из обвинительного заключения по делу № 204 о гражданине Мисакове Далхате Кучуковиче, датированного 26 февраля 1929 г.: «7 февраля 1929 г. Кабардино-Балкарским областным отделом ОГПУ был арестован гр-н сел. В. Балкария Балкарского округа КБАО Мисаков Далхат Кучукович по подозрению в преступлениях по ст. 58 п. 16 ч. 2 УК.

Гр-н Мисаков Далхат происходит из бывших князей дореволюционного периода 1917 г.

...Установлено следующее:

Полковник Серебряков, заняв в 1918 г. часть Балкарии, ос-

танавливается на квартире в доме Мисакова Далхата, женится на дочери последнего и вместе, как с Мисаковым Далхатом, так и с его братьями Хаджи-Мирзой (быв. начальник Балкарского участка), Коджоком и Ибаком Мисаковыми (последние два у Серебрякова занимали командные должности) принимает самые решительные меры за овладение Балкарским ущельем, занятым красными...

Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 12 апреля 1929 г. Д. К. Мисаков заключен в концлагерь сроком на три года и отправлен в Соловецкий концлагерь» (ЦГА КБР, ф. Р-183, оп. 3, д. 217, т. 1, л. 18, 23, 24). Следует сказать, что Люца Далхатовна Мисакова, жена З. Даутокова-Серебрякова, в 1920 году эмигрировала за границу, жила в Турции.

Могила З. Даутокова-Серебрякова находится на Вольно-аульском кладбище в Нальчике. По одной из легенд, она пуста – тело Заурбека было перевезено в Моздок, по другой – он похоронен без головы. Но все это именно легенды.

К. А. ЧХЕИДЗЕ: «МОЯ ТЕМА – КАВКАЗ»*

– Почему Вы стали писателем?

– Сначала – инстинктивно. Чистые листы бумаги приводили меня в состояние, близкое к потере самообладания: я *должен* был что-то о чем-то писать, лишь бы писать. Таким образом, в юношеских годах мне грозила опасность сделаться графоманом. С двадцати лет до двадцати пяти я прошел, что называется, «хорошую жизненную школу» (при этом разучился было держать в руках перо): кавалерийское училище, гражданская война, изгнание, пребывание в качестве полусоюзника, полувоеннопленного во французском лагере на Лемносе, незабываемые царьградские впечатления... потом – отличный двухлетний стаж чернорабочего в Болгарии, наконец, университет. Он мне дал очень много. В 1924–25 годах, в Праге, я начал сознательно относиться к потребности сказать то, что выношено и выстрадано за эти годы. Ведь каждый человек имеет право сказать свое слово, каждый имеет «право на идею».

– Ваши любимые писатели?

– Я люблю столь многих, что мне трудно выбирать и называть одних, как бы забывая о других... Из поэтов очень люблю... нет, это мало сказать «люблю» – я бесконечно влюблен в поэзию Лермонтова и Саади. Одно время увлекался Гомером и Державиным, величественным эпосом их лиры. Из прозаиков сначала любил одного Гоголя и кроме него никого не

* Интервью К. А. Чхеидзе чешскому журналу «Обозрения литературы и искусства». Печатается по: ГАРФ, ф. 5911, оп. 1, ед. хр. 120.

Русский текст интервью, данного К. А. Чхеидзе в январе 1933 г. чешскому журналу «Обозрения литературы и искусства». С писателем беседовал главный редактор журнала, историк литературы М. Новотный. На чешском языке опубликовано: *Rozhledy po literatuře a umění*. 1933. № 1. S. 1–2.

С дочерью Марией

признавал. Позже занялся Л. Толстым, В. Гюго, В. Шекспиром, Достоевским. Чем больше вчитываюсь в их произведения, тем глубже понимаю их значение в мировой литературе. Люблю также Рабиндраната Тагора. А из современных русских – Хлебникова и Маяковского. Вообще ценю в писателе сильное творчество, отзывчивость на все человеческое и непреклонное стремление ввысь.

– *Каково содержание Вашей книги «Страна Прометей»?*

– Это моя первая книга. Как часто в таких случаях бывает, хотелось сразу сказать обо всем: о наиболее дорогом и наиболее поразительном, что отложилось в душе. Моя тема – Кавказ. Но говоря о нем, невольно вспоминал Европу; иногда получались сопоставления, чаще – противопоставления. Тема Восток и Запад сейчас всех волнует... В первой части я стремился изобразить мирный быт наших гор и горцев: природа, люди, их обычаи, психология легенды; наши старики, наши женщины, наша молодежь... Все это достойно внимания само по себе. Еще со времен поездки Святоплука Чеха на Кавказ чешское общество интересуется нашей страной. Но, кроме того, первая часть была необходима как фон для второй. А в этой последней заключен своего рода (модный теперь) «роман-биография» одного выдающегося во всех отношениях кабардинца – Заурбека; его детство, юность, борьба за свой идеал, гибель. Его личная судьба переплетена с судьбой кабардинского народа, в период гражданской войны. Многие страницы «Страны Прометей» посвящены этой войне.

– *Что Вы думаете о проблеме Востока–Запада?*

– Откровенно говоря, если говорить начистоту, я только тем и занимаюсь, что думаю об этой проблеме. Несомненно: эта тема – основная ось, вокруг которой вращается вся мировая история. Я не буду углубляться в древность, связанную с походом греков на Трою или разбирать древнейшие в мире мифы китайцев о их переселении с Запада и т. д. Уже Александр Македонский, первый исторически-известный мировой деятель, поставлен был в необходимость искать синтез Запада и Востока. Последовательно: Греция, Рим, Византия – несут на себе иго искания этого синтеза. Позднейшим попыткам

Священной Римской империи с Запада распространиться на Восток (вспомните, что включительно до Колумба, *все*, т. е. крестоносцы, торговцы, авантюристы – мечтали о Востоке) соответствуют аналогичные попытки азийских народов продвинуться на Запад (от Аттилы, Чингисхана и его наследников – до турецких султанов). Наполеон на Востоке – еще один вариант вечной тяги. В настоящий момент мы вступили в очередную фазу развития все той же единой мировой темы. Действующие лица – иные. Арена действия расширилась до размеров всего Старого Света. Буквально весь мир – Россия, Европа, Индия, Китай, Япония и Америка – вовлечены в эту стремительно разворачивающуюся трагедию. В центре событий – Россия, с ее срединным географическим положением; с ее двойственной полуевропейской, активной, отвечающей на вопрос «как?» и полуазийской, созерцательной, отвечающей на вопрос «для чего?» душой... Одним из важнейших участников описываемой трагедии является Кавказ. Кавказ, в своих пределах и на свой манер, переживал и переживает все ту же мировую трагедию. С незапамятных времен греки (западники!) во главе с Ясоном искали в наших местах Золотое Руно. Также с незапамятных времен у нас известны восточные влияния: огнепоклонников, солнцепоклонников, последователей Заратустры и т. д. Миф о Прометее вовсе не случайно связан с Кавказом. Кавказ, удивительно сочетающий в себе цветущие долины, жители которых мгновенно перенимают все завоевания культуры, с мрачными теснинами, где возможно встретить не только средневековье, но подчас и пещерный период, – Кавказ как бы заключает в себе все времена и все письмена, оставшиеся от веков. Поэтому кавказцу легче, чем кому другому, понять и воспринять дух разных веков. Переезжая из современного города, расположенного на железной дороге, в горный аул, куда ведет вьючная тропа, он за несколько часов проделывает путь нескольких веков. Кавказ – музей мировой истории. В нем находятся древние скрижали, содержание которых еще предстоит разобрать... И быть может, именно Кавказу предназначена великая судьба прибли-

зиться к нахождению того синтеза Запада-Востока, о котором у нас идет речь.

– *Какие части Кавказа Вы знаете лучше других?*

– Кабарду и Балкарию. Сейчас они составляют автономный округ, входящий в состав Северо-Кавказского края (РСФСР). Поблизости от границ этого округа находятся Казбек, воспетый многими поэтами; и Эльбрус – царь наших гор, к которому, по преданию, был прикован Прометей. В горах есть свои легенды о скованном Прометее, очень значительные и по-своему глубокие. Конечно, мои впечатления субъективны. Но укажите мне на земном шаре места красивее и обаятельнее Кавказа?! Где есть такое сочетание мощности, величия и чистоты? У нас иное солнце, иной месяц, иные звезды... А наше небо! Разве есть где-нибудь такое, вселяющее в душу великий, ничем не утолимый восторг, небо, как небо Кавказа? Оно прекраснее всего самого прекрасного, что есть в мире. И если кто-нибудь захочет возвеличить и прославить на веки веков чью-либо красоту, пусть только скажет: это прекрасно, как прекрасно небо, гордо вздымающееся над Эльбрусом... Высшей меры прекрасного не существует.

Но... увы! Я оторван от моей земли и моего неба, и к моему сознанию громадного счастья, что это все-таки *мое*, примешивается печаль, что я лишен Родины. Но эту печаль я не хочу передавать другим.

Январь 1933

Публикация А. Г. Гачевой

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виктор Котляров. Восхищения достойна почва, возраставшая...</i>	3
<i>Анастасия Гачева. Путник с Востока</i>	10
Введение	35
Часть I. ГОРЫ И ГОРЦЫ	39
Глава 1. В степях Моздокских	40
Глава 2. Поездка в горы	52
Глава 3. Абдулла	54
Глава 4. На реке Кара-су	69
Глава 5. Тенгиз	75
Глава 6. На минуту в Европу	87
Глава 7. Маштай, сын Тенгиза	91
Глава 8. В долине	100
Глава 9. В гостях у Дадаша	115
Глава 10. Хабыж-цуг	130
Часть II. ЗАУРБЕК	139
Глава 1. У мамыши	140
Глава 2. Первые шаги	145
Глава 3. Ньюра	154
Глава 4. Петербург. Видяин	165
Глава 5. Заурбек и полковник Юрий	174
Глава 6. Под большевиками	190
Глава 7. «Кто ты?.. Я – Кабарда»	207
Глава 8. Победа	215
Глава 9. Диктатор	227
Глава 10. Не конец, но смерть	234
Послесловие	242
<i>Мария. Котлярова. В сострадании всех живущих...</i>	243
<i>Приложение 1. З. Даутоков-Серебряков: докумен- ты и воспоминания</i>	250
<i>Приложение 2. К. А. Чхеидзе: «Моя тема – Кав- каз»</i>	257

Художественное издание

Константин Александрович Чхеидзе

СТРАНА ПРОМЕТЕЯ

Заведующий редакцией *В. Н. Котляров*

Художник *Ж. А. Шогенова*

Корректор *Л. Т. Юркова*

Книга издана при финансовой поддержке
Института археологии Кавказа
(директор *Бияслан Хакимович Атабиев*)

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 20.03.04. Подписано в печать 06.05.04.
Формат 84x108 ¹/₃₂ Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 13,86. Тираж 200 (1-й завод 1–100) экз. Заказ № 10

ISBN 5-93680-133-0

Издательство «Полиграфсервис и Т»
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 162

ООО «Полиграфсервис и Т»
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел./факс (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

ПД 00408 от 13 марта 2000 г. Отпечатано с готового оригинал-макета в государственном унитарном предприятии Республики Адыгея «Республиканское издательско-полиграфическое предприятие «Адыгея» Комитета РА по делам печати, информации и общественно-политическому прогнозированию. г. Майкоп, ул. Пионерская, 268. Заказ № 093.

**Прототипы персонажей
«Страны Прометея»**

Абдурахманов Хабыж Хажибекирович
Анзоров Мудар Кайсынович
Атажукин Адильгирей Асланбекович
Балкароков Ислам (Дадаш) и его дочери
 Джан, Джансурат, Алтынчач, Даута,
 Фатимат, Сафият
Бекович-Черкасский Тембот Жанхотович
Видяйкин Дмитрий Никитович
Даутоков-Серебряков Заурбек Асланбекович
Диков Хазеша
Кривчик Яков Ефремович
Махатадзе Георгий Александрович
Мистулов Эльмурза Асланбекович
Мосолов Григорий Александрович
Наурузов Таусултан Магометович
Сахаров Алексей Иванович
Серебряков Георгий Никифорович
Суншев Маштай Тенгизович
Суншев Тенгиз Казиевич
Тизенгаузен Петр Львович
Тхазеплов Исмаил Умарович
Церетели Иван Николаевич

